

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1/2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефедова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С. председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя
департамента финансовых рынков и банков Финансового
университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель
директора по науке Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой прикладной
институциональной экономики экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
народонаселения экономического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ВРИО директора Института научной информации по общественным
науками (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной
работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е.

член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем
рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором Института
проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 1/2020

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
- 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
- 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2020

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 20.02.2020.
Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 391-20

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Ленчук Е.Б. Обращение к читателям журнала	9
Воейков М.И. Политэкономические исследования в Институте экономики за 90 лет	11
Зельднер А.Г., Фрумкин Б.Е. Аграрные исследования в 90-летней истории Института экономики РАН: люди и судьбы	34
Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Одинцова А.В. Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления	51

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Караваева И.В., Казанцев С.В., Коломиец А.Г., Иванов Е.А. Основные характеристики федерального бюджета на 2020 год и на плановый период 2021–2022 годов	77
--	----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Сухарев О.С. Теория дисфункций: проблема управления и уточнение целей макроэкономического развития	95
Смородинская Н.В., Малыгин В.Е., Катукоев Д.Д. Роль эндогенных механизмов и фактора сложности в достижении сбалансированного экономического роста	113
Лерман Е.Б., Соловьева О.Б. Формирование финансовой культуры в России: проблемы и пути решения	130

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шестакова Е.Е. Продление трудовой жизни: новые подходы и механизмы стимулирования (из опыта стран ОЭСР)	144
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Дмитриев А.С., Назарова А.А.

Тенденции развития страхового рынка в России:
институциональный аспект 159

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Нешитой А.С., Иванов М.Ю.

Творческий междисциплинарный подход к развитию
нового направления в экономической теории
(к итогам XIII Международного Пущинского симпозиума
по эволюционной экономике) 169

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Зотова Е.С.

«Общая теория ноономики» – учебник для изучающих
современные проблемы техно-социо-экономических
трансформаций 183

CONTENTS

ON THE 90th ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RAS

- Lenchuk E.B.**
Address to Readers of the Journal 9
- Voeikov M.I.**
Political Economy Studies at the Institute of Economics for 90 years . . . 11
- Zeldner A.G., Frumkin B.E.**
Agricultural Research in the 90-year History of the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences:
People and Destinies 34
- Bukhvald E.M., Valentey S.D., Odintsova A.V.**
Economic Problems of Federalism, Regional Policy and Local
Self-Government 51

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

- Karavaeva I.V., Kazantsev S.V., Kolomiyets A.G., Ivanov E.A.**
The Main Characteristics of the Federal Budget for 2020
and for the Planning Period 2021–2022 77

ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Sukharev O.S.**
Theory of Dysfunctions: the Problem of Management
and Clarification of the Goals of Macroeconomic Development 95
- Smorodinskaya N.V., Malygin V.E., Katukov D.D.**
The Role of Endogenous Mechanisms and Complexity Factor
in Achieving Balanced Economic Growth 113
- Lerman E.B., Solovieva O.B.**
Formation of Financial Culture in Russia: Problems and Solutions 130

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Shestakova E.E.**
Extension of Working Life: New Approaches and Incentive Mechanisms
(from the Experience of OECD Countries) 144

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Dmitriev A.S., Nazarova A.A.

Trends in the Development of the Insurance Market in Russia:
Institutional Aspect 159

SCIENTIFIC LIFE

Neshitoi A.S., Ivanov M.Yu.

Creative Interdisciplinary Approach to the Development of a New
Direction in Economic Theory (to the Results of the XIII International
Pushchino Symposium on Evolutionary Economics) 169

ON BOOKSHELF

Zotova E.S.

“The General Theory of Noonomy” – a Textbook for Students
of Modern Problems of Techno-Socio-Economic Transformations 183

К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Дорогие друзья!

2020 год – юбилейный для Института экономики РАН. Исполняется 90 лет со дня создания старейшего в России научно-исследовательского учреждения экономического профиля. На протяжении всех этих лет Институт экономики РАН был признанным центром фундаментальных экономических исследований, сочетающих глубокие теоретические и стратегические разработки с прикладным анализом. В Институте велась работа по широкому кругу научных направлений, в числе которых политекономические исследования, история экономической мысли, размещение производительных сил, экономика промышленности и сельского хозяйства, организация управления общественным производством и научно-техническим прогрессом, социально-трудовые отношения, международная экономическая интеграция.

В Институте экономики РАН работали такие выдающиеся ученые, как Л.И. Абалкин, Д.А. Аллахвердян, А.А. Арзуманян, О.Т. Богомолов, Е.С. Варга, В.Г. Венжер, Л.М. Гатовский, Т.И. Заславская, Е.И. Капустин, Я.А. Кронрод, Л.А. Леонтьев, Д.С. Львов, Б.З. Мильнер, В.С. Немчинов, А.И. Ноткин, К.В. Островитянов, А.И. Пашков, С.А. Ситорян, В.К. Сенчагов, Г.М. Сорокин, С.Г. Струмилин, И.А. Трахтенберг, Т.С. Хачатуров, Г.И. Шмелев, Н.П. Шмелев, Б.Ц. Урланис и многие другие.

Несмотря на все повороты в истории страны и существовавшие в советских условиях внешние и внутренние ограничения, ученые Института всегда старались высоко держать интеллектуальную планку научных исследований, уходя от официального доктринерства, ведя исследования реальных экономических и социальных процессов. И сегодня, когда российская экономика сталкивается с множеством новых вызовов, Институт сохраняет и развивает заложенные нашими предшественниками традиции свободного научного поиска и научных дискуссий, концентрируясь на разработке концептуальных проблем обеспечения устойчивого и динамичного социально-экономического развития страны, решение которых будет содействовать созданию условий для повышения качества жизни российских граждан.

В преддверии юбилейной даты мы открываем новую рубрику – «К 90-летию Института экономики». Здесь будут публиковаться статьи, содержащие ретроспективный анализ ключевых направлений научных исследований Института, разработки по которым продолжают сохранять актуальность и ведутся по сей день. Мы посчитали важным еще раз оценить вклад Института в развитие экономической мысли, вспомнить о сформировавшихся в его стенах научных школах, которые мы стараемся развивать, и рассказать об этом читателям журнала, прежде всего новым поколениям российских экономистов.

*Директор Института экономики РАН,
доктор экономических наук
Елена Борисовна Ленчук*

М.И. ВОЕЙКОВ

доктор экономических наук, профессор,
зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИКИ ЗА 90 ЛЕТ

В статье рассматривается развитие политэкономических исследований в Институте экономики РАН за 90 лет его существования. Выделяется особая школа политэкономических исследований Института как реальное направление экономической теории. Суть этого направления состоит в следующем. Для советского периода политэкономические исследования Института доказывали необходимость большего развития товарного производства и рыночных отношений в советской экономике. Для постсоветского периода исследования Института доказывают необходимость большего государственного регулирования экономики и ограничения рыночных отношений.

Ключевые слова: политическая экономия, товарно-денежные отношения, собственность, рыночные отношения, Институт экономики.

JEL: A11, B30, B31, P00.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10001

Институт экономики и функции политической экономии

Отечественные экономисты, занимавшиеся исследованиями в советское время в условиях сталинского тоталитарного режима, обязаны были кроме выполнения своих научных функций служить пропагандистами официальной идеологии «марксизма-ленинизма». Это, несомненно, накладывало печать на все экономические исследования, проводившиеся в нашей стране, особенно на теоретические исследования в области политической экономии. Однако эта пропагандистская функция ученых не могла охватить весь объем теоретических исследований. Внимательный анализ становления и эволюции политэкономических исследований тех лет убеждает, что они имели и положительный научный результат. В данной статье рассматриваются место и значение политэкономических исследований советского периода в истории отечественной экономической мысли и, в частности, роль ученых Института экономики (далее ИЭ) в ее развитии.

Политэкономические исследования в ИЭ, безусловно, должны были учитывать рамки тогдашних идеологических установок, но при этом они имели собственную логику развития и в значительной степени отражали новую хозяйственную реальность, которая питала эти научные исследования и определяла их направления. Когда логика научных исследований «уводила» ученых ИЭ в сторону от официальных идеологических схем, то им своевременно указывали на их «уклонения». Такие указания (постановления ЦК КПСС в адрес ИЭ) не были одноразовыми, что говорит о том, что в исследованиях ИЭ все-таки доминировала самостоятельная логика научного анализа, которая в целом не вполне или не всегда соответствовала тогдашним идеологическим схемам.

* * *

Институт экономики был создан в 1930 г. До 1960-х годов он представлял собой головное, с точки зрения идеологии, научное учреждение, занимавшееся исследованием политэкономических проблем. Это было связано с рядом причин, основная из которых заключалась в том, что ИЭ стал преемником Института экономики Коммунистической академии, где в первые годы советской власти концентрировались исследования идеологических и методологических проблем строительства нового общества. Становление ИЭ пришлось на период формирования сталинизма, и большинство (или все) политэкономических исследований находились под этим воздействием. Никто из заметных исследователей не избежал, в той или иной мере, влияния сталинской методологии. В работах сотрудников ИЭ 40-х годов четко прослеживается линия «борьбы» на «трех линиях фронта»: против буржуазных экономистов, против троцкистов и против правых (бухаринцев).

К середине 30-х годов со всеми серьезными течениями экономической мысли в России, которые не вписывались в установленные идеологические рамки, было покончено. Однако некоторые положения этих течений волей-неволей пробивались и через сталинскую методологию. Ведь формировалась принципиально новая экономическая система, которую нужно было осмыслить и объяснить, что невозможно без понимания реально происходящего экономического процесса. А именно на базе этого процесса формировались разные течения экономической мысли. Даже те, которые были ликвидированы официально, стали реально проявляться в ходе политэкономических исследований.

В научно-исследовательской деятельности ИЭ важное место отводилось политической экономии вообще, и политической экономии социализма в частности. При этом следует отметить, что в советской политической экономии социализма существовало несколько тече-

ний или направлений, представители которых пытались усовершенствовать существовавшую экономическую систему и не занимались собственно апологетикой. Поэтому исходить из факта существования политической экономии социализма с ее школами, дискуссиями и творцами можно и нужно. И чтобы двигаться дальше, то есть развивать отечественную экономическую теорию, нам надо проанализировать и оценить прошлые этапы ее становления – будет легче понять особенности общественного строя, который более чем 70 лет существовал в нашей стране и который нельзя считать исчезнувшим без каких-либо следов.

Это важный момент. Он характеризует сложившуюся методологию отечественной экономической науки, которая полностью сохранилась и до сегодняшнего дня. Суть в том, что почти все серьезные экономические сочинения советского периода были написаны в нормативном плане, то есть содержали предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы. Просто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе, не считались достаточно научными.

Политическая экономия социализма выполняла несколько функций – в качестве одной из главных была пропагандистская и в научном смысле менее интересная. Почти все научные работы, в том числе, конечно, и серьезные, в той или иной мере содержали элементы апологетики. Это было неизбежно. Вместе с тем можно выделить еще три функции советской политэкономии, которые носили научный характер.

Первая функция – это попытка объяснения существующего строя (не его оправдание, что относится к апологетике). Авторы пытались как-то уточнить и конкретизировать многие принципиальные положения, которые составляли основу официальных идеологических трактовок. Это было чрезвычайно трудно и удавалось в крайне незначительной степени. Основная трудность заключалась не в репрессивности режима (это лишь внешний фактор), а в том, что сами ученые находились в ловушке сталинской методологии. То есть авторы искренне полагали, что они живут при социализме (с любыми эпитетами) и пытались на основе марксистской методологии научно объяснить это новое общество. Но сделать это было невозможно: последовательное уточнение какого-либо официального идеологического положения приводило в конце концов или к отрицанию социалистического характера общества, или к отрицанию соответствия официального положения марксизму.

Вторая функция – это попытки усовершенствования существовавшего строя, позволявшая легче развернуться в теоретических построениях, высказывать различные взгляды и устраивать дискуссии. Стоит

отметить, что почти все основные дискуссии в советской экономической науке проводились в рамках выполнения этой функции, что и соответствовало не только основному предназначению политической экономии социализма, но и социальной традиции отечественной общественной науки.

Третья функция – это создание общей теории социализма. Такие попытки предпринимали многие исследователи, но их результат был чрезвычайно ничтожным. Главная причина состоит опять же в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и никак не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом или с какой-либо другой общей социалистической теорией.

В этих рамках разворачивались политэкономические исследования сотрудников ИЭ. Основное противоречие, с методологической точки зрения, в котором они оказались, состояло в том, что, с одной стороны, нужно было соответствовать традициям «субъективного метода в истории», или социального подхода, и активно формировать (или оправдывать) существовавшую экономическую политику, а с другой – нужно было исследовать и объяснять реальности социально-экономического процесса, как он происходил в действительности.

Традиции российского обществознания

Итак, обратимся к работам ИЭ, которые были посвящены именно методологическим аспектам экономической политики Советского государства. Здесь следует выделить работы Л.М. Гатовского по «теории советского хозяйства». В них автор пытался определить и обозначить теоретические основы нового типа хозяйства. Но и в этих работах Гатовский делал упор на субъективные возможности власти планировать хозяйственное развитие. Рассуждая о регуляторе экономического развития в СССР, он писал: «Поскольку процесс обобществления, составляющий содержание регулятора, не может осуществляться путем стихийного “врастания”, он неотделим от планового руководства, от плановой формы. Иными словами, регулятором экономики СССР является плановый регулятор процесса построения социализма» [6, с. 51]. Далее в этой же статье Л. Гатовский пишет о «специфической роли надстройки», о «ведущей роли экономической политики» [6, с. 65] и о других аналогичных положениях, которые встречались практически повсеместно.

Многие советские экономисты и идеологи 1920-х и 1930-х годов, в том числе и ученые ИЭ, плановое воздействие на экономику и общество рассматривали как основополагающее. Даже в более поздний, послевоенный период во многих теоретических постанов-

ках плановое начало (то есть сознательное действие) выдвигалось как существенный элемент функционирования экономических законов. Л. Гатовский в 1979 г. писал, что «регулирующая роль экономических законов при социализме реализуется через плановое управление хозяйством» [7, с. 99].

Нельзя забывать о том, что почти все ученые ИЭ исходили из необходимости совершенствования именно социалистического общества. Многие верили, что весь комплекс улучшений приближает существующее общество к искомому идеалу. Но особенность школы ИЭ состояла в том, что методологические рассуждения по проблемам улучшения экономической системы прежде всего выявляли характерные черты реально существовавшей системы и на этой основе пытались уточнить или даже трансформировать идеальные представления.

Таким образом, работая в целом в рамках отечественной традиции «субъективного метода», или императива *должное*, политэкономические исследования ИЭ находились как можно ближе к анализу реальности, то есть императива сущего, и это иногда даже доминировало в их работах. В этом состояла известная противоречивость представителей школы ИЭ: вынужденные работать в общих рамках социального направления, или «субъективного метода», они волей-неволей скатывались на позиции реального направления.

Наверное, самым плодотворным и интересным ученым именно этого противоречивого плана был В.Г. Венжер, который почти всю свою творческую деятельность провел в стенах ИЭ и которого можно назвать наиболее ярким представителем «субъективного метода» в объективной, реальной школе ИЭ.

В книге, написанной им в 1990 г., в последний год жизни, В.Г. Венжер излагал свои мысли более откровенно, ибо в период горбачевской перестройки это было уже допустимо. В этой работе Венжер прежде всего исходил из экономической реальности: «Наш социализм ни полным, ни даже развернутым пока что далеко не является. Раз так, то, следовательно, переходный период от капитализма к социализму все еще продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока это строительство не завершится в полной мере или во всяком случае не достигнет состояния всеобщего достатка» [5, с. 50]. Но Венжер хотел усовершенствовать эту реальность. Однако перед ним стояла трудная задача по совмещению его теоретических представлений с реальностью экономического процесса. Он не был ортодоксальным приверженцем классического (в каутскианской его трактовке) марксизма. Почти всю свою жизнь он развивал и отстаивал теорию социализма, тесно связанного с кооперацией. В действительности В.Г. Венжер был идеологом «кооперативного социализма», причем одним из крупнейших идеологов этого направления в советское время. Хотя в то время

понятие «кооперативного социализма» активно отвергалось, Венжеру как-то удавалось излагать свои идеи. В той же, последней своей книге он писал: «Полный социализм есть строй кооперативный» [5, с. 87–88]. То есть он смог сделать почти в полной мере конкретные разработки по развитию колхозной кооперации, что всегда вызывало оживленную дискуссию и даже жесткую критику.

Однако общую теорию кооперативного социализма ему разработать не удалось. Вернее, ему не позволили. Принципы кооперации В.Г. Венжер распространял на все общество, на все предприятия. «При наличии общественной формы собственности, – писал он, – каждое отдельное предприятие лучше и надежнее всего превратить в предприятие кооперативное. В настоящее же время, поскольку по целому ряду объективного и субъективного характера причин наши промышленные предприятия являются государственными, превращать их в государственно-кооперативные следует путем сдачи по договору трудовым коллективам». «Самое главное и самое ответственное, – писал он о горбачевской перестройке, – это перевод, постепенный, но неукоснительно последовательный, всей и промышленной и земледельческой деятельности на рельсы кооперативности. ... Конечная цель перестройки – перевод всей экономики страны на рельсы общественного самоуправления, следовательно, на рельсы всеобщей кооперативности» [5, с. 93, 91].

В этих выдержках Венжер предстает уже как активный мыслитель социального направления, когда реальность предполагалось переделывать с точки зрения «идеала». «Идеалом» общественного устройства у Венжера был «кооперативный социализм». Но в то время кооперативные начала объективно присутствовали в реальном экономическом процессе и, говоря точнее, они требовали легализации. Особенно если иметь в виду многомиллионную армию крестьянства в 1920-х и 1930-х годах, чего нельзя сказать о промышленности в целом. Тем самым Венжер, работая в рамках социального направления, твердо стоял на почве реальности в определенных конкретных вопросах. Это целиком относится к колхозному строю.

Во многих работах ИЭ, особенно в послевоенный период, «субъективный метод» хотя и присутствовал, но не так довлел, как могло бы быть характерно для субъективной школы. Это можно видеть по многим теоретическим положениям, которые формулировались на основе изучения реального экономического процесса: положение о законе стоимости и товарности советской экономической системы; фактического неравенства субъектов производства; кооперативности и кооперативной формы собственности; стоимости воспроизводства рабочей силы, экономической обособленности и экономической самостоятельности предприятий и некоторые другие.

Плодотворные для развития теоретической дискуссии постановки можно обнаружить в целом ряде работ сотрудников ИЭ, посвященных теории собственности (М. Колганов. *Собственность в период перехода к коммунизму*. М., 1963; А. Еремин (ред.). *Общественная собственность развитого социалистического общества*. М., 1979), основному закону и цели производства (В. Черковец (ред.). *Основной экономический закон социализма*. М., 1978; Г. Латышева. *Основное отношение и высшая цель общественного производства при социализме*. М., 1981), а также методологическим проблемам (А. Пашков (ред.). *Методологические проблемы исследования экономики развитого социализма*. М., 1976; А. Сергеев. *Структура производственных отношений социализма*. М., 1979). Вышеперечисленные и некоторые другие работы были выполнены в основном в логике социального направления, что отличало их от традиционных для ИЭ политэкономических исследований «реального» направления. При этом отметим, что многие из названных выше авторов пришли лишь на некоторое время в ИЭ из МГУ и, естественно, своими, хотя и интересными и творческими работами, но все же не вписывались в реальное направление исследований ИЭ.

Тем не менее политэкономические исследования ИЭ нельзя полностью и целиком отнести к «субъективному методу», или социальному направлению, и главная причина здесь, на наш взгляд, состоит в том, что эти исследования стремились как можно ближе быть к экономической реальности и, что также очень важно, эту реальность воспринимать не в деталях, а системно, как целостную общественно-экономическую систему, в точном смысле этого слова.

Попытки систематизации категорий политической экономики

Когда говорят о развитии политэкономических исследований в нашей стране, обычно освещают дискуссию 1951 г. и учебник «Политическая экономия» 1954 г. Действительно, это были значительные вехи в истории отечественной экономической мысли. И львиная доля «заслуг» в этом приходится на ИЭ. Скажем здесь несколько добрых слов в адрес учебника. В нем впервые была предпринята попытка системно охватить все основные проблемы «экономической теории социализма», как тогда она представлялась. В учебнике были разделы и по другим «способам производства», но это не является предметом настоящего рассмотрения. На фоне некоторой раздробленности экономических представлений о «государственном социализме» сталинского периода такая систематизация знаний или, точнее говоря, формул и установок, была понятна, удобна и целесообразна. Учебник создал современную экономическую терминологию, понятийный аппа-

рат и сферу допустимого научного поиска. Прагматическую функцию консолидации экономической идеологии этот учебник выполнил хорошо – созданная им система экономических категорий и соответствующей терминологии до сих пор прочно удерживается в массовом политэкономическом сознании. К сожалению, та идеология была совсем плохая.

Даже пытаясь найти рациональные зерна в серии политэкономических исследований ИЭ и обрисовывая эти исследования как своеобразную «реальную школу», невозможно не отметить и резко негативную роль этого учебника. После выхода этого учебника надолго остановилось развитие реальных исследований в экономической теории: инакомыслие в теории давилось формулами из этого учебника, все учебные программы строились только в соответствии с ним. До сих пор отечественным экономистам трудно дается гармоничное восприятие многих новых течений и положений мировой экономической теории (неоавстрийская школа, неoinституционализм, концепции современной социал-демократии, радикальная политическая экономия, социоэкономическое направление и др.).

Однако винить составителей этого учебника в злом умысле нельзя. Это не их вина, а беда всей экономической науки, всего того времени. Интересно то, что почти все дальнейшие политэкономические исследования ИЭ шли против формул этого учебника, в борьбе с ними. Ибо схемы учебника описывали не то, что было в реальности, а то, что виделось идеологам властвующего слоя. Ученые ИЭ пытались отталкиваться от реальности и в своих теоретических построениях приближаться к ней. Именно это стремление к реальности и выделяет политэкономические исследования ИЭ в особое направление, которое можно определить как «реальное направление» или «реальную школу». Однако эта борьба была плохо заметна для постороннего взгляда. И если в каких-то конкретных исследованиях и на отдельных участках экономической теории можно констатировать продвижение к научной реальности, то в целом, в основных конституирующих положениях продвижения почти не было. Об этом свидетельствует, например, трактовка социалистической собственности, как она давалась в учебнике «Политическая экономия», и ровно через 30 лет – в фундаментальном труде ИЭ «Экономический строй социализма». В первой работе читаем: «Общественная собственность является основой социалистического строя. ... В первой фазе коммунизма общественная социалистическая собственность существует в двух формах: 1) в форме государственной собственности и 2) в форме кооперативно-колхозной собственности» (1954 г.) [15, с. 392]. Во втором труде указывается на отношения социалистической собственности, «прежде всего двух ее форм, составляющих основу экономической системы социализма

в нашей стране, – общенародной и колхозно-кооперативной» (1984 г.) [18, с. 222]. Принципиальные различия между этими формулами состоят лишь в том, что в первом случае употребляется термин «кооперативно-колхозная» собственность, а во втором – «колхозно-кооперативная».

Следует сказать, что все попытки систематизации категорий политической экономии социализма как продукт коллективных усилий не дали однозначного положительного результата. Сегодня эти коллективные труды могут служить впечатляющим памятником той эпохи: в них не было живой научной мысли, не было и цельной концепции ни того общества, которое было в реальности, ни того, которое желательно было видеть. Функция политической экономии по созданию общетеоретической концепции социализма или его экономической основы в советский период практически не выполнялась. Ибо невозможно было непротиворечиво увязать в единую систему классический марксизм, официальную советскую экономическую идеологию, которая должна была бы базироваться на этом марксизме, и хозяйственную реальность. Вообще коллективные труды в экономической теории – дело чрезвычайно неблагодарное, так как полученный в итоге результат, при колоссальных усилиях научного руководителя, редактора или составителя по «причесыванию всех под одну гребенку», оказывается существенно меньше затраченных усилий. Политическая экономия, как и любая другая наука, развивалась в трудах отдельных ученых.

Попытки приближения к противоречивой реальности

Исследования теоретических вопросов политической экономии постоянно наталкивали ученых на проблему резкого расхождения реального экономического процесса и идеологического его оформления. С одной стороны, надо было соответствовать идеологическим схемам советской конструкции «марксизма-ленинизма», по крайней мере, далеко «оттуда не выпадать». За это наказывали более сильно, чем за что-либо другое. Этот момент осложнялся еще тем, что данная идеологическая конструкция постоянно менялась, причем в разные стороны. С другой стороны, надо было соответствовать классическому марксизму, ибо последний рассматривался как основа советской идеологической конструкции. Трудность здесь состояла в том, что конструкция «марксизма-ленинизма» далеко не всегда совпадала с классическим марксизмом (например, положение о строительстве социализма в отдельно взятой стране), и уже отсюда шла раздвоенность. Но была и третья сторона – народно-хозяйственная практика, изучение и объяснение которой вообще-то составляло важнейшую функцию политической экономии. Разные научные коллективы решали эту

проблему по-разному. Так, коллектив кафедры политэкономии МГУ (Н. Цаголов) основные усилия направил на разработку теоретических проблем, обосновывающих отрицание товарного характера «социалистического производства», что, при сохранении стройности абстрактной марксистской теории, уводило в сторону от анализа реального экономического процесса. Зато в этой школе почти не было противоречий с классическим марксизмом.

Институт экономики так поступить не мог, в силу его обязанности заниматься и народно-хозяйственными проблемами. Поэтому его теоретики и политэкономы вынуждены были искать пути непротиворечивого соединения хозяйственной реальности с господствующей политэкономической теорией. Но при этом они оказывались в двойственном состоянии: создание теории, адекватной практике, вело к ревизии сложившихся «марксистско-ленинских» формул.

Наиболее глубоко эту противоречивость в своих научных работах отразил Я.А. Кронрод, который для послевоенного периода в политэкономических исследованиях ИЭ был одной из центральных фигур, а в 1960-е годы – основной.

В отличие от многих политэкономов, которые крепко держались за спущенные сверху партийные формулы или абстрактные теоретические построения марксизма, Кронрод, наоборот, исходил из жизненных реалий и пытался теорию подправлять под практику. Поэтому он и внес много нового в теорию, постоянно рождая у своих читателей сомнения в истинности официальной теории. В целом его теоретические построения были намного ближе к практике, но все дальше отходили от сталинских политэкономических догм. Кронрод последовательно выступал за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т. д. Однако все эти категории не были категориями сугубо социалистических отношений и были очень трудно совместимы с господствующими социалистическими императивами.

С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Кронрод оказался в клещах теоретического противоречия, которое вообще было присуще всей нашей прежней политэкономической конструкции. Более того, я бы сказал, что Кронрод лучше и глубже всех выразил это противоречие, чем все остальные советские политэкономы. Это хорошо видно на примере его конструкции двух форм народно-хозяйственных связей (прямой, непосредственно планомерной, и косвенной, товарной), за что его в равной мере обвиняли в непоследовательности и рыночники (более близкие и симпатичные ему исследователи), и сторонники планового хозяйства. А ведь две формы связи Кронрода – это иная трактовка известной теории двух регуляторов Е. Преображенского. Но Преображенский разрабатывал свою теорию

для переходного хозяйства, не имея в виду социалистическое общество. В сегодняшнем понимании вопроса эти две формы связи Кронрода могли бы означать переходный характер того общества, в котором и жил Кронрод. И это было намного ближе к реальности, чем другие, менее противоречивые конструкции. Более того, две формы народно-хозяйственных связей Кронрода сегодня в политэкономической литературе трактуются как конституирующий момент современной смешанной экономики [13, с. 64].

В разработках Якова Абрамовича по теории социализма налицо были почти все характеристики рыночного социализма, а именно: товарный характер социалистического производства, регулирующая роль закона стоимости; проблема цены как балансирующего средства спроса и предложения; необходимость конкуренции (позднее он был вынужден писать об экономическом соревновании между предприятиями); наличие фактического неравенства между участниками социалистического производства, как его объективно необходимый момент; комплекс противоречий, конституирующих социалистическое общество и дающих импульс для его развития.

Но для того чтобы в методологическом плане обосновать теоретические постулаты рыночного социализма, не называя его именно так, следовало сделать еще один, пожалуй, решающий шаг. Необходимо было вырвать социализм из коммунизма и отделить их друг от друга. И Кронрод такой шаг сделал. Я имею в виду дискуссию 1970 г. о социализме как способе производства, которая проходила в Институте экономики АН СССР и после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Я.А. Кронрод из заведующего сектором был переведен в «исполняющего обязанности» старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшемся романе с Я.А. Кронродом поставил точку.

Кронрод обосновывал экономическую теорию *социализма*, то есть нечто мало похожее на то, чем пробавлялись «реалсоциалистические» власти. Когда он выстраивал отдельные категории и параметры социалистического здания, хоть в какой-то мере отвечающего здравому смыслу и требованиям современной науки, его терпели. Но когда он приступил к интеграции всего, что им было разработано, стало очевидно, что в результате получается совсем не то, что было написано не только в документах КПСС, но и во многих трудах классиков марксизма-ленинизма.

Чем же, собственно говоря, Кронрод напугал политические власти? В своем докладе на институтской конференции 1970 г. он, например, говорит о таких, получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества «все-

общей общественной негосударственной ... экономической его организации»; экономического соревнования между предприятиями и регулирующего значения в этом процессе закона стоимости («расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышения его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей...»); наконец, о необходимости экономической демократии, «экономической свободе личности непосредственного производителя» [8, с. 16, 33, 41]. Главную проблему в теории развития человеческого общества на данном историческом этапе Кронрод понимал так: «Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма – есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент – на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом, способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являющийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяемых в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, то есть как этап его становления, самостоятельный способ производства?» [8, с. 6].

Ну и что здесь такого особенного? Где же тут ревизия, отступничество, ересь? Сегодня все это представляется какой-то очень абстрактной конструкцией в поиске общности и различий между социализмом и коммунизмом и какой-то утопической схоластикой. Но не то было 50 лет назад.

Наиболее умные критики Кронрода все правильно поняли. Вот что писал И. Кузьминов по поводу вышеприведенной конструкции Якова Абрамовича: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я.А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду по существу как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономический закон социа-

лизма и т. д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывается в рамки первой фазы коммунизма. Но именно это-то обстоятельство и служит убедительным доказательством ее непригодности» [9, с. 20].

Я думаю, что И. Кузьминов в целом был прав. Концепция Кронрода «не укладывалась» не только «в рамки первой фазы», но и в рамки официальной трактовки государственного социализма. Поэтому была естественной и закономерной жесткая критика Я.А. Кронрода, резкое ограничение его публикационных возможностей.

Конечно, не только Я. Кронрод оказался в таком сложном состоянии из-за противоречий между реальным экономическим процессом, который требовал позитивистского подхода, и вульгарно истолкованным «субъективным методом». Многих сотрудников ИЭ жестко критиковали после той знаменитой конференции, прежде всего сотрудников кронродовского сектора: В.Г. Венжера, Л.В. Никифорова, Б.В. Ракитского. Но и другие ученые ИЭ, которые не являлись объектом политической критики, отражали эту противоречивость реального экономического процесса и его теоретического отражения в своих работах, например: Е. Маневич (Проблемы общественного труда в СССР М., 1966); Б. Ракитский (Общественные фонды потребления как экономическая категория. М., 1966); Э. Миженская (Личные потребности при социализме. М., 1973); Л. Евстигнеева (Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. М., 1975); Р. Иванова (Научно-техническая революция и развитие общественного труда в СССР. М., 1976); Е. Капустин (Социалистический образ жизни. Экономический аспект. М., 1976); В. Куликов (Экономические противоречия социализма: характер и формы разрешения. М., 1986) и др.

Однако при всей сложности и противоречивости ситуации, связанной с устоявшимися теоретическими формулами и всей идеологической завесой, к реальности надо было пробиваться – выполнять нормативную функцию политэкономия могла только тогда, когда ее практические предложения были бы адекватны самой реальности. Именно эту задачу и старались решать, хотя и со многими оговорками, ученые ИЭ в своих наиболее глубоких политэкономических исследованиях. Сейчас поясню, что имеется в виду. Реальность госсociализма можно было рассматривать, по крайней мере, в трех срезах. Первый, самый поверхностный срез, составляла официальная идеология, насаждаемая властью, которую можно назвать «марксизмом-ленинизмом». Второй срез представляла народно-хозяйственная экономическая политика, которая, с одной стороны, должна была соответствовать официальному «марксизму-ленинизму», а с другой – все-таки обслуживать и направлять реальный экономический процесс. И, наконец, третий срез, лежащий более глубоко, представлял сам объективный экономический процесс. Этот третий срез почти постоянно находился

в противоречии с экономической политикой и еще в большем противоречии – с официальной экономической идеологией.

Идеология, вообще-то всегда составляет своего рода методологическую базу экономической политики. Это нормально и естественно. Но в советский период, строго говоря, научно выработанной идеологии и не было, ничего научного она не содержала, кроме нескольких фраз из классического марксизма. Задача советской идеологии сводилась к обоснованию власти правящего слоя и сиюминутному реагированию на возникающие эмпирические потребности. Отсюда берут начало бесконечные противоречивые решения в экономической политике.

Но ученые ИЭ не могли просто ограничиваться официальными идеологическими формулами – в своих исследованиях они шли от потребностей хозяйственной практики. Поэтому их теоретические работы, которые в целом носили нормативный характер, то есть были выполнены в отечественных традициях «субъективного метода», все-таки в большей мере отвечали на вопрос: как единственно возможно было делать в существующих условиях? То есть политэкономические исследования ИЭ выполнялись не в терминах *должного*, а терминах *сущего*. Покажем это на конкретных примерах.

Так, Я. Кронрод, анализируя понятие «социалистическая собственность», указал на противоречие между формальным равенством производителей в распоряжении средствами производства и фактическим неравенством использования средств производства различными общественными группами трудящихся. Это же положение в 60-е годы более углубленно развил на примере кооперативной собственности Л.В. Никифоров: «Другими словами, кооперативу присуще внутреннее противоречие между общностью, равенством присвоения средств производства и фактически неравным положением людей, выражающимся в социальной неоднородности их производственной деятельности... Это противоречие отражает то обстоятельство, что существующий уровень производительных сил не создает основы для равного положения людей даже в пределах группового присвоения средств» [14, с. 206–207]. В этих теоретических положениях говорилось об экономическом и, следовательно, о социальном неравенстве, как объективно необходимой черте существовавшего советского общества.

Такая трактовка собственности в условиях госсocialизма была отражением реальности, а не официальной экономической идеологии. В этом отношении характерна вся трактовка проблемы товарного производства и товарно-денежных отношений «при социализме». Школа ИЭ исходила из реального экономического процесса, где объективно присутствовали все товарные и рыночные отношения, и их она и предлагала легализовать. Так, Б.В. Ракитский писал в 60-е годы: «То обстоятельство, что одни товары временно дефицитны, а другие –

избыточны, в цене никак не учитывается. ... Полный хозрасчет предполагает, что предприятия учитывают в своей работе конъюнктуру, реагируют на нее» [17, с. 140]. В другом месте Б. Ракитский писал, что при гибких ценах, которые могли бы колебаться в зависимости от реальной хозяйственной конъюнктуры, разовьется внутриотраслевое экономическое соревнование [16, с. 119]. Эти и другие утверждения можно было воспринимать как некоторые предложения по экономическому реформированию, что многие и делали. Но методологически реформизм ИЭ был особого рода. Предлагаемые реформы, например, развитие рыночных отношений, нельзя рассматривать как некоторые мероприятия по улучшению и развитию в целом уже «хорошего» общества, как достройку еще одного этажа хорошего здания. То есть, мол, общество и без рыночного механизма было приличным и себя вполне оправдывало. Но время изменилось, и чтобы теперь двигаться дальше, нужно ввести рыночный механизм, тогда будет совсем хорошо. Это логика обычного реформизма. Предложения ИЭ исходили из иной логики. Ученые ИЭ говорили, что общество без рыночного механизма вообще никуда не годится, ни теперь, ни раньше. Рыночный механизм и товарные категории надо «ввести» не потому, что они хорошие, более прогрессивные. Как раз многие сторонники рыночного реформизма уже и тогда прекрасно понимали убожество рынка. Но рыночные реформы нужны были потому, что товарные, рыночные категории и отношения и так уже есть в экономике, хотя и сильно деформированные. Их надо легализовать для правильного использования. Поэтому сегодня экономический реформизм ученых ИЭ следует рассматривать как отражение той реальной экономической действительности, которую на самом деле и представлял социально-экономический строй «государственного социализма». В проникновении в глубинные основы экономического строя, которые в реальности в СССР были товарными (что требовало легализации рыночных отношений) состоит непреходящая заслуга многих политэкономических исследований ИЭ. За это Институт экономики те власти не любили. Эти тоже его не любят по той же причине. Но об этом позже.

Реалистичность

Этим словом можно обозначить характер и направленность политэкономических исследований конца 1980-х – начала 1990-х годов в Институте экономики. В это время в обществе произошли серьезные политические изменения, которые в политэкономических исследованиях нашли неоднозначное отражение.

В массовом политэкономическом сознании утвердился стереотип так называемого «конца истории», краха «социализма», завершения

господства марксизма и торжество либерализма. Однако в политэкономических исследованиях ИЭ этот процесс рассматривался иначе. В работах многих ученых ИЭ утверждалось, что собственно социалистического общества после русской революции 1917 г. в России не сложилось, а получился огосударствленный строй социального олигархизма. «Итак, – пишет, например, Л. Никифоров, – государственный олигархизм вместо обещанного социализма – таков результат стратегического посленэповского и антинэповского поворота развития Советского Союза в конце 20-х годов XX века» [13, с. 29].

Соответственно, при такой методологической позиции нельзя было ждать и перехода к либерально-демократическому обществу по типу западноевропейских стран. Россия, по мысли Л. Никифорова, «не может эффективно развиваться в условиях господства какого-либо одного типа общественных отношений, будь то капитализм или огосударствление. Поэтому она отторгла капитализм как господствующий строй уже в 1917 г. и не приемлет его в таком качестве сегодня» [13, с. 3]. Не вдаваясь в анализ некоторых тонких и еще недостаточно проясненных моментов этой позиции, отметим здесь главное. А главное состоит в том, как это было свойственно всем основным работам «реальной школы» ИЭ, что данная трактовка социально-экономического устройства – это прежде всего отражение действительной реальности, а не пожелания лучшего общества. Конечно, автор, как и многие другие его сторонники, подчеркивает необходимость «стратегии» становления общественной системы «принципиально нового смешанного интеграционного типа». Но упор здесь делается не на том, что, мол, надо, «засучив рукава», в сжатые сроки возвести эту смешанную систему, а на необходимость учитывать объективные закономерности общественного развития («общемировые тенденции») и существенные особенности страны. То есть, по сути дела, во главу угла ставится, прежде всего, учет реальной действительности социально-экономического развития.

Этот же методологический прием присутствует во многих теоретических построениях ИЭ относительно проводимого ныне курса экономического реформирования. Не вдаваясь в анализ деталей современного экономического реформирования, вычленим лишь методологический аспект проблемы.

Наиболее глубоко и ярко этот подход в политэкономическом плане представлен в серии работ Л.И. Абалкина. Еще в самом начале экономического реформирования, в 1992 г., Л. Абалкин писал, что «свободный, нерегулируемый рынок, находящийся во власти стихийных сил, не в состоянии решить современные проблемы». И дальше: «Экономические и политические реформы, начатые в ходе перестройки, постепенно соскользнули к однобокому и весьма упрощенному подходу,

к попыткам механически взять и насадить на российской почве модель западной цивилизации, особенно, и прежде всего, в ее американской модификации. Этот замысел бесперспективен и обречен на неудачу» [1, с. 69, 199]. В результате всего монетаристского реформирования, как пишет автор: «Произошла глубокая деформация внутренней структуры воспроизводства. Постепенно проедается и стареет основной капитал. Падающие инвестиции уже неспособны поддерживать функционирование важнейших отраслей жизнеобеспечения хозяйства и общества. Не хватает оборотных средств. Кризис платежей парализует экономический оборот». «Нынешний российский кризис ... перерос в прямой развал экономики» [2, с. 63, 71]. Итак, один из наиболее ярких и последовательных представителей «реальной школы с самого начала «шоковой терапии» в экономике выступал с предостережениями против очередных мифов и скоропалительных решений.

При этом важно отметить, что Л. Абалкин (как, впрочем, и многие другие представители «реальной школы» – Я. Кронрод, В. Венжер, В. Батырев, А. Ноткин и др.) еще в 1960-е годы и позже выступал за развитие рыночных, товарных отношений в условиях тогдашнего «социализма». Ибо та огосударствленная экономика требовала развития в сторону большей товарности, рыночности. Такова была ее природа. Но сегодня «рыночные романтики», опять же без всякого учета объективной природы и исторических особенностей российской экономики, провозглашают рынок панацеей от всех бед. Естественно, что представители «реальной школы» вынуждены развернуть орудия критики на 180 градусов и начать систематическое наступление на очередное мифотворчество.

Эти идеи развиваются во многих работах ИЭ сугубо политэкономической направленности, например, в следующих монографиях: Л. Абалкин (ред.). Панорама экономической перестройки. М., 1989; Л. Никифоров (ред.). Смешанное общество: основы, сущность, проблемы. М., 1993; Ю. Ольсевич. Трансформация хозяйственных систем. М., 1994; Л. Абалкин. Спасти Россию. М., 1999 и др. Здесь же можно назвать посмертную публикацию четырех фундаментальных книг Я. Кронрода, в т. ч. «Очерки социально-экономического развития XX века» (М., 1992).

Сегодня видно, что предостережения начала 1990-х годов полностью оправдались. Представители «реальной школы» ИЭ оказались существенно ближе к реально сложившемуся состоянию общества, чем представители некоторых других школ.

Анализ основных этапов развития политэкономических исследований в ИЭ убеждает в том, что основная линия этих исследований проходила во все большем приближении к реалиям существующего социально-экономического процесса. Если в советский период это

был упор на большее развитие товарного производства и рыночных отношений, то в постсоветский период, наоборот, упор делается на ограничение рыночного саморегулирования экономики, на развитие социально ориентированного рыночного хозяйства. То есть упор в исследованиях делается, скорее, не на *должное*, а на *сущее*.

Здесь требуются некоторые пояснения. Может создаться впечатление, что сегодняшние либеральные реформаторы (которые в большинстве своем выходцы из социального направления), требуя безграничного развития рыночных начал, как раз исходят из реальности. Ибо в других странах Запада, как они говорят, наблюдается полное господство рыночной экономики. Однако страны Запада очень разные. Но главное, Россия не есть страна Запада. Исторические и географические особенности России, не выбивая ее из общемирового хода истории, придали происходящему здесь экономическому процессу существенное своеобразие, которое требует своей, особенной рыночной экономики. И она тут уже есть в реальности. Поэтому рынок в России надо не сворачивать, как пытались делать первые большевики, и не раздувать, как ныне делают либерал-реформаторы, а всего лишь легализовать в его исторических пределах и с учетом его особенностей. «Любая программа, – считал Л.И. Абалкин, – не учитывающая исторического своеобразия страны, ее социокультурных особенностей, господствующих стереотипов массового сознания и поведения, окажется неизбежно бесплодной и нереализуемой» [3, с. 7].

Вместе с тем нельзя политэкономические исследования ИЭ выводить вообще за пределы отечественной традиции «субъективного метода», ценностных ориентиров общественного развития. Но особенность «реальной школы» ИЭ состояла и состоит в том, что эти исследования находились на наиболее близком расстоянии к реальной жизни, стремились сократить это расстояние.

Это естественным образом вызывало недоумение и даже недовольство властвующими слоями в обществе: как же так происходит, что главное научное учреждение в области экономической идеологии в советский период высказывает мысли, идущие вразрез с идеологией власти? И сегодня новая мифология в экономической политике власти не находит отражение в политэкономических исследованиях ИЭ. Наоборот, ученые ИЭ высказывают совершенно другие мысли, противостоящие рыночным фундаменталистам и мечтателям. Реализм против мифов – так можно было бы обозначить главный лозунг «реальной школы» ИЭ.

Сегодня в России либеральным реформаторам противостоят не только ученые ИЭ, но, пожалуй, значительная часть российских экономистов. Все это почти полностью относится к Отделению экономики Российской академии наук, которое, по словам, сказанным

его бывшим академиком-секретарем Д.С. Львовым, начиная с конца 1992 г. формирует теоретическую оппозицию либерально-радикальной концепции [11, с. 28]. Но в данной статье внимание было сконцентрировано на школе ИЭ. Кстати, академик Д.С. Львов долгое время, еще в советский период, работал в Институте экономики.

В советское время власти боролись с реализмом ИЭ путем оргвыводов, принятия соответствующих постановлений и постоянных реорганизаций. Это было неприятно, но чрезвычайно полезно для широкого распространения идей «реальной школы». Сегодня делают проще: уменьшают финансирование и замалчивают. Дешево и сердито.

Возрождение политэкономии в России

Провал либеральной экономической концепции реформирования российской экономики, навязывание нам западного экономикса и американизированной экономической теории вызывает необходимость найти точку опоры для возрождения политической экономии в России. И что-то в этом отношении у нас начинает делаться, но трудно и противоречиво. Еще в 2009 г. академик Л.И. Абалкин писал: «Современное возвращение к политической экономии – трудный и мучительный процесс. Он требует серьезных раздумий и переосмысления многих стереотипов массового сознания» [4, с. 3]. Однако этот процесс, как говорится, пошел.

В 2010 г. Институт экономики РАН совместно с Новой экономической ассоциацией провел научную конференцию «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке?» [10]. Такая конференция назревала давно. Отмена и почти запрещение политической экономии как научной и учебной дисциплины внесло некоторую растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов. Большинство из них надеется на возвращение политической экономии. Для этого есть много причин. Назову, может быть, главную. Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний, что и как надо делать в народном хозяйстве, но прежде всего помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества.

Сейчас такое сочетание слов, как *политическая экономия*, начинает мелькать все чаще и чаще. Это связано со многими факторами. Выделим лишь два. Банкротство неоклассической тенденции в экономической теории, которая не смогла предвидеть мировой финансовый кризис и вообще не в состоянии объяснить современные тенденции развития глобальной экономики. Вторым фактором является то, что в последние 30 лет (и это отмечают все исследователи) произошел очень серьезный рост неравенства во всем мире.

В Институте экономики РАН создан специальный сектор, который занимается проблемами политической экономии. Сектор представил программу исследований, которая стала предметом обсуждения и центральным вопросом на конференции. Что должна исследовать современная политическая экономия? Сегодня это очень сложный и дискуссионный вопрос.

Если раньше (XVIII–XIX вв.) политическая экономия была неким теоретическим основанием практически для всей проблематики экономической науки, то по мере развития общества и научного знания из нее постепенно стали выделяться отдельные направления экономической теории, которые также успешно развивались. Каждая из этих наук претендует на свою нишу, на свои методы изучения, на свои способы объяснения. При этом возникает вопрос: осталась ли ниша, которую может изучать только сама политэкономия? Не другие развивающиеся науки (скажем, социология, или та же неоклассическая теория), а то, что характерно для самой политэкономии? На уровне гипотезы хочется предположить, что, безусловно, для политической экономии такая ниша есть, например: вопросы, связанные с историческими факторами экономического развития; вопросы, связанные с экономическими интересами и неравенством; вопросы взаимодействия финансового и реального секторов экономики; вопросы границ рынка и не рынка и другие. В других направлениях экономической теории это рассматривается не в той мере или не в таком ракурсе. Наверное, это и есть поле политэкономического исследования. Все это должно стать предметом оживленных научных дискуссий.

В Институте экономики РАН нет даже мысли о возвращении к старой «марксистско-ленинской» политэкономии. Учебник «Политическая экономия» 1954 г., подготовленный тогда Институтом экономики, сделал свое дело, и реанимировать это бесперспективно. Сегодня в мировой экономической теории не может быть монополии одной концепции. У нас много разных взглядов. Главное – натолкнуть исследователей на то, чтобы более ясно определить, чем мы должны заниматься. Вот это главная проблема. Здесь нет оценок в терминах «хорошо» или «плохо», а надо просто понять, чем должны заниматься политэкономы в новом геополитическом пространстве.

В апреле 2012 г. в Институте экономики РАН состоялся Первый международный политэкономический конгресс стран СНГ и Балтии. Организатором Конгресса была Международная политэкономическая ассоциация, соорганизаторами – Институт экономики РАН, экономические факультеты Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, Вольное экономическое общество России и др. В работе этого конгресса приняли участие более 500 участников – представите-

лей академической и вузовской науки из 40 регионов России, а также более 30 зарубежных экономистов из Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Украины, США и Франции.

Открыл Конгресс вице-президент Российской академии наук, академик РАН А.Д. Некипелов, который сказал, что новая волна интереса к политической экономии весьма оправданна [12]. Политэкономический подход может стать принципиально важным слагаемым в решении ряда фундаментальных проблем экономической теории. Во-первых, политэкономический подход позволяет успешно решать задачи преодоления теоретической нестыковки между проблемами индивидуального и социального выбора, а эта проблема, в частности, указывает на важность органичной интеграции политического в экономическую теорию. Во-вторых, в политэкономической теории содержатся важные предпосылки для формирования органичного представления не только о функционировании экономических систем и институтов, но и об их становлении и развитии. Именно здесь возможно актуальное критическое использование марксистской парадигмы в логике политической экономии.

Конечно, это будет другая политэкономия, которая не только критически унаследует, но и подвергнет отрицанию ряд прежних установок и догм, но и откроет путь к использованию принципиально новых возможностей, среди которых А.Д. Некипелов особо отметил перспективы «виртуальной экономики» – математического комплекса, моделирующего выведенные дедуктивным путем взаимосвязи и ряд других новых, перспективных направлений развития политической экономии, у которой, несомненно, есть будущее. Но перед этой политической экономией будущего стоят и очень сложные задачи – задачи ответа на вызовы рождающейся новой мировой экономики и общества, задачи поиска оптимальных путей социально-экономического развития России.

На Пленарном заседании был сделан ряд принципиально важных докладов, предопределивших основные пункты дискуссий, проходивших на семинарах, круглых столах и конференциях конгресса. В докладе директора Института экономики РАН, член-корреспондента РАН Р.С. Гринберга и профессора А.Я. Рубинштейна «Экономическая социодинамика: политэкономический взгляд» были затронуты теоретические и прикладные аспекты экономической социодинамики. Речь шла о рынке «опекаемых благ» – особой группы товаров и услуг, в отношении которых имеются нормативные интересы общества. В эту группу, по мнению авторов доклада, входят все блага, в процессе производства и потребления которых принимает участие государство. В современной экономике такие ситуации встречаются все чаще и чаще. «Опекаемые блага» выпадают из-под рыночного саморегули-

рования и требуют специальных мер со стороны общества по модификации рынка. Объяснение этого процесса и составляет новое проблемное поле политической экономии.

В докладе группы сотрудников Института экономики РАН «*Политическая экономия и экономическая политика*» говорилось, что политическая экономия показывает обществу и власти возможности экономической науки, прежде всего ее академической ветви. На протяжении всей своей деятельности Институт экономики всегда выступал за исследование реальных механизмов хозяйственной жизни, за разработку научных основ экономической политики в условиях рыночной экономики советского и постсоветского периодов. Сотрудники ИЭ стремились к очищению политической экономии от догматизма и мифотворчества в советское время и много сделали для сохранения политической экономии как научной и учебной дисциплины в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин Л. К цели через кризис. Спустя год... М.: Луч, 1992.
2. Абалкин Л. Зигзаги судьбы: разочарования и надежды. М.: ИЭ РАН, 1996.
3. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: Очерки. М.: Наука, 2002.
4. Абалкин Л.И. Размышления о будущем России. М.: ИЭ РАН, 2009.
5. Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М.: Наука, 1990.
6. Гатовский Л. О предмете и методе теории советского хозяйства // Проблемы экономики. 1930. № 1.
7. Гатовский Л.М. Вопросы развития политической экономии социализма. М., 1979.
8. Кронрод Я.А. Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада) // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме: «Марксистско-ленинская теория развития социалистической экономики». М.: Институт экономики АН СССР, 1970.
9. Кузьминов И.И. Очерки политической экономии социализма. От социализма к коммунизму. М.: Мысль, 1980.
10. Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? Материалы научной конференции Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации / Под ред. М.И. Воейкова. М.: ИЭ РАН, 2013.
11. Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
12. Некителов А.Д. Кризис общей экономической теории: вызовы политэкономии будущего // Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы Первого международного политэкономического конгресса. Т. 1. От кризиса к социально ориентированному развитию: реактуализация политической экономии. М.: ЛЕНАНД, 2013.
13. Никифоров Л.В. (ред.) Смешанное общество: российский вариант. М., 1999.
14. Никифоров Л.В. Сущность кооперативных отношений // Кооперация. Страницы истории. Вып. 8 / Под ред. Н.К. Фигуровской. М., 1999.

15. Политическая экономия. Учебник. М.: Госполитиздат, 1954.
16. *Ракитский Б.В.* Формы хозяйственного руководства предприятиями. М., 1968.
17. *Ракитский Б.* Что такое экономические методы хозяйствования. М., 1969.
18. Экономический строй социализма. В 3-х т. Т. 1. Основные черты экономического строя социализма. Рук. В.Н. Черковец. М.: Экономика, 1984.

ABOUT THE AUTHOR

Voeikov Mikhail Illarionovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

mvok1943@mail.ru

POLITICAL ECONOMY STUDIES AT THE INSTITUTE OF ECONOMICS FOR 90 YEARS

The article discusses the development of political economic studies at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences over 90 years of its existence. A special school of political economic research of the Institute is singled out as a real area of economic theory. The essence of this direction is as follows. For the Soviet period, the Institute's political and economic studies proved the need for greater development of commodity production and market relations in the Soviet economy. For the post-Soviet period, the Institute's studies prove the need for more state regulation of the economy and the limitation of market relations.

Key words: *political economy, commodity-money relations, property, market relations, Institute of Economics.*

JEL: A11, B30, B31, P00.

А.Г. ЗЕЛЬДНЕР

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Б.Е. ФРУМКИН

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

АГРАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В 90-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Ретроспективный взгляд на становление российской аграрной науки XX в. всегда вызывает острую боль в сердце. Развитие аграрных исследований в Институте экономики Академии наук СССР происходило в очень сложное время: в стране свернули НЭП, власть сосредоточивалась у И.В. Сталина – жесткого сторонника коллективизации в сельском хозяйстве. Ломались судьбы миллионов крестьян. Отход от линии партии жестоко наказывался. Тем не менее в такой обстановке честно работали и отстаивали свои убеждения наши коллеги. Их памяти и посвящается предлагаемая статья, размеры которой не позволили отметить всех тех, кто развивал аграрную науку, и кто помогал им в этом.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Институт экономики, аграрные исследования, эффективность.

JEL: A11, Q19.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10002

Институт экономики Коммунистической академии был создан 23 июня 1930 г. Именно эта дата учитывалась при награждении Института экономики АН СССР орденом Трудового Красного Знамени в 1980 г. Основная задача сотрудников нашего института – изучение фундаментальных проблем экономической теории в ее взаимосвязи с практикой. Институт экономики, образованный на базе института Коммунистической академии, не мог не наследовать идеологические постулаты строительства нового общества: социально-экономическое развитие нашей страны в тридцатые и последующие годы XX в. происходило в условиях растущей диктатуры личности. «Никто из заметных исследователей не избежал в той или иной мере влияния сталинской методологии» [1, с. 19].

В Директивах по составлению плана научной работы Коммунистической академии на 1929–1930 гг. среди основных направлений исследований Аграрного института указывалось: «Красной нитью через работу всех секций Института должна проходить борьба с буржуазными и ревизионистскими теориями в области аграрного вопроса и буржуазными и мелкобуржуазными оценками советской аграрной политики и проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства» [2, с. 278–279].

К этому следует добавить, что предшествующие открытию Института экономики двадцатые годы прошлого столетия в идеологическом плане были очень сложными для развития отечественной аграрной науки. В России ускоренными темпами формировалось единовластие. И если с начала революционных преобразований лучшие кадры российской общественной мысли, цвет нации, крупные ученые, как неблагонадежные, отправлялись пароходами за рубеж, то к концу двадцатых годов начались реальные жесткие репрессии за инакомыслие.

Свертывание НЭПа в СССР происходило одновременно со становлением командно-административной модели хозяйствования и курсом на коллективизацию. В 1927 г. в журнале «Большевик» № 13 печатается статья «Манифест кулацкой партии», в которой Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и их единомышленники объявляются сторонниками «реставрации капитализма и идеологами кулачества». После выхода статьи последовали репрессии. Были осуждены многие ученые, в том числе Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и другие, – всего около тысячи человек [3, с. 483].

В конце 1929 г. состоялась Первая Всесоюзная конференция аграрников-марксистов, на которой подвергли серьезной критике аграрников – сторонников развития сельского хозяйства с использованием кооперативных методов хозяйствования. На этой конференции руководство партии призвало к борьбе с антиленинскими теориями устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, тормозящими развитие страны на пути к социализму. Развернувшаяся в это время дискуссия аграрников-марксистов, по оценке академика РАН Леонида Ивановича Абалкина, «показала, что высокомерие власти и игнорирование результатов научных исследований и рекомендаций науки всегда приводят к глубоким провалам в социально-экономическом развитии страны и другим тяжелейшим последствиям, за которые в конечном счете расплачивается безмолвный народ» [4, с. 241]. После выхода Постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» в стране началась коллективизация, которая признавалась единственно верным методом решения аграрных проблем, и никакая альтернатива не приветствовалась. Коллективизация привела к массовому раскула-

чиванию и «утрате российских традиций крестьянского земледелия». «Надо ясно понимать, что если бы тогда не была совершена столь агрессивная акция, то социально-экономическое развитие страны могло бы пойти по совершенно другому пути. Ей не пришлось бы пережить те ужасы и потрясения, ту катастрофу, которая последовала за разгромом экономической науки» [4, с. 241].

С момента своего создания и практически до начала перестройки (1990 г.) Институт экономики постоянно находился под жестким контролем партии, что оказывало существенное влияние на политизацию научных исследований. В январе-феврале 1932 г. в Москве проходила XVII Всесоюзная конференция компартии большевиков. В Директивах этой партконференции, при постановке задач на вторую пятилетку по переходу к бесклассовому обществу, ликвидации капиталистических и паразитических элементов и самой возможности возникновения капиталистических отношений, была поставлена в том числе задача по созданию основных условий для уничтожения противоположности между городом и деревней, которое, как отмечалось на партконференции, «мы будем проводить под углом зрения индустриализации страны» [5, с. 4–5]. Эти методы «уничтожения» в прямом и переносном смысле впоследствии стали сквозными на долгие десятилетия.

В плане работы Института экономики на 1932 г. по секции теоретической экономики, наряду с такими темами, как «Схема народного хозяйственного баланса», была тема «Пути уничтожения противоположности между городом и деревней в СССР», по которой работала группа Т. Стороженко.

Спустя год, к 50-летию со дня смерти основоположника научного коммунизма К. Маркса, был издан сборник Института экономики, посвященный этой дате. В нем была опубликована статья «О революционной роли аграрной теории Маркса», которую написал Д.Г. Лурье. Основное содержание статьи, отражающей тенденции того времени, сводилось к следующему: «Партия большевиков во главе с Лениным и позднее во главе с тов. Сталиным продолжила дело Маркса в теории и на практике, выдвинув и победоносно осуществив большевистскую аграрную программу» [6, с. 64].

Переход к коллективизации усилил партийное давление на экономическую науку, что не могло не отразиться на публикациях. Стали выходить работы «нужного направления», такие как «Стахановское движение в зерновом хозяйстве» (А.П. Теряева, 1940), «Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования» (И.И. Кузьминов, 1940) и др. Но и в этих сложных условиях экономисты-аграрники продолжали активно участвовать в разработке проблем экономического районирования и размещения производительных сил, путей повышения производительности труда, искренне веря в необходимость своих

исследований. К таким энтузиастам относился и Михаил Ильич Кубанин, трагически погибший за свои научные идеи.

При обсуждении аграрных проблем на XVII съезде ВКП(б) ставился вопрос о повышении производительности труда в сельском хозяйстве. Сотрудники созданного в 1936 г. в Институте экономики АН СССР Сектора сельского хозяйства активно включились в разработку этой проблемы: М.И. Кубанин работал над темой «Производительность труда в колхозах зерновой зоны», В.С. Немчинов – над темой «Производительность труда в зерносовхозах», П.П. Маслов¹ исследовал «Географию урожайности и производительности труда в сельском хозяйстве», С.П. Мацкевич – «Влияние механизации на производительность труда и урожайность зерновых», П.И. Лященко – «Историю урожайности в России и СССР» [7, с. 315].

М.И. Кубанин «впервые в статистико-экономических исследованиях разработал методологию международных сопоставлений уровней производительности труда и осуществил такие расчеты на основе обработки большого массива статистических данных. В результате своих исследований он установил, что в животноводстве уровень производительности труда в колхозах отстал в большей мере, чем в полеводстве, а в целом уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР в 5–7 раз (в зависимости от возможностей избранной методики) был меньше, чем в США, где 1 работник кормил 10–12 человек, а у нас 3–4» [8, с. 67].

В 1936 г. вышла монография М.И. Кубанина «Производственные типы колхозов. Процесс роста производительности труда в коллективном земледелии» и ряд других публикаций. Прекрасно понимая все, что происходило в стране и в науке в 1937–1938 гг., М.И. Кубанин тем не менее продолжал верить, что его исследования будут способствовать развитию сельского хозяйства.

Он опубликовал ряд статей о путях повышения производительности труда в сельском хозяйстве. В первом номере журнала «Проблемы экономики» за 1941 г. вышла статья Михаила Ильича «Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США». Руководство страны отреагировало на эту работу М.И. Кубанина. В журнале «Большевик» (№ 6, 1941 г.) публикуется статья под названием «О клеветнической вылазке М. Кубанина», которого обвиняют в «фальсификаторских махинациях» и использовании фальшивых данных. В конце

---

¹ Маслов Петр Павлович (1867–1946 гг.) – крупный политический деятель и ученый-экономист. С 1929 г. – академик АН СССР. Исследователь широкого плана, но магистральной темой его исследований были аграрные проблемы. В последние годы жизни работал в Секторе сельского хозяйства Института экономики, где занимался анализом работы совхозов и МТС. Уже посмертно, в 1947 г., вышла его последняя книга «Опыт изучения работы машинно-тракторных станций».

статьи отмечалось: «По чьему заказу и кому в угоду писалась статья Кубанина?» Это, по сути, был приговор. В апреле 1941 г. М.И. Кубанин был уволен из института, а в начале мая арестован. В октябре 1941 г. (уже во время ВОВ) он был расстрелян. Реабилитировали его в 1956 г. Жизнь и научная деятельность Михаила Ильича Кубанина, талантливого ученого и неординарного человека, пришлось на трагический этап становления аграрных исследований Института экономики в довоенный период.

Забегая несколько вперед, отметим, что в 1959 г., спустя 18 лет после гибели М.И. Кубанина, задание по сопоставлению производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США получили сотрудники Института экономики М.И. Сидорова и Т.И. Заславская. Проведенные ими расчеты показали, что производительность труда в СССР существенно (в 4-5 раз) ниже, чем в США: «по зерновым продуктам в 2 раза ниже, а по мясо-молочным продуктам в 8-10 раз» [9, с. 282].

Отделом аграрных проблем социализма Института экономики до Великой Отечественной войны заведовал Д.Т. Шепилов, который вместе с другими сотрудниками института ушел на фронт. За годы войны он прошел путь от рядового до генерал-майора. С 1948 г. он работал в ЦК ВКП(б). Научная тематика исследований сотрудников института во время войны (Институт находился в Казахстане) была направлена на мобилизацию ресурсов Казахстана и на решение проблем укрепления обороноспособности страны. После войны аграрный отдел возглавлял д.э.н., профессор М.Г. Каротамм (1901–1969 гг.), в годы Великой Отечественной войны руководивший штабом партизанского движения в Эстонии. С 1967 г. аграрным отделом руководил д.э.н. Н.В. Васильев.

После окончания Великой Отечественной войны идеологическое давление на Институт экономики не уменьшилось. По воспоминаниям будущего академика РАН Т.И. Заславской, пришедшей в Институт в 1950 г. после окончания МГУ, «открыто говорить и писать правду о советской экономике было не только опасно, но и почти невозможно, так как этого никто бы не допустил. Таким образом, перед экономической наукой стояла неразрешимая задача: помочь поднять разрушенную и неэффективную экономику, не смея даже намекать на ее слабые места и постоянно восхищаясь ее успехами. Те, кто не хотел или не умел играть в эту игру, рисковали не только репутацией, но и свободой, а иногда и жизнью» [10, с. 43–44].

В послевоенный период в Институте экономики продолжали активно разрабатываться политэкономические аспекты аграрных проблем. Исследования по данному направлению возглавлял выдающийся ученый Владимир Григорьевич Венжер (1899–1990 гг.), которого вполне обоснованно считают «основоположником рыночной школы

экономистов-аграрников». Его последователями были Г.И. Шмелев, И.Н. Буздалов², Л.В. Никифоров, Л.Н. Кассиров, Т.Е. Кузнецова, Н.К. Фигуровская³.

В.Г. Венжер, занимавшийся исследованиями, которые охватывали широкий диапазон направлений, «обладал способностью анализа и обобщения событий, происходивших в стране, и, будучи самобытным ученым, критически (отрицательно) относясь к реализовавшимся способам и результатам социально-экономического переустройства общества, разработал собственную концепцию его более целесообразных путей. Его взгляды по аграрным проблемам, в разработку которых он внес огромный вклад, были органической частью этой концепции» [11, с. 42]⁴.

В.Г. Венжер был достаточно известен в научных кругах страны. Но широкую общественную популярность Венжер приобрел после публикации в 1952 г. И.В. Сталиным работы «Экономические проблемы социализма в СССР». В этой работе был помещен ответ И.В. Сталина на письмо В.Г. Венжера и его жены, А.В. Саниной. В нем И.В. Сталин писал, что «товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму..., а это свидетельствует о непонимании ими (т. е. Венжером и Саниной. – Прим. авторов) марксизма» [12, с. 216–222]. Долгие десятилетия В.Г. Венжер оставался мишенью для критики за свои взгляды на развитие рыночных отношений, но он до конца своей жизни оставался убежденным сторонником социалистических перспектив и демократом.

² Наиболее полное представление о научном наследии И.Н. Буздалова дает трехтомник «Избранные труды: в 3-х т.». Т. 1. Интенсификация, земельная рента, эффективность; Т. 2. На тернистом пути научной «реабилитации» рыночной системы аграрных отношений; Т.3. Кооперация. Проблемы современной аграрной реформы. И его последняя книга «Аграрные отношения и аграрная политика современной России» (Екатеринбург, 2016).

О жизни и деятельности академика И.Н. Буздалова (1928–2018 гг.) готовится специальная статья в сборнике, посвященном выдающимся сотрудникам ИЭ РАН «Великие сотрудники ИЭ РАН».

³ Надежда Константиновна Фигуровская (1930–2014 гг.) оставила заметный след в Институте экономики своими работами, глубоко анализирующими становление аграрной теории. В монографиях «Развитие аграрной теории в СССР, конец 20-х – 30-е годы». М., 1983; «Кооперация: страницы истории: в 3 т.». М. 1998; в тематических сборниках «История экономической мысли и народного хозяйства России» и в ряде других она исследовала эволюцию процесса развития аграрной теории в начальном периоде становления советской власти и ее влияние на современную российскую агроэкономическую мысль. Во многом благодаря ее усилиям в рамках академической серии «Памятники экономической мысли» в научный оборот были возвращены классические труды А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, М.И. Тутан-Барановского, А.Л. Вайнштейна.

⁴ Автор очерка о В.Г. Венжере – д.э.н. Л.В. Никифоров.

В 1965 г. В.Г. Венжер опубликовал монографию «Использование закона стоимости в колхозном производстве», в которой он рассматривал различные аспекты рыночных отношений, доказывал, что коллективным хозяйствам присущи товарно-денежные отношения. Развивая теорию социализма, В.Г. Венжер тесно связывал ее с кооперацией. Он писал, что «Полный социализм есть строй кооперативный» и что «в строительстве социализма не только возможно, но и необходимо использовать товарно-денежные отношения...» [13, 87–88].

Идеи Владимира Григорьевича Венжера о «кооперации и синтезе частных и общественных начал, о взаимодополнении, взаимодействии и взаимопроникновении разных социальных форм, о характере и способах достижения социальной справедливости» [11, с. 67] и сегодня актуальны. Более того, они будут востребованы в будущем.

В.Г. Венжер оставил после себя не только крупные научные работы, но и талантливых учеников – представителей российской политэкономической школы аграрных исследований. Одним из них был Гелий Иванович Шмелев (1927–2004 гг.), член-корр. РАН и РАСХН. В начале 50-х годов Г.И. Шмелев поступил в аспирантуру ИЭ. Научным руководителем Шмелева был В.Г. Венжер, который впоследствии оппонировал и его докторскую диссертацию. Гелий Иванович был крупным ученым, чьи исследования охватывали широкий круг проблем, начиная от кооперации, личного подсобного хозяйства, земельных отношений и земельной ренты до истории аграрных отношений. Будучи одним из ведущих теоретиков в области рентных отношений, он своей статьей «Современный капитализм и абсолютная рента» [14], опубликованной в журнале «Мировая экономика и международные отношения» № 1 за 1966 г., положил начало широкой дискуссии по рентным отношениям.

Тематика личных подсобных хозяйств была сквозной в научной деятельности Гелия Ивановича. В 1970 г. он защищает докторскую диссертацию, а спустя год выходит его монография «Личное подсобное хозяйство и его связь с общественным производством» (М.: Мысль, 1971). По этой же тематике выходят еще три монографии этого талантливого ученого. Изучая малые аграрные формы, Г.И. Шмелев обращается к кооперации и в 1977 г. публикует (в соавторстве с его близким другом И.Н. Буздаловым и др. учеными) монографию «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения» (М.: Наука, 1977). Аграрная политика и аграрные отношения постоянно находились в сфере внимания этого талантливого ученого и исключительно доброжелательного человека.

В 50-х годах в Институте экономики работало много известных и талантливых ученых: Е.С.Карнаухова, издавшая в 1951 г. монографию «Размещение сельского хозяйства России в период капитализма

(1860–1914 гг.)» / Под ред. В.П. Дьяченко и В.Г. Венжера. М.: Изд. АН СССР, 1951; А.П. Теряева, опубликовавшая в 1954 г. монографию по организации труда в колхозах; М.И. Сидорова, Т.И. Заславская и др. Доктор экономических наук Маргарита Ивановна Сидорова была известным и уважаемым ученым. Ее работы в сфере организации и оплаты труда, производительности труда, а также по сопоставлению трудовых отношений в разных регионах и по влиянию стимулирования на рост производства широко известны в стране.

Татьяна Ивановна Заславская (действительный член Академии наук СССР с 1981 г.) работала в Институте экономики АН СССР с 1950 по 1963 г. Она начала заниматься научной деятельностью под руководством Г.Г. Котова⁵. В 1958 г. вышла ее книга «Принципы материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах» /Под ред. Г.Г. Котова. (М.: Госполитиздат, 1958), в которой она обосновывала необходимость гарантированной оплаты труда в колхозах. Это было важно не только с позиции стимулирования труда колхозников, но и «потому, что возник вопрос, как считать себестоимость продукции сельского хозяйства. Дело в том, что если колхозники ничего не получали, в оплату труда ничего не шло, т. е. себестоимость продукции в колхозах, естественно, была ниже, чем, допустим, в тех же совхозах, где была какая-то гарантированная оплата» [9, с. 282].

В.Г. Венжер и Я.А. Кронрод были первыми учителями-наставниками в Институте экономики для Льва Васильевича Никифорова (1934–2018 гг.). В 1968 г. Лев Васильевич защищает кандидатскую диссертацию на тему «Кооперативно-колхозное производство в системе социалистических отношений», а спустя 36 лет, в 2004 г., докторскую диссертацию на тему «Тенденции общественного развития и трансформация российского общества».

Лев Васильевич много внимания уделял проблемам города и деревни. В 1988 г. он издает монографию «Социально-экономическая интеграция города и села (содержание, цели, пути, условия)». (М.: Наука, 1988), в которой вскрываются сложности и противоречия становления социально-экономической системы «город-село» и обосновывается необходимость «создания равных социально-экономических условий труда и жизни работников города и села».

Большое внимание Лев Васильевич уделял теории общественного развития, выявляя тенденции и перспективы трансформации обще-

⁵ Котов Григорий Григорьевич пришел на работу в ИЭ АН СССР в 1950 г. младшим научным сотрудником. Заведовал Сектором аграрной экономики, затем Сектором экономики стран народной демократии, а в 1956 г. перешел в открывшийся ВНИИЭСХ на должность замдиректора. За относительно короткий период работы в ИЭ проявил себя как талантливый ученый, авторитетный лидер и порядочный человек.

ственных отношений. Анализируя результаты смены общественного строя в России, он писал: «...усиление процессов становления капитализма олигархического типа (по существу, квазикапитализма), результатом которого могут стать социальный раскол общества, закрепление за Россией положения сырьевого придатка, утрата ею исторических перспектив; развитие по варианту, близкому к классическому капитализму, что явилось бы движением вспять по пути, который развитые страны закончили в XIX веке; необходимо движение страны к обществу смешанного типа. Этот вариант может обеспечить реальный синтез исторической и современной специфики страны и тенденций мирового развития, то есть включить Россию в общественные мировые процессы без потери ее собственного лица» [15, с. 17]. Лев Васильевич Никифоров останется в нашей памяти как талантливый ученый, интеллигент, крупный политэконом, исследовавший многообразие форм собственности, социально-экономическую интеграцию города и села, процессы трансформации российского общества.

В тесном научном сотрудничестве с Л.В. Никифоровым работала Тамара Евгеньевна Кузнецова – глубокий исследователь и талантливый публицист. Круг ее научных интересов охватывает проблемы личного подсобного хозяйства, кооперативных отношений, неформального сектора в аграрной сфере и др. Среди ее многочисленных работ монографии «Производственная сфера современного села». (М.: Наука, 1986); «Экономист российской школы». (М.: Наука, 2000); «К истории Института экономики РАН (АН СССР): домьслы и реалии». (М.: ИЭ РАН, 2005) и др.

С 1965 г. в Секторе общих проблем политической экономии работал талантливый ученый А.А. Барсов (1921–1991 гг.). В начале своей научной деятельности в Институте экономики он исследовал проблемы экономических связей между городом и деревней. В 1969 г. вышла в свет его монография «Баланс стоимости обмена между городом и деревней» (М.: Наука, 1969), в которой был предложен метод расчета материальных взаимоотношений между городом и деревней. Для стоимостной оценки межотраслевых связей в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) он использовал мировые цены 1913 г. Расчеты автора показали, что «в отличие от широко распространенного мнения... формирование фонда накопления для форсирования индустриализации шло в эти годы главным образом за счет рабочего класса и других слоев городского населения» [8, с. 20], а не за счет сельского. В дальнейшем, по мере нарастания административно-командных методов управления, введения регулирования цен, жестких плановых заданий и финансовой регламентации, разрыв в эквивалентном обмене между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию стал увеличиваться. Эта тенденция сохранилась и в настоящее время. В 1976 г.

А.А. Барсов совместно с Л.В. Никифоровым издали работу «Агропромышленные комплексы и сближение двух форм социалистической собственности (М.: Знание, 1976).

Сева Абрамовна Хавина, опубликовавшая статью о А.А. Барсове в сборнике «Институт экономики в лицах». Вып. 2. (М.: ИЭ РАН, 2009), высоко оценивая научные и человеческие качества А.А. Барсова, прошедшего всю Великую Отечественную войну, писала: «В этом скромном человеке невысокого роста удивительно сочетались мужество и доброта».

В начале 80-х годов прошлого века Аграрный отдел в ИЭ возглавил Владимир Александрович Тихонов, широко известный экономист-аграрник, академик ВАСХНИЛ. Он сумел объединить ученых-аграрников, работавших в разных отделах Института экономики, для совместной разработки аграрных проблем социализма. В 1980 г. выходит коллективная монография «Аграрные проблемы развитого социализма», в которой были системно показаны основные направления и пути повышения эффективности сельского хозяйства и совершенствования аграрных отношений. Авторами этой книги в основном были сотрудники Института экономики, в том числе: академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов, доктора экономических наук – И.Н. Буздалов, А.Г. Зельднер, Л.Н. Кассиров, Н.Л. Копач, С.И. Семин, М.И. Сидорова, И.Ф. Суслов; кандидаты экономических наук – З.Ф. Беликова, П.И. Гусев, Л.В. Заверняева, М.А. Лезина, Г.Н. Мостепанова, Л.В. Никифоров, Ю.Е. Орликовская, С.Н. Петишкина, П.Н. Рукосуев, М.Л. Стронгина, К.М. Тайчикова, М.Д. Туманова и др.

Исследования комплексных проблем повышения эффективности АПК требовали от ученых аграрного отдела глубокого анализа функционировавшего в то время хозяйственного механизма. В 1984 г. В.А. Тихонов публикует статью «О концепции хозяйственного механизма АПК», в которой (учитывая время публикации) он пишет о необходимости сочетания планомерности с товарно-денежными отношениями» [16, с. 7]. В 80-е годы в аграрном отделе плодотворно трудились доктора экономических наук А.И. Архипов, Л.Н. Кассиров, Н.Л. Копач, А.И. Амосов, кандидаты экономических наук С.И. Ивановский, В.П. Гаврилов, В.С. Балабанов, В.А. Демидова, С.К. Орловская и др.

Кассиров Леонид Николаевич (1927–1980 гг.) – один из ярких представителей ученых, занимавшихся анализом развития рыночных отношений на базе совершенствования хозрасчетных отношений. Большую часть своей научной жизни он проработал в Институте экономики (с 1971 г.). После окончания аспирантуры в ИЭ он там же защищает кандидатскую диссертацию на тему «Хозяйственный расчет в колхозах» и остается работать в институте, а спустя 9 лет защищает докторскую диссертацию, в которой подробно анализирует хозрасчетные

стимулы расширенного воспроизводства в колхозах и совхозах. Понимая необходимость развития рыночных отношений, он углубленно рассматривает проблемы цен, рентабельности, рентных отношений, материального стимулирования, отстаивает идею развития сельскохозяйственного производства на расширенной основе и укрепления хозяйственных принципов и хоздоговорных отношений.

Большое внимание в своей научной деятельности Леонид Николаевич уделял разработке методики определения эффективности сельского хозяйства с учетом его отраслевой специфики. Одна из его последних работ называлась «Методологические и методические основы определения эффективности сельскохозяйственного производства». Она была опубликована в монографии «Аграрные проблемы развитого социализма» (М.: Наука, 1980. С. 150–179). Это был глубокий исследователь, умный и порядочный человек. И очень правильно написала о нем С.К. Орловская, что идеи Леонида Николаевича Кассирова «не могли не влиять на общественное мнение, тем самым формируя силы, которые позднее привели к изменению экономических отношений в стране» [11, с. 75–79]⁶.

Существенный след в научной и организационной работе оставил доктор экономических наук, профессор Николай Леонтьевич Копач, руководитель сектора в Институте экономики в 80-х годах, крупный специалист в области экономики труда, управления и организации сельского хозяйства. Его основные работы, написанные в институте, такие как «Проблемы перестройки управления АПК» (М.: ИЭ АН СССР, 1988); «Рынок и формирование организационных структур АПК» (М.: Экономика, 1991) и др., отражали его четкую научную и жизненную позиции. В своих работах он доказывал, «что не механизм раздела собственности должен иметь решающее значение, а механизм хозяйствования (подряд, хозрасчет, аренда и т. д.), который бы учитывал не только стимулы к труду, но и возможности расширенного воспроизводства многих сельскохозяйственных предприятий» [10, с. 40].

В одной из своих последних статей «Время собирать камни» по поводу начавшейся тогда приватизации Николай Леонтьевич писал: «...Грядут тяжелые времена. Понять и оправдать то, что происходит, невозможно никакими аргументами, кроме как непрофессионализмом властей и хозяйственников... Но самое страшное – впереди... Придет время, когда не будет друзей... останутся одни материальные интересы...» [10, с. 41]. Какими же пророческими оказались слова этого умного, доброго, интеллигентного крестьянского сына.

В Институте экономики аграрной проблематикой занимались исследователи и из других отделов, например, доктор экономических

⁶ Автор очерка о Л.Н. Кассирове – к.э.н. С.К. Орловская.

наук, профессор А.И. Амосов. Работая в Секторе структуры народного хозяйства Отдела социалистического воспроизводства, Александр Ильич в монографии «Факторы и тенденции развития структуры народного хозяйства СССР» (М.: Наука, 1977) пишет главу «Межотраслевой агропромышленный комплекс в структуре народного хозяйства». В 1986 г. в издательстве «Наука» выходит его монография «Программно-целевое планирование интенсивного воспроизводства агропромышленного комплекса». Интерес к аграрной тематике не покидает А.И. Амосова все годы его работы в Институте экономики. В 2018 г. в журнале «Экономика сельского хозяйства» он публикует статью «К вопросу о настоящем и будущем сельского хозяйства».

В 1986 г. в Институт экономики на должность его директора пришел академик РАН Л.И. Абалкин. При нем был взят курс на разработку экономической теории и долгосрочной стратегии развития России, в которой существенное место уделялось и аграрным проблемам. В 1999 г. Институт экономики публикует свой вариант развития страны в монографии «Россия – 2015: оптимистический сценарий» (Под ред. Л.И. Абалкина). В книге широко представлены аграрные проблемы, в том числе в статье А.И. Амосова и А.Г. Зельднера «Развитие агропромышленного комплекса» и в статье А.Г. Зельднера «Реформирование отношений собственности в аграрной сфере». В 2004 г. выходит монография ИЭ РАН «Стратегический ответ России на вызовы нового века», в которой ученые института предложили свою концепцию стратегического развития России, принципиальной особенностью которой выступало качество роста, а не рост сам по себе. В этой работе специальная глава посвящена продовольственной безопасности России, как важнейшему национальному приоритету (авторы: доктор экономических наук, профессор А.Г. Зельднер и член-корреспондент РАН Г.И. Шмелев). Эти две крупные монографии отражали позицию Института экономики, направленную на разработку долгосрочной стратегии перестройки экономики России на инновационно-модернизационный тип экономического развития.

Леонид Иванович Абалкин, будучи талантливым политэкономом, глубоко интересовался аграрными проблемами. Исследуя историю российской экономической мысли, он неоднократно обращался к деятельности Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова, был идеологом «Кондратьевских чтений» и всегда активно способствовал исследованию наиболее актуальных аграрных проблем.

Институту экономики принадлежит существенная роль в разработке проблем обеспечения национальной безопасности страны. В 1994 г. Л.И. Абалкин в журнале «Вопросы экономики» открыл дискуссию на эту важнейшую для нашей страны тему. В том же году под руководством доктора экономических наук, профессора В.К. Сенча-

гова по заданию Совбеза РФ разрабатывается «Концепция экономической безопасности РФ». С тех пор Институт экономики регулярно публикует результаты исследований ученых института по экономической безопасности России, в которых системно рассматриваются все ее составляющие. К этой работе активно подключились и аграрники Института экономики. Разделы по продовольственной безопасности России во всех крупных работах Центра В.К. Сенчагова и в других публикациях написаны д.э.н., профессором А.Г. Зельднером [17; 18; 19].

Леонид Иванович глубоко переживал за судьбу реформируемой России и судьбу сельского хозяйства. С 2001 г. он публикует ряд глубоких статей по аграрным проблемам: «Аграрный вопрос и способы его решения [4, с. 198–205]; «Экономические интересы и ответственность в системе аграрных отношений» [20, с. 201–210]. В 2009 г. в 9-м номере журнала «Вопросы экономики» выходит его статья «Аграрная трагедия России». Оценивая сложившееся положение в сельском хозяйстве в начале XXI в., Л.И. Абалкин писал: «По своей глубине и сложности аграрная проблема – это даже не проблема, а трагедия» и отмечал, что она продолжается при всех режимах свыше 90 лет [21, с. 4]. В своей статье он особо подчеркивал, что создание высокоэффективного АПК в России возможно в том случае, когда это станет «приоритетным социальным проектом. От этого в решающей степени зависит возрождение России». Однако в структуру национальных проектов России на 2019–2024 гг. национальный проект по развитию сельского хозяйства не включен, хотя системных проблем развития сельскохозяйственного производства на сегодняшний день достаточно много⁷.

В 2005 г. Институт экономики РАН объединился с Институтом международных экономических и политических исследований РАН. ИМЭПИ был преемником Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, где под руководством академика Олега Тимофеевича Богомолова и профессора Юрия Филипповича Кормнова при активном участии Г.И.Шмелева и И.Н.Буздалова исследовался широкий круг проблем АПК зарубежных стран. В рамках научного направления ИЭ РАН, возглавляемого Л.В. Никифоровым, аграрные подразделения обоих институтов объединились в Сектор исследований АПК под руководством Б.Е. Фрумкина. В последние годы в секторе АПК работали академик И.Н. Буздалов, аграрный авторитетный исследователь и практик, вице-президент Вольного экономического общества России, чл.-корр. РАН М.А. Коробейников, Б.Е.Фрумкин, С.К. Орловская, Л.В. Попова, Д.А. Блесков. Сотрудники сектора внесли

⁷ Российское сельское хозяйство зависит от импорта семян (кроме зерновых), племенного материала в птицеводстве, от импорта тракторов, комбайнов и средств химической защиты растений.

реальный вклад в содержание ряда ключевых публикаций ИЭ РАН («Социально-экономические условия перехода к новой модели экономического роста». М., 2017; «Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского союза: проблемы адаптации». М., 2010), межинститутских публикаций («Система государственной поддержки сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО». М., 2016; «Стратегические ориентиры экономического развития России». М., 2010) и др. В последние годы, в связи с уходом ряда ведущих научных сотрудников, аграрные исследования ведутся в Институте экономики в различных Центрах в порядке творческой инициативы.

В настоящее время перед Россией стоят огромные задачи по возрождению нашего сельского хозяйства. Их решению должны помочь те научные заделы, которые накоплены в трудах наших ученых-экономистов. Именно на реализацию государственных интересов России и интересов ее населения были направлены их исследования. Ради них они жили, творили и отстаивали свои идеи. Ради них сегодня трудятся ученые Института экономики РАН.

Современный период развития сельского хозяйства России характеризуется небольшим ростом валовой продукции, повышением урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Россия превратилась, в том числе благодаря введенным против нее санкциям, в крупного экспортера сельскохозяйственной продукции, достигнув особых успехов в экспорте зерновых и масличных культур. Но дальнейшее наращивание объема производства этих культур чревато возникновением целого ряда достаточно сложных проблем. По нашим расчетам, рост валового сбора зернобобовых культур происходит в большей мере за счет экстенсивных факторов. Посевные площади, занятые зерновыми⁸ и подсолнечником, растут начиная с 2000 г.: если удельный вес зерновых в структуре посевных площадей в 2000 г. составлял 45,5%, а подсолнечника – 5,5%, то в 2018 г. – 58,2 и 17,5% соответственно. Такой удельный вес зерновых (а вместе с подсолнечником – это 75,7% общей посевной площади) может привести к снижению плодородия почв. Пока спасают положение относительно нормальные климатические условия. При этом снижается площадь кормовых культур, что в первую очередь отражается на кормовой базе для крупного рогатого скота, а это влияет на производство молока и мяса.

---

⁸ Следует отметить, что рост производства зерновых существенно увеличил экспорт. Россия вошла в лидеры стран – экспортеров зерна. Вместо наращивания экспорта зерна целесообразно увеличивать в структуре экспорта продукцию конечного передела с более высокой добавленной стоимостью. Россия импортирует продукции высокого передела на 10 млрд долл., а экспорт такой продукции составляет 3,5 млрд долл. Крупнейший покупатель нашей пшеницы – Турция – практически все зерно перерабатывает на муку и ее экспортирует.

Одной из очень сложных проблем в сельском хозяйстве России (как и в целом в экономике) является недостаток инвестиций. С переходом на рыночные отношения удельный вес бюджетных инвестиций в основной капитал сельского хозяйства с 1990 г. по 2017 г. уменьшился с 15,9 до 3,7%. Последние годы бюджетные инвестиции находились в пределах 300 млрд руб. Если в 1990 г. норма инвестиций в сельском хозяйстве составляла 14%, то на данном отрезке времени она не превышает 7%. При этом закредитованность сельских товаропроизводителей свыше 2 трлн руб. Такое положение с инвестициями ведет к низкой обеспеченности техникой, удобрениями, мелиоративными системами.

Для улучшения состояния сельской инфраструктуры подготовлена новая госпрограмма по развитию сельских территорий РФ на период до 2025 г. с выделением 2,2 трлн руб. бюджетных инвестиций. Однако общую потребность в финансировании только первоочередных задач на селе министр сельского хозяйства Д. Патрушев оценил в 6 трлн руб. Так, на развитие инженерной инфраструктуры необходимы 2,1 трлн руб., на дорожную инфраструктуру – более 2 трлн руб., на улучшение жилищных условий сельского населения – 0,9 трлн руб., на образование, здравоохранение, культуру – еще 0,95 трлн руб.⁹

В современных условиях стагнации реальных доходов населения медленно растет потребление продуктов питания на душу населения. Сегодня нормы потребления основных продуктов питания (кроме хлебобулочных) пока так и не достигли реальных норм потребления на душу населения 1990-го г. Так что впереди у нас стоят серьезные проблемы по увеличению производства основных продуктов питания и по обеспечению ими населения на нормативном уровне.

Ученые-аграрии Института экономики в течение 90 лет занимались глубокими исследованиями фундаментальных теоретических основ аграрных отношений, а также актуальных проблем производителей сельскохозяйственной продукции, оставив после себя огромный научный задел в этой сфере. История не терпит сослагательного наклонения, но многое из предыдущего опыта развития нашей аграрной науки может быть учтено, переосмыслено и использовано в современных российских условиях.

Время неумолимо, память изменчива – это жизнь. Понимая это, мы, уходящее поколение, должны сохранить имена тех, кто, развивая науку, порой и жертвуя жизнью во имя ее расцвета, прокладывали путь в будущее новому поколению ученых. Мы очень надеемся, что аграрные исследования ученых Института экономики Российской академии наук еще будут востребованы.

⁹ www.kommersant.ru/doc/3976113.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воейков М.И.* Развитие экономических исследований в Институте экономики в 1930–2000 гг. // В сб. Экономические исследования института: итоги и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2000.
2. Вестник Коммунистической академии. Книга 33 (3). М.: Изд. Комакадемии, 1929.
3. История экономических учений. М.: ИНФРА-М, 2000.
4. *Абалкин Л.И.* Вызовы нового века. М.: ИЭ РАН, 2001.
5. Вестник Коммунистической академии. 1932. № 7–8, июль–август. М.: Партийное издательство.
6. К пятидесятилетию смерти К.Маркса /Под ред. Э. Квиринга. Сборник Института экономики. М.: Партийное издательство, 1933.
7. *Фигуровская Н.К.* Развитие аграрной теории в СССР, конец 20-х–30 годы / Под ред. член-корр. АН СССР А.И. Пашкова. М.: Наука, 1983.
8. Институт экономики в лицах. Вып. 2. М.: ИЭ РАН, 2009.
9. Экономические исследования института: итоги и перспективы. М.: ИЭ РАН, 2000.
10. Институт экономики в лицах. Вып. 3. М.: ИЭ РАН, 2010.
11. Институт экономики в лицах. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 2005.
12. Сталин И.В. ПСС. Т. 16.
13. *Венжер В.Г.* Как было, как могло быть, как стало, как должно стать (Вопросы истории нашего строя). М., 1990.
14. Мировая экономика и международные отношения. 1966. № 1.
15. *Никифоров Л.В.* Тенденции общественного развития и трансформация российского общества. М.: ИЭ РАН, 2004.
16. *Тихонов В.А.* О повышении хозяйственного механизма АПК // В сб. Совершенствование хозяйственного механизма и повышение эффективности АПК / Под ред. А. Зельднера и Л. Демидовой. М.: ИЭ РАН, 1984.
17. Экономическая безопасность России / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Лаборатория знаний, 2009.
18. *Зельднер А.Г.* Экономический механизм обеспечения продовольственной безопасности в условиях инвестиционных ограничений: опыт и проблемы. М.: ИНФРА-М, 2018.
19. *Зельднер А.Г., Шмелев Г.И.* Приоритетные проблемы обеспечения национальной безопасности России в XXI веке – продовольственная безопасность: Доклад. М.: ИЭ РАН, 2003.
20. *Абалкин Л.И.* Страницы исторической памяти. М.: ИЭ РАН, 2007.
21. *Абалкин Л.И.* Аграрная трагедия России// Вопросы экономики. 2009. № 9.

ABOUT THE AUTHORS

Zeldner Alexey Grigoryevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
tzeldner@gmail.com

Frumkin Boris Efimovich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
boris.frumkin@mail.ru

AGRICULTURAL RESEARCH IN THE 90-YEAR HISTORY OF THE INSTITUTE
OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (THE RAS):
PEOPLE AND DESTINIES

A retrospective look at the formation of Russian agricultural science of the twentieth century. always causes acute pain in the heart. The development of agrarian research at the Institute of Economics of the Academy of Sciences of the USSR took place in a very difficult time: the New Economic Policy(the NEP) was curtailed in the country, and the power was concentrated by I.V. Stalin who was a staunch supporter of collectivization in agriculture. The fates of millions of peasants were breaking. Departure from the party line was severely punished. Nevertheless, in such an environment, our colleagues honestly worked and defended their beliefs. The proposed article is devoted to their memory, the size of which did not allow to note all those who developed agricultural science, and who helped them in this.

Key words: сельское хозяйство, Институт экономики, аграрные исследования, эффективность.
JEL: A11, Q19.

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель Центра федеративных отношений и регионального
развития ФГБУН Институт экономики РАН

С.Д. ВАЛЕНТЕЙ

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Научно-исследовательского объединения РЭА им. Г.В. Плеханова

А.В. ОДИНЦОВА

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений
и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАЛИЗМА,
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ¹**

В статье рассматриваются основные этапы и ключевые направления исследований в области пространственного развития советской, позднее – российской экономики; региональной политики государства, институтов федерализма и местного самоуправления. Показано, что данные исследования в основном ориентировались на формирование условий и предпосылок максимально полного использования особого пространственного фактора развития национальной экономики. Акцентируется внимание на том, что осуществление социально-политических и экономических реформ в России позволило не только активизировать исследования по вопросам российского федерализма и местного самоуправления как института гражданского общества, но и наметить пути усиления вклада федеративных отношений и муниципального управления в решение актуальных хозяйственных и социальных задач страны.

Ключевые слова: *федерализм, регионы, региональная политика, пространственное развитие экономики, местное самоуправление.*

JEL: B25, L51, R10.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10003

---

¹ В начальной части статьи (со 2-й по 6-ую стр.) использованы материалы сотрудников Института экономики РАН Н.А. Костяшкина и А.Н. Сидоровой. См.: Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». М.: Институт экономики РАН, 2000. С. 413–421.

Особенностью данного направления исследований в Институте экономики АН СССР (позднее – Институт экономики РАН), как и во всей отечественной экономической науке, было постепенное изменение акцентов, и даже терминологического аппарата, в отношении рассматривавшихся проблем. Это было тесно связано с теми экономическими и социально-политическими условиями, на фоне которых проводились указанные исследования, формировались их целевые установки и основные методологические подходы.

Так, в советский период основным направлением пространственных исследований было изучение закономерностей размещения производительных сил на территории страны, в первую очередь размещения промышленности, энергоресурсов, сельского хозяйства, транспорта, а также природных ресурсов. В рамках данного направления исследовались территориальные сдвиги в народном хозяйстве за годы советских пятилеток, вопросы экономического районирования страны, сдвиги в размещении населения СССР. Особое внимание уделялось вопросам развития Сибири и Дальнего Востока и освоения их ресурсов. Базовой методологией научных исследований этого периода была марксистско-ленинская теория размещения производительных сил.

При этом из сферы экономических исследований практически полностью была исключена тематика федеративных отношений, в частности, проблемы *экономического механизма* федеративных отношений, хотя в этот исторический период РСФСР представляла собой уникальный экономико-правовой феномен «федерации в федерации». Проблемы советского федерализма в известной мере рассматривались лишь в исследованиях правового характера, да и в них во многом были сильны представления о федерализме как временном, изживающем себя явлении, обреченном исчезнуть по мере стирания всех межнациональных различий [1, с. 301–304]. Такой взгляд на федерализм как на формальность и даже некий атавизм государственного устройства, естественно, негативно сказывался и на внимании ученых-исследователей к экономической стороне федеративных отношений.

Проблемы формирования экономического механизма федеративных отношений стали исследоваться в Институте экономики начиная со второй половины 1980-х годов. При этом постепенно и все более четко стала просматриваться связь правового и экономического срезов исследований. Именно в этот период начинаются серьезные разработки проблем местного самоуправления, первоначально в терминах «регионального хозрасчета» и «деятельности местных органов власти», а позднее уже в форме выраженной постановки об экономических функциях, возможностях и проблемах реализации местного самоуправления. Постепенно это направление стало все более определять ключевые подходы и к другим вопросам регионального развития.

Через призму анализа экономико-правовых проблем федерализма рассматриваются вопросы регионального развития и региональной политики, направления развития экономики регионов, проблемы бюджетной политики и межбюджетных отношений, проблемы местного самоуправления.

Разработка основных проблем теорий экономического районирования и размещения производительных сил

Вопросами экономических проблем регионов Институт экономики начал заниматься еще до войны – в 1930-х годах. И в этом смысле действующий ныне Центр социально-экономических проблем федерализма и регионального развития Института экономики можно считать преемником и продолжателем этих исследований, но в новых социально-политических и экономических условиях, на фоне глубоких реформ российской государственности, всей системы государственного и хозяйственного управления.

Научные исследования Института экономики по проблематике пространственного развития носили в основном теоретический характер. Работы начального периода (довоенный период) главным образом освещали закономерности развития и размещения социалистической промышленности в соответствии с марксистско-ленинской теорией социалистического размещения производительных сил. В проводимых исследованиях раскрывалась сущность этой теории, ее принципиальные отличия от буржуазных теорий размещения производства; исследовались влияние естественно-географических условий, новейшей техники на размещение промышленности, на специализацию экономических районов и республик Союза ССР, на реконструкцию городского хозяйства и пр. Изучались размещение природных богатств страны, территориальные сдвиги в народном хозяйстве за годы первых пятилеток, вопросы экономического районирования и размещения населения СССР, энергоресурсов, промышленности, сельского хозяйства, транспорта.

Результатом этих исследований явилась подготовка в 1931 г. (совместно с Коммунистической академией) первого учебника для вузов по экономике социалистической промышленности и в 1934 г. – вузовского учебника по экономической географии СССР (авторы: Я.Г. Фейгин, Б.Л. Маркус, М.И. Галицкий, П.А. Месяцев и Т.С. Хачатуров).

В 1930-х годах принципиально новой явилась постановка о развитии районных хозяйственных комплексов, которые рассматривались как основная форма размещения социалистической промышленности и главный путь совершенствования территориального разделения труда. Так, уже в начале 1930-х годов ученые Института экономики

принимали участие в разработке топливно-сырьевых проблем Урало-Кузнецкого комбината, комплексного использования медных руд и лесных ресурсов и т. п. К сожалению, в последующие годы Институт ограничился лишь теоретической разработкой вопросов территориального размещения производительных сил и комплексного развития хозяйства, в его широком толковании.

После 1939 г. Институт приступил к научной разработке проблем экономического районирования. В частности, развернулись работы по изучению экономики Урала, Средней и Нижней Волги, по проблемам комплексного развития хозяйства Западной Сибири. Социальные и хозяйственные проблемы экономических районов и регионов страны продолжали изучаться и в годы Великой Отечественной войны, когда Институт экономики был эвакуирован в Казахстан (г. Алма-Ата), а перед страной встала задача эффективного размещения основных отраслей производства и предприятий, перебазированных в восточные районы.

К более детальному и глубокому изучению проблем пространственного развития советской экономики в аспекте размещения экономических районов, социально-экономического выравнивания уровней развития отдельных республик и регионов (ныне субъектов Федерации), оптимизации их хозяйственных связей Институт приступил в конце 1940-х годов. В этот период (в 1948 г.) решением Президиума АН СССР был создан Отдел размещения социалистического производства и комплексных проблем экономических районов СССР под руководством д.э.н., эконом-географа В.Ф. Васютина. С 1957 г. вплоть до 1973 г. Отдел возглавлял видный ученый, д.э.н., член-корр. АН УССР Я.Г. Фейгин (в 1973 г. Отдел был расформирован в связи с реорганизацией Института экономики).

Данное структурное научное подразделение Института экономики охватывало своими теоретическими и практическими исследованиями комплексное развитие производительных сил отдельных районов страны, прежде всего восточных, и изучало перспективы развития основных отраслей промышленности, сельского хозяйства. С этой целью были созданы научные группы, во главе которых стояли крупные специалисты-отраслевики, а впоследствии – известные ученые, доктора экономических наук. Так, исследование отраслей энергетического комплекса возглавил М.А. Виленский; пищевой промышленности – Л.В. Опацкий; размещения угольной промышленности и предприятий черной металлургии – Р.С. Лившиц, а химической промышленности – Н.А. Шокин.

Одновременно с созданием отраслевых групп действовали научные экспедиции, осуществлявшие непосредственно практическую работу по связи с отдельными экономическими районами и национальными республиками с целью изучения производительных сил на местах. Были организованы экспедиции: Восточно-Сибирская (в 1948 г.) – для

разработки, в частности, проблем развития производительных сил Черемхово-Байкальского промышленного района Иркутской области (западный участок БАМа); Дальневосточная экспедиция (в 1951 г.) – для изучения состояния хозяйства Южной части Дальнего Востока, перспектив его дальнейшего развития и размещения производительных сил; Якутская экспедиция – для определения перспектив в развитии производительных сил центральных и южных районов Якутской АССР, в т. ч. участия в разработке проблемы создания Алдан-Чульманской угольно-металлургической базы; Северо-Восточная экспедиция (1955 г.) – для исследования проблем экономического освоения районов Северо-Востока СССР (проблемами северных районов занимается сейчас Центр социально-экономических проблем федерализма). Действовали также Бурятская, Тувинская, Арало-Каспийская, Чайная (совместно с СОПС-ом) экспедиции.

В первой половине 1950-х годов Отдел размещения исследовал также вопросы специализации и размещения сельского хозяйства районов Центра Европейской части СССР, специализации и комплексного развития хозяйства Средней Азии и др. На основании обобщения практических результатов экспедиций проводились технико-экономические исследования, научно обосновывающие территориальные пропорции комплексного развития районов. Учеными Института экономики разрабатывались конкретные рекомендации по основным направлениям развития производительных сил этих регионов на перспективу. Нарботки экспедиций служили исходным материалом для составления Генеральных схем размещения производства и позволяли перейти к исследованию теоретических и методологических вопросов развития экономических районов и размещения производительных сил.

Начиная с середины 1950-х годов выходят крупные монографии, заложившие теоретические и методологические основы всей последующей научной работы Отдела размещения социалистического производства и комплексных проблем экономических районов СССР. Это такие монографии, как: К.И. Клименко «Развитие Уральского промышленного района» (М.: Изд-во АН СССР, 1954); А.М. Корнеев «Текстильная промышленность СССР и пути ее развития» (М.: Гизлегпром, 1957); Р.С. Лившиц «Очерки по размещению промышленности СССР» (М.: Госпланиздат, 1954); «Размещение черной металлургии СССР» (М.: Изд-во АН СССР, 1958); Л.В. Опацкий «Размещение пищевой промышленности СССР» (М.: Госпланиздат, 1958) и другие. Основопологающей работой по теории и методологии размещения производительных сил явилась выдержавшая два издания монография Я.Г. Фейгина «Размещение производства при капитализме и социализме» [2], где впервые были четко определены закономерности и принципы размещения социалистического производства.

С 1 января 1957 г. решением Президиума АН СССР Институт был освобожден от разработки проблем районирования и комплексного развития районов. Сектор под руководством Я.Г. Фейгина становится научным центром по исследованию теоретических и методологических проблем размещения социалистического производства. Эти исследования проводились в рамках научного направления «Научные основы размещения производительных сил, комплексного развития и специализации экономических районов СССР».

1960-е годы – наиболее яркий и плодотворный период исследований данного сектора – совпал с периодом «строительства материально-технической базы коммунизма». Для ее создания намечалось, в частности, осуществить крупнейшие сдвиги в размещении производства на Восток страны. Особое значение в этих условиях приобретала проблема комплексного развития экономических районов на основе их рациональной специализации в рамках общесоюзного разделения труда. Под руководством Я.Г. Фейгина, разрабатывавшего в рамках названного научного направления общие теоретические вопросы размещения и специализации производства, была подготовлена и вышла в свет серия монографий. В этих работах впервые был объединен районный и отраслевой подходы к размещению производительных сил. Это такие работы, как: «Особенности и факторы размещения отраслей народного хозяйства СССР». (М.: Изд-во АН СССР, 1960); «Промышленность в хозяйственном комплексе экономических районов СССР» (М.: Наука, 1964); «Закономерности и факторы развития экономических районов СССР» (М.: Наука, 1965); «Проблемы экономической эффективности размещения социалистического производства в СССР» (М.: Наука, 1968).

Подготовленные и изданные в 1960-е годы коллективные монографии Сектора размещения явились существенным вкладом в разработку научных основ рационального размещения производительных сил на основе специализации районов и республик страны. В этих работах, содержащих технико-экономические оценки размещения сырьевых, энергетических, трудовых, транспортных ресурсов, а также отраслей по территории страны, был фундаментально освещен целый ряд вопросов, имеющих и сегодня важное значение для регулирования пространственной структуры экономики. Это такие вопросы, как:

- особенности размещения основных отраслей производства и его взаимосвязь с развитием экономических районов;
- закономерности развития экономических районов (неразрывная связь между их развитием и размещением производительных сил; их специализация на основе межрайонного разделения труда; комплексное и пропорциональное развитие хозяйства регионов в сочетании со специализацией; систематическое выравнивание уровней экономического развития экономических районов на

- основе углубления территориального разделения труда; рациональная организация межрайонных хозяйственных связей);
- особенности и типы экономических районов, их группировка по уровню развития отраслей промышленности, по соотношению отраслей специализации, по степени завершенности комплексов;
  - межрайонное разделение труда по производству важнейших видов промышленной продукции и степень обеспеченности ими экономических районов;
  - межотраслевые и внутриотраслевые пропорции в отраслях промышленности;
  - факторы (природные ресурсы, население и трудовые ресурсы, технический прогресс, транспорт), влияющие на специализацию и комплексное развитие экономических районов;
  - экономическая эффективность размещения производительных сил (в частности, исследовались теоретические и методологические вопросы определения экономической эффективности размещения добывающей и обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства);
  - методология и методика определения эффективности районных комплексов и многие другие вопросы.

Помимо названных основных монографий Сектор размещения во второй половине 1960-х и первой половине 1970-х годов выпустил более 20 индивидуальных монографий, не считая многочисленных научных записок и докладов в плановые и директивные органы. Большое внимание Сектор уделял разработке методических вопросов рационального размещения производительных сил. В 1966 г. была издана «Методика определения экономической эффективности размещения промышленности при планировании и проектировании нового строительства». В работах член-корр. АН СССР Г.М. Сорокина отмечалась значимость децентрализации планового управления народным хозяйством, гибкого сочетания директивного и косвенного планирования, в т. ч. и в контексте управления пространственным развитием экономики. Он отмечал, что «обязательность плана может принимать различные формы, а соотношение между директивным и косвенным планированием – значительно изменятся во времени» [3, с. 261].

В 7-м томе коллективной монографии «История социалистической экономики СССР» [4, с. 423–443] были представлены итоги исследований по ряду ключевых вопросов пространственного развития советской экономики. В частности, это глава «Развитие экономики союзных республик в едином народно-хозяйственном комплексе СССР», написанная сотрудником Института экономики д.э.н. Ю.Ф. Воробьевым. Важные итоги этого направления исследований были подведены также в вышедшем в 1984 г. в 3-х томах фундаментальном труде Инсти-

туда экономики «Экономический строй социализма» [5] (Государственная премия СССР за 1985 г.). Одна из глав второго тома этой коллективной работы – «Территориальные пропорции воспроизводства», подготовленная сотрудниками Института Ю.Ф. Воробьевым, В.П. Красовским, В.П. Логиновым, освещала важные проблемы формирования пространственной структуры советской экономики. Эта работа акцентировала внимание на необходимости совершенствования территориального «среза» управления экономикой, который после отказа от системы совнархозов характеризовался существенным отставанием от практики отраслевого планирования и управления. Авторы писали: «Наиболее слабое звено в общей системе управления – это управление в территориальном разрезе» [5, с. 43].

Свой вклад в разработку проблем размещения производительных сил, развития ведущих экономических районов и союзных республик СССР внесла большая группа ученых Института экономики: доктора экономических наук В.Н. Богачев, В.В. Варанкин, Н.В. Васильев, М.А. Виленский, А.М. Корнеев, Р.С. Лившиц, В.П. Логинов, Д.Д. Москвин, П.С. Мстиславский, Л.В. Опацкий, Ш.Л. Розенфельд, В.Г. Удовенко, Н.А. Шокин; кандидаты экономических наук: В.И. Андреев, Н.Г. Гловацкая, Н.Д. Лелюхина, Е.И. Попова, О.С. Пчелинцев, Л.Н. Телепко и многие другие. Благодаря их содержательным и глубоким работам был заложен научный фундамент многих теоретико-методологических постановок, получивших дальнейшее развитие в последующие годы и, несмотря на многие перемены в обществе, государстве и его экономике, сохранивших свою актуальность и практическую значимость. Можно констатировать, что многие из исследований, проводимых в Институте экономики, не утратили актуальности и до настоящего времени, в частности, в новых условиях, когда проблемы развития и размещения производительных сил, районирования и специализации производства решаются в условиях экономики преимущественно рыночного типа, а сама государственная политика оказалась тесно связанной с функционированием социально-экономического механизма федеративных отношений.

Становление теоретических исследований современного федерализма и политики регионального развития

Начало качественных преобразований в стране, как социально-политического, так и экономического характера, существенно повлияло на все направления исследований, проводимых в Институте, включая и вектор разработок проблем пространственного развития экономики. Как никогда ранее, расширился спектр проводимых иссле-

дований; тесно обозначилась взаимосвязь экономических и правовых новаций в обществе и государстве. Даже само по себе провозглашение государственного суверенитета Российской Федерации поставило перед исследованиями большой круг вопросов, касающихся экономической сущности и путей экономической реализации этого суверенитета [6]. Экономические отношения с новыми государствами – бывшими республиками Союза ССР – перешли в ряд исследований по проблематике так называемого «ближнего зарубежья». Акцент исследований был перенесен на ключевые принципы функционирования государственности федеративного типа, на экономико-правовые вопросы взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов. Определение ответственности Федерации за устойчивое социально-экономическое развитие субъектов Федерации и путей практической реализации этой ответственности сформировалось в концепцию федеральной (государственной) политики регионального развития.

Можно утверждать, что в указанный период именно работы Института экономики будировали в отечественной науке интерес к проблематике федерализма и различных аспектов федеративных отношений. Как отмечал С.Д. Валентей, «Был вскрыт, что особенно значимо, практически неизвестный большинству специалистов пласт истории отечественной науки. Достоянием научной общественности стало то, что теория федерализма имеет в российской научной мысли длительную и богатую историю, а дискуссия о моделях федеративного устройства нашей страны не ограничивается столкновением позиций В.И. Ленина и И.В. Сталина» [7, с. 7–18].

Разумеется, такой качественный поворот в идеологии и методологии региональных исследований не мог произойти одномоментно – также как и в целом постепенно происходила определенная «переоценка ценностей» в системе исследований пространственного развития экономики. Первоначально акцент был сделан на преимущественно «технических» аспектах в системе взаимоотношений федерального центра и регионов, регионов и муниципальных образований. Так, в конце 1980-х–начале 1990-х годов по инициативе и под руководством д.э.н. С.Д. Валентея в Институте экономики была сформирована Комплексная научная группа «Место регионального хозрасчета в совершенствовании производственных отношений социализма», а затем и Сектор проблем регионального хозрасчета. В центре его исследований и научных публикаций стояла проблема стимулирования регионального и муниципального звена управления, в частности, за счет изменения механизма межбюджетных взаимодействий с использованием «одноканальной системы» перечисления налогов в вышестоящие бюджеты (так называемый «Нарофоминский эксперимент») [8]. Однако результаты данных исследований и попытки их практического

внедрения показали, что частные новации не могут дать значимого результата вне обращения к системным аспектам функционирования всего экономико-правового механизма федеративных отношений.

В этой связи в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Институте экономики обозначился новый этап исследования региональной проблематики, который был связан с последовательной проработкой вопросов федерализации всех институциональных основ российской экономики и ее преобразования на новых, преимущественно рыночных началах. Отмечалась крайняя опасность предложений отказаться от федеративной природы российской государственности в пользу унитаризма или конфедеративных начал [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Федерализация России трактовалась учеными Института как сложный, многоэтапный процесс, в ходе которого решались одни задачи, но одновременно возникали новые, требовавшие существенной модернизации экономико-правовых основ и важнейших институтов федеративных отношений.

В этой связи в 1994 г. в Институте экономики был создан Центр социально-экономических проблем федерализма (с 2013 г. – Центр федеративных отношений и регионального развития). До 2013 г. Центром руководил д.э.н., проф. С.Д. Валентей; с 2013 г. Центр возглавляет д.э.н., проф. Е.М. Бухвальд. В ходе работы данного научного подразделения была выдвинута оригинальная и актуальная на том этапе идея «федерализации экономической реформы». Эта гипотеза включала в себя две составляющие. Во-первых, согласование путей формирования новых механизмов хозяйствования и управления с принципами реального федерализма и, во-вторых, реализация курса на децентрализацию управления с формированием необходимых условий и стимулов для активной роли субфедерального звена управления. В основе этих выводов лежала мысль о том, что экономические отношения в условиях государства федеративного типа, включая и сферу государственного и муниципального управления, имеют существенные отличия от аналогичных отношений в унитарном государстве. В связи с этим экономические реформы в федеративном государстве не будут эффективными без качественного изменения всей системы социально-экономического взаимодействия Федерации, ее субъектов и институтов местного самоуправления [17].

В ходе исследований отмечалось, что начальный этап социально-политических и экономических реформ сопровождался многими деструктивными процессами, касающимися становления федеративной природы российской государственности, функционирования институтов государственной власти и местного самоуправления, что разрушало единство вертикали исполнительной власти. Сохранялась значительная мера неопределенности в ответственности Федерации за

ситуацию в социально-экономической сфере, в т. ч. и в сфере государственной политики регионального развития, что не давало возможности реализовать наиболее эффективный курс экономических реформ в стране. Исследователи отмечали, что характерный для начальной стадии становления основ российского федерализма тренд «раздачи суверенитетов» субъектам Федерации, прежде всего полномочий, не подкрепленных конкретной экономической ответственностью, фактически «работал» на разрушение единства экономического и правового пространства страны. Обоснованно давались резко критические оценки в отношении позднее полностью свернутого двустороннего договорного процесса между Российской Федерацией и ее субъектами. Многие из этих выводов и сейчас сохраняют свою актуальность для определения основных направлений совершенствования федеративных отношений в стране.

Все это заставило ученых Института экономики в своих исследованиях обратиться к фундаментальным вопросам современного федерализма, к специфике действия экономико-правового механизма федеративных отношений в российских условиях. В период 1990-х годов ученые Центра федеративных отношений опубликовали большую серию статей, посвященных «федерализации реформы» и становлению новой экономической модели российского федерализма. В числе этих проблем были вопросы приватизации и формирования массива государственной собственности [18]; утверждения российской системы бюджетного федерализма, соблюдения принципов реального федерализма в сфере недропользования [19] и пр.

Большое внимание уделялось вопросам симметрии/асимметрии федеративных отношений, адекватности полномочий субъектов Федерации, различным аспектам так называемой «федеративной реформы», особенно в плане возобладавшего в какой-то момент курса на укрупнение субъектов Федерации, который был охарактеризован как сомнительный паллиатив реформирования федеративных отношений в стране [20].

Последовательно проводилась мысль о том, что будущее России, как многонационального федеративного государства, обеспечивается не «клятвами верности» идеям федерализма, а созданием такой системы государственного управления и федерально-региональных взаимодействий, которая бы наглядно показывала и реализовывала преимущества федеративной природы государства. Другими словами, необходимы условия и институты, делающие федерализм эффективным как в экономическом, так и в социальном планах. В числе таких институтов отмечалась сбалансированная модель межбюджетных отношений, сочетающая функции финансового выравнивания и стимулирования; распределение социальной ответственности между

Федерацией и регионами; их взаимодействие в поддержании благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата и пр. В этот период учеными Института экономики был опубликован ряд монографий по этой теме исследования [21; 22; 23; 24; 25].

В работах ученых Центра федеративных отношений рассматривались проблемы, вытекающие из противоречия между формальной симметрией федеративных отношений в России и глубокой асимметрии этих отношений в экономическом контексте. Прежде всего эти исследования концентрировались на вопросе о причинах и трендах экономической дифференциации субъектов Российской Федерации и мерах государственной политики регионального развития, способной существенно сгладить эту дифференциацию. Данный вопрос и сегодня остается крайне актуальным, т. к. имеющиеся в настоящее время документы в области пространственного регулирования российской экономики не содержат относительно данной дифференциации и путей ее преодоления достаточно четких выводов и рекомендаций. Сотрудниками Института экономики совместно с учеными из других институтов РАН был опубликован цикл работ, посвященных проблемам межрегиональной экономической дифференциации в Российской Федерации, даны ее оценки и, что важно, выявлен волнообразный тренд этой дифференциации в зависимости от фазы экономического цикла [26; 27].

В обоснование дальнейших направлений федеративной реформы в Российской Федерации в Институте экономики получила развития концепция «саморазвития» российских регионов на основе формирования для этого необходимых экономических, правовых и институциональных предпосылок. Приводились экономические аргументы «за» и «против» укрупнения субъектов Российской Федерации. Также рассматривались различные варианты использования в российских условиях модели так называемой «регулируемой асимметрии» федеративных отношений и пр.

Считаем необходимым остановиться еще на ряде направлений пространственно ориентированных исследований в Институте экономики.

Прежде всего хотелось отметить цикл работ, посвященных исследованию такой проблемы, как пространственный потенциал развития российской экономики (Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова и др.) [28; 29]. Ученые Института экономики определяли этот потенциал как систему пространственных характеристик территории, степень ее поселенческой освоенности и обжитости, ее насыщенность природными богатствами, а также созданными материальными активами. Сюда же авторами включалось население страны с его огромным историческим опытом, традициями и другими цивилизационными чертами. Этим исследованиям был характерен диалектический подход к оценке про-

странственного потенциала роста, основанный на четком понимании как тех возможностей, которыми он располагает, так и тех сложностей и противоречий, которые характеризуют его использование в условиях современной России. Подобный подход видится продуктивной альтернативой тому достаточно упрощенному, преимущественно размещенческому подходу к данной проблеме, который отражен в настоящее время в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.

Далее необходимо выделить работы, посвященные обоснованию новой государственной политики регионального развития, которая, с одной стороны, отвечала бы специфике государства федеративного типа, а с другой – ориентировала экономику российских регионов, ее промышленный сектор на путь инновационного, высококонкурентного развития. Здесь необходимо отметить работы д.э.н. О.С. Сухарева. Проводимые им исследования охватывают проблематику институциональных и структурно-технологических изменений в региональных экономических системах с учетом специфики различных регионов России. Ученый в своих работах говорит о необходимости изменения инструментального аппарата и даже самой «идеологии» государственного регулирования регионального развития с переходом от традиционных инструментов, сфокусированных преимущественно на поддержке определенных направлений деятельности того или иного региона, к стратегии, ориентированной, при приоритете активного самообеспечения и саморазвития субъектов Российской Федерации [30; 31].

Исследования ученых Института экономики были направлены на позиционирование региональной политики государства как интегрального элемента экономического механизма федеративных отношений, тесно связанного со всеми иными компонентами этого механизма. Сюда относилась система бюджетного федерализма, реализация инвестиционной стратегии и социальной политики государства, использование различных «институтов развития», как федерального, так и регионального уровней [32; 33]. В проводимых исследованиях акцентировалось внимание на актуальных проблемах государственной политики регионального развития, которая многие годы, по сути, оставалась без надлежащего правового и институционального обеспечения [34].

В последнее десятилетие важным направлением исследований в Институте экономики в контексте обоснования современной модели государственной политики регионального развития стали работы по типизации и рейтингованию российских регионов [35; 36; 37]. На фоне значительного числа других подобных исследований эти работы в Институте экономики ориентировались на строго экономическое обоснование подобной типизации и ее конкретизацию в разрезе тех

институтов и инструментов государственной политики регионального развития, которые были бы наиболее эффективны в отношении соответствующих групп (типов) субъектов Федерации.

Важным продвижением в данном направлении исследований можно считать работы по типизации российских регионов с точки зрения их готовности к переходу на инновационный путь развития [38; 39]. При этом данный «фактор готовности» определялся на основе взвешенной оценки тех экономических, социальных и иных предпосылок, которые, по мнению исследователей, имеют решающее значение для утверждения инновационного тренда развития хозяйственных комплексов субъектов Федерации.

Немаловажное значение имели исследования, проводившиеся в Институте экономики по проблематике российской модели налогово-бюджетного (фискального) федерализма. В этом направлении выделялись работы В.К. Сенчагова [40], Е.М. Бухвальда [41], С.Д. Валентей, Л.Н.Лыковой [42], И.С. Букиной [43]. Так, С.Д. Валентей отмечал, что экономическая самодостаточность субъектов Российской Федерации представляет собой один из основополагающих признаков реального федерализма и ее достижение невозможно вне адекватного финансового обеспечения социально-экономического развития регионов. Подобную устойчивость гарантирует только достаточно совершенная модель бюджетного федерализма. Ее основу формирует такая система организации государственных финансов, которая обеспечивает соответствие доходных и расходных полномочий каждого уровня бюджетной системы [32, с. 12]. Однако в российских условиях реализация этого принципа наталкивается на устойчивое сохранение некоторых негативных сторон межбюджетных отношений и, как следствие, большого числа так называемых «искусственно дотационных» субъектов Федерации.

Основными направлениями исследования проблем бюджетного федерализма в Институте экономики стали такие вопросы, как развитие системы бюджетного федерализма, адекватное общей эволюции федеративных отношений; поддержание баланса выравнивающей и стимулирующей функций бюджетного федерализма и такой его основы, как практика финансового выравнивания. Сюда также следует отнести согласование механизма бюджетного федерализма с адресными инструментами государственной региональной политики, осуществляемой на основе типизации субъектов Федерации. Одним из наиболее важных выводов, сделанных сотрудниками Института, стало обоснование необходимости отказа от формально симметричной и скрыто асимметричной модели межбюджетных отношений и формирование в явном виде формализованной асимметричной модели, охватывающей всю совокупность отношений: налоговые и расходные

полномочия, налоговые и неналоговые доходы, система межбюджетных трансфертов, бюджетные кредиты и др. элементы. Предлагалось формирование нескольких моделей межбюджетных взаимодействий федерального Центра и субъектов Федерации и возможность выбора той или иной модели для субъекта Федерации в зависимости от его объективного экономического потенциала (на основе типизации регионов) и наличия активной позиции властей субъекта Федерации. Суть данной модели заключается в ее нацеленности на формирование и поддержку возможностей экономического роста регионов, эффективное использование их потенциала без ущерба менее обеспеченным регионам [44].

Нельзя пройти мимо того направления исследований, которое фактически обозначило пионерную роль Института экономики в таком направлении, как экономическая безопасность регионов России [45]. В рамках вектора пространственных исследований был также предпринят ряд работ по проблематике малых и моногородов России [46; 47]. В этих работах отмечалось, что сохранение целостности экономического пространства Российской Федерации, возрождение многих важных точек экономического роста и социально-культурного развития требуют целевых мер поддержки этих типов поселений как важного объекта государственной региональной политики. В рамках данного направления исследований и формулируемых в этой связи практических предложений акценты также делались на типизации малых и моногородов как объектов государственной поддержки на основе взаимодействия Федерации и ее субъектов, на формировании стимулов «саморазвития» этих поселений, как потенциальных точек экономического роста.

В последние годы исследования по проблематике федеративных отношений и регионального развития в Институте экономики были связаны с обоснованием необходимости и практических путей включения данного круга вопросов в формирующуюся систему стратегического планирования в стране. Формально 172-й федеральный закон закрепил основополагающую роль стратегического планирования в системе государственного и муниципального управления, однако ее практическое решение столкнулось со многими трудностями, в т. ч. и теоретико-методологического характера. В этих работах рассматривалась сущность и основные задачи стратегирования пространственного развития; роль государственной политики регионального развития как инструмента реализации приоритетов пространственной структуры экономики и, конечно, неразрывная связь пространственного стратегирования и государственной политики регионального развития с формированием долговременной перспективы (концепции) развития основ российского федерализма [48].

Исследования проблем местного самоуправления в Российской Федерации

Социально-политические и экономические условия наложили отпечаток и на отечественные исследования вопросов местного самоуправления. В целом их содержание и направленность были обусловлены конкретно-историческими условиями, характерными для отдельных этапов развития нашего государства.

Формальное местное самоуправление, характерное для периода советской власти, долгое время ограничивало теоретические разработки этого вопроса. Тем не менее большой интерес ученых вызывали вопросы развития земства. В частности, исследователи Сектора экономической истории, изучая историю становления и развития земского движения и определяя его специфику в качестве института местного самоуправления, отмечали, что оно не могло развиваться без усилий официальных властей, а потому имело тенденцию превратиться в бюрократический придаток государственной власти. Что в результате и произошло [49, с. 3]. В целом история земства определялась как история борьбы за его негосударственный статус. Свой вклад в изучение вопросов развития земства в России в различные периоды существования Института экономики внесли такие ученые, как: заслуженный деятель науки РФ, д.э.н. Ю.Ф. Воробьев, доктора экономических наук В.Н. Кашин, Т.Е. Кузнецова, Т.Г. Семенкова; кандидаты экономических наук М.Л. Стронгина, О.М. Ежова [50, с. 3]. Этими учеными были выделены важнейшие направления исследований земского движения не только с точки зрения историко-экономического анализа, но и с позиции современных проблем, стоящих перед местным самоуправлением. Так, особое внимание было уделено таким проблемам, как: углубление демократических начал в работе земств, расширение их самостоятельности и эффективности; формирование финансовой основы земств; работа земств по развитию отдельных сфер хозяйства; взаимодействие земств между собой и с государством; региональные особенности работы земских учреждений с учетом местных особенностей и традиций. При этом особое внимание уделялось не столько хронологической истории, сколько социально-экономическому анализу, выявлению социальных сил, заинтересованных в реформах, рассмотрению влияния проводимых реформ на жизнь населения. Особое внимание уделялось изучению земской статистики. Земские исследования охватили практически всю территорию европейской части России (за исключением Крайнего Севера и Западной окраины России), что стало серьезной базой для изучения экономической истории того периода.

Конституционное закрепление местного самоуправления в качестве одной из основ российской государственности, наряду с поло-

жением о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти, стало тем поворотным пунктом, который способствовал активизации внимания ученых Института экономики к проблемам местного самоуправления и функционирования системы муниципального управления в Российской Федерации.

В 1980-е годы важным направлением исследований в Институте экономики стали работы под руководством Л.В. Никифорова и коллектива авторов в составе Т.Е. Кузнецовой, С.Н. Петешкиной, М.Л. Стронгиной, М.И. Сидоровой и др. В результате изучения проблем развития города и села эти авторы пришли к выводу, что усиление взаимосвязей города и села, повышение уровня развития производства и жизни на селе перерастают в интеграцию различных сторон городских и сельских структур, в процесс социально-экономической интеграции города и села. Это создает предпосылки для углубления начал местного самоуправления в этой категории поселений [28, с. 13; 51]. При этом теоретические вопросы местного самоуправления исследовались, прежде всего в рамках процесса демократизации управления и становления институтов гражданского общества в России [52].

С созданием Центра социально-экономических проблем федеративных отношений местное самоуправление стало рассматриваться в качестве важнейшей составляющей федеративных отношений. Подобная постановка носила принципиальный характер, так как позволяла рассматривать реформирование местного самоуправления не только как необходимый элемент становления института гражданского общества, функционирующего в интересах социальной стабильности и роста качества жизни населения, но и в качестве важнейшей составляющей процесса децентрализации управления, повышения его эффективности в интересах последовательного решения хозяйственных и социальных проблем страны. Принятие Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также последующие законодательные акты, касающиеся местного самоуправления, дали новый импульс исследованиям местного самоуправления, его экономических и правовых основ.

Здесь также можно выделить блок исторических исследований. В этом направлении проводился последовательный анализ опыта и исторических уроков российского земства. Также сформировался вектор исследований, касающихся формирования теории и практики местных финансов и местного налогообложения в России во второй половине XIX и начале XX в. Эти работы осуществлялись под руководством д.э.н. И.В. Караваевой, которой принадлежит приоритет во введении в современный научный оборот архивных документов Хозяйственного департамента Министерства финансов Российской

империи 1906–1912 гг. «по земскому общественному устройству» [53, с. 273–283]. На основе исследования вопросов финансового обеспечения органов местного самоуправления уже в советский период был сделан вывод о том, что для 1922–1927 гг. были характерны быстрый рост финансовой самостоятельности и укрепление финансовой базы местного самоуправления в целом [54; 55, с. 273–283].

Исследования процессов реформирования местного самоуправления в России привели ученых Института к выводу о том, что большинство мер, принимаемых правительством РФ на этом уровне федеративных отношений, носили фрагментарный и непоследовательный, зачастую противоречивый характер, а некоторые меры были приняты с явным опозданием.

Так, укрупнение муниципалитетов раз за разом сменялось их разукрупнением и снова укрупнением; передача муниципалитетам дополнительных полномочий – их лишением; расширение налоговых полномочий – их сужением; выборность глав муниципальных образований – отказом от прямых выборов глав муниципалитетов непосредственно населением и пр. Таковы лишь некоторые наиболее явные составляющие разнонаправленных векторов реформирования местного самоуправления, на которые указывали сотрудники Центра. В результате такого шатания из одной крайности в другую основные проблемы развития российского местного самоуправления, особенно в отношении его устойчивых экономических и институциональных основ, за последние десятилетия так и не были решены. Эти проблемы, по сути, стали хроническими.

Важнейшей причиной такой ситуации является то, что муниципальная реформа фактически вывела местное самоуправление из системы федеративных отношений в Российской Федерации. Конституционное положение об отделении местного самоуправления от системы органов государственной власти было формальным лозунгом, обусловленным конкретной исторической ситуацией – желанием порвать с наследием административной экономики и иерархической системой Советов. На деле подобного отделения не произошло, а подчинение местного самоуправления государству лишь усилилось. Все призывы о местном самоуправлении и демократических началах реально привели к проблемам «распиливания» муниципальных бюджетных трансфертов, к активной распродаже муниципальной собственности, закреплению бюрократической системы распределения бюджетных средств на значительной части территории Российской Федерации.

Что касается современных проблем развития местного самоуправления, то сотрудники Центра всегда указывали, что при оценке результатов принимаемых мер всегда следует оценивать не только формаль-

ные институциональные трансформации, но и то, насколько они основаны на реальных изменениях в плане формирования экономических основ местного самоуправления. Это требовало исследований по таким важнейшим направлениям, как: специфика местного самоуправления как социально-экономического института; выделение ключевых проблем и направлений муниципальной реформы в России; финансово-бюджетные механизмы реформирования местного самоуправления; реформирование отношений собственности; становление института земельной собственности; воздействие органов муниципального управления на формирование предпринимательской среды; формирование системы муниципальной статистики; муниципальные банки и их роль в социально-экономическом развитии территорий; роль муниципально-частного партнерства в решении как хозяйственных, так и социальных вопросов местного значения и пр. [56].

В целом сформировалась устойчивая тенденция, свидетельствующая о росте несоответствия экономической базы местного самоуправления возложенным на него полномочиям (круту вопросов местного значения), что привело к упрочивающемуся дисбалансу доходных источников местных бюджетов и их расходных полномочий. Сотрудники Центра неоднократно подчеркивали, что важнейшим аспектом реформирования местного самоуправления должна стать оптимизация круга собственных полномочий органов местного самоуправления, их четкая структуризация на межмуниципальном уровне, четкое разграничение полномочий муниципалитетов и субъектов Федерации, а также обеспеченность муниципальных полномочий необходимыми экономическими, прежде всего, финансово-бюджетными ресурсами [57].

Еще одним направлением исследования наиболее значимых вопросов функционирования российского местного самоуправления стало изучение мирового и российского опыта практики межмуниципального сотрудничества. Данный институт муниципального развития и управления традиционно трактуется, с одной стороны, как возможность добиться при решении тех или иных хозяйственных и социальных задач экономии ресурсов местных бюджетов, а с другой – как форма разрешения противоречия, заложенного в самой сущности института местного самоуправления. Это противоречие между важностью реализации демократических принципов функционирования местного самоуправления и его экономическими, прежде всего финансово-бюджетными возможностями по решению различных местных проблем. Подобное противоречие, как было показано в проведенных исследованиях, объективно по своей природе и требует адекватных форм его разрешения. Многообразные формы межмуниципального взаимодействия во многих экономически развитых странах показали

себя как наиболее эффективная форма разрешения этого противоречия. Кроме того, как свидетельствуют работы сотрудников Центра, расширение практики межмуниципального сотрудничества во многих случаях может выступить разумной альтернативой бесконечной череде разъединительных и объединительных процессов в системе муниципальных образований в регионах России.

Следуя демократическим принципам управления, сохраняя формальную независимость муниципальных образований, различные формы межмуниципального сотрудничества способствуют расширению возможностей решения вопросов местного значения в обеспечении социально-экономических интересов населения. Межмуниципальное сотрудничество также должно стать важным инструментом расширения возможностей и самого «поля» муниципального стратегирования [58, с. 145–158]. Как было показано в исследованиях Центра, из трех основных форм межмуниципального сотрудничества – ассоциативные, договорные и организационно-хозяйственные – в Российской Федерации основное внимание в настоящее время уделяется ассоциативным формам сотрудничества. Однако наличие существенных пробелов в нормативно-правовой базе, регулирующей отношения межмуниципального сотрудничества, такие как отсутствие адекватной информационно-методической поддержки муниципалитетов, сложности согласования «межмуниципальных» интересов в бюджетной политике и в сфере имущественных отношений и другие факторы, пока ставят серьезные преграды на пути практического использования в России института межмуниципального сотрудничества.

Исследования проблем местного самоуправления получили новый ракурс после принятия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Отмечалось, что стратегическое планирование на уровне муниципального звена управления стало все чаще рассматриваться в качестве важнейшей институциональной новации, эффективная реализация которой, с одной стороны, позволит решить совокупность важных вопросов пространственного развития, а с другой – позволит говорить о качественно новом этапе муниципальной реформы в Российской Федерации. Проведенные в Центре исследования позволили сделать вывод о наличии недоработок и противоречий как внутри самого 172-го ФЗ, так и в самой модели стратегического планирования, которая положена в основу названного закона.

В работах Е.М. Бухвальда, О.Н. Валентик, А.В. Одинцовой был поставлен вопрос о том, что «опциональная» модель законодательного регулирования практики муниципального стратегирования, закрепленная в 172-м ФЗ, по сути, разрушает единую «вертикаль» стратегического планирования в стране. Кроме того, указывалось, что жесткая регламентация процедур и документов стратегического планирова-

ния, необходимость строгого соответствия муниципальных программ и стратегий стратегиям и программам, разрабатываемым на уровне регионов, ставит под вопрос сам принцип самостоятельности местного самоуправления как органа публичной власти.

Анализ существующих муниципальных стратегий показал, что на фоне количественного увеличения муниципальных образований, имеющих свои стратегии, многие из принятых документов носят формальный характер, представляя собой либо копирование неких шаблонов, либо некое идеальное видение будущего муниципальных образований вне четкой привязанности к системе их стратегических целей. Формулировки таких целей и конкретных задач в стратегиях муниципальных образований не идентифицируют конкретные территории в общем муниципальном пространстве России. По сути, это (в различных вариациях) все те же задачи, решению которых должно способствовать местное самоуправление [59]. Кроме того, наблюдается (по крайней мере, на начальных этапах реализации закона о стратегическом планировании) игнорирование необходимости привлечения к разработке и реализации стратегий населения, бизнеса и общественных организаций [60; 61; 62].

Среди факторов, ограничивающих практическую реализацию стратегирования на уровне муниципального звена управления, в ходе проведенных исследований были выделены следующие моменты. Прежде всего, это неполное соответствие круга вопросов социально-экономического характера, объективно подлежащих стратегированию развития той или иной территории, полномочиям муниципальных органов исполнительной власти. Далее, это недостаток финансовых ресурсов, устойчиво сохраняющийся в условиях действующей системы межбюджетных отношений, ведущий к глубокой дотационности основной части местных бюджетов, их постоянной зависимости от вышестоящих бюджетов.

В рамках изучения социально-экономических предпосылок и основ муниципального стратегирования особым направлением стали исследования проблем малых и моногородов в контексте пространственного развития российской экономики. В исследованиях Е.М. Бухвальда, А.В. Кольчугиной, А.В. Одинцовой роль малых городов рассматривается в качестве фактора, интегрирующего пространства городской и сельской среды в производственном, транспортном и социально-инфраструктурном отношениях. При этом неизменно подчеркивается, что экономическое возрождение и дальнейшее устойчивое развитие малых городов нельзя рассматривать и решать как некую абсолютно самостоятельную задачу. Ее решение позиционируется «на стыке» многих важнейших социально-экономических проблем, стоящих перед современной Россией. В этой связи, помимо необходимо-

сти преодолеть недостаточность средств, выделяемых на поддержку малых городов, главной задачей, по мысли исследователей Института экономики, является пересмотр самой идеологии государственной политики в отношении малых городов, уход от модели вспомоществования к приоритизации обеспечения условий для «саморазвития» этой категории поселений [63; 64, с. 225].

Ученые Института неоднократно подчеркивали, что, несмотря на определенные позитивные продвижения, фактические итоги муниципальной реформы в России далеко не в полной мере воплотили те цели, ради достижения которых она была провозглашена. В этом направлении следует выделить три главные проблемы. Во-первых, это необходимость формирования стабильной законодательной базы, обеспечивающей четкое и непротиворечивое разграничение полномочий между уровнями публичной власти, включая и институты местного самоуправления. Во-вторых, это приведение в соответствие расходных полномочий муниципальных образований их доходным источникам. В-третьих, реальное приближение муниципальной власти к населению с целью укрепления природы местного самоуправления как института гражданского общества, воплощения гражданской инициативы и ответственности. Эти три проблемы и сегодня активно исследуются, поскольку относятся к числу тех, от решения которых во многом зависят не только перспективы отечественного местного самоуправления, но и позитивный тренд пространственного развития российской экономики в целом.

Важным результатом исследований ученых Института в области федеративных отношений, регионального развития, проблем местного самоуправления стало учреждение в 1995 г. издающегося до настоящего времени журнала «Федерализм» (фактически выходит с марта 1996 г.), а также публикация в 1997 г. словаря «Федерализм» – первого подобного издания в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лепешкин А.И. Советский федерализм. М.: Юридическая литература, 1977.
2. Фейгин Я.Г. Размещение производства при капитализме и социализме. М.: Госпланиздат, 1958.
3. Сорокин Г.М. Проблемы воспроизводства и планирования социалистической экономики. М. Наука, 1976.
4. История социалистической экономики СССР. М.: Наука, 1980. Т. 7.
5. Экономический строй социализма». Т. 2. Социалистическое расширенное воспроизводство (Закономерности, интенсификация, эффективность). М.: Экономика, 1984.

6. Валентей С.Д., Бухвальд Е.М. и др. Социально-экономические основы суверенитета Российской Федерации в условиях перехода к регулируемому рынку: Научный доклад. М.: ИЭ АН СССР, 1990.
7. Валентей С.Д. Журнал «Федерализм» и «Федерализм» в России // Федерализм. 2011. № 1 (61). С. 7–18.
8. Региональный хозрасчет и местный бюджет // «Знамя Ильича». (Нарофоминск). 1988. № 46, 50.
9. Бухвальд Е.М. Федерализм. Иного пути России не дано // Власть. 1997. № 3. С. 8–12.
10. Бухвальд Е.М. Перспективы российского федерализма // Проблемы прогнозирования. 1998. № 4. С. 70–77.
11. Бухвальд Е.М. Новая стратегия реформ и перспективы российской государственности // Федерализм. 1999. № 2. С. 37–60.
12. Бухвальд Е.М. Российский федерализм – стартовая проблема нового тысячелетия // Федерализм. 2000. № 1. С. 43–64.
13. Бухвальд Е.М. Российский федерализм на критическом рубеже развития // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 70–83.
14. Валентей С.Д. Федерализм – это наше будущее // Регионы России: национальные приоритеты. 2012. № 4. С. 30–33.
15. Валентей С.Д. Неюбилейные размышления в связи с юбилеем // Федерализм. 2016. № 1. С. 9–18.
16. Валентей С.Д., Глигич-Золотарева М.В., Лыкова Л.Н. Старые и новые проблемы российского федерализма // Федерализм. 2012. № (68). С. 7–38.
17. Экономический механизм федеративных отношений (принципы, цели, механизмы реализации). Колл. авт. под рук. С.Д. Валентея // Экономика и жизнь. 1994. № 52. С. 20–21.
18. Отношения собственности в экономическом механизме федеративных отношений. М.: ИЭ РАН, 1997.
19. Валентей С.Д., Бухвальд Е.М. Реформирование недропользования: как избежать крайностей // Законодательство и экономика. 2003. № 5. С. 19–28.
20. Бухвальд Е.М. Укрупнение регионов: перспектива или суррогат реформирования федеративных отношений // Федерализм. 2004. № 4. С. 135–152.
21. Экономические проблемы становления российского федерализма / Под ред. С.Д. Валентея. М.: Наука, 1999.
22. Бухвальд Е.М. Российский федерализм: проблемы и перспективы на рубеже XXI века. Рязань: Узорочье, 2002.
23. Инновационный путь развития для новой России / Под ред. В.П. Горегляда. М.: Наука, 2005.
24. Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы. СПб.: Алетей, 2008.
25. Роль субъектов Федерации в формировании инновационной модели развития экономики России. М.: URSS, 2009.
26. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 76–91.
27. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Экономическая дифференциация регионов России: новые оценки и закономерности // Этап: Экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 1. С. 41–56.

28. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России / Отв. ред. Л.В. Никифоров, Н.Ю. Ахапкин, Т.Е. Кузнецова и др. М.: ИЭ РАН, 2011.
29. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 51–64.
30. Сухарев О.С. Региональная экономическая политика. М.: URSS, 2014.
31. Сухарев О.С. Региональная экономическая политика: структурный подход и инструменты (теоретическая постановка) // Экономика региона. 2015. № 2. С. 9–23.
32. Валентей С.Д. Экономика федеративных отношений и региональная политика // Пространственная экономика. 2009. № 4. С. 7–22.
33. Бухвальд Е.М. Политика регионального развития и реформирование российской модели бюджетного федерализма // Мир перемен. 2012. № 4. С. 67–83.
34. Валентей С.Д. Зачем России Министерство регионального развития? // Федерализм. 2015. № 3. С. 7–16.
35. Бухвальд Е.М., Валентей С.Д., Лыкова Л.Н., Бахтизин А.Р., Кольчугина А.В. Типизация субъектов Российской Федерации // В кн.: «Urbi et orbi» / Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2014. С. 667–709.
36. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Тренды развития российских регионов // Экономика региона. 2014. № 3. С. 9–22.
37. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Группировка регионов федеральных округов Российской Федерации по трендам развития // Федерализм. 2015. № 4 (80). С. 131–138.
38. Валентей С.Д. Федерализм и инновационная модернизация // Федерализм. 2013. № 1. С. 7–10.
39. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Кольчугина А.В. Готовность региональных экономик к модернизации // Федерализм. 2018. № 3. С. 143–156.
40. Сенчагов В.К. О формировании новой парадигмы бюджетной политики // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 152–158.
41. Бухвальд Е.М. Альтернативы российской модели бюджетного федерализма // Федерализм. 2001. № 3. С. 143–166.
42. Лыкова Л.Н. Налоговая политика и возможности экономического роста: региональный аспект // Федерализм. 2016. № 1 (81). С. 107–120.
43. Букина И.С. Парадоксы финансовой политики в РФ // Федерализм. 2014. № 2. С. 25–34.
44. Валентей С.Д., Глигич-Золотарева М.В., Лыкова Л.Н. Старые и новые проблемы российского федерализма. // Федерализм. 2012. № 4 (68). С. 7–38.
45. Сенчагов В.К., Митяков С.Н. и др. Экономическая безопасность регионов России. Нижний Новгород: Нижегородский тех. ун-т, 2014.
46. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Большие проблемы малых городов России // Самоуправление. 2014. № 10. С. 11–14.
47. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 7–21.
48. Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты и инструменты. М.: Институт экономики РАН. 2018.

49. Из истории земства в России / Отв. ред. д.э.н. В.Ф. Воробьев М.: Институт экономики РАН, 2000.
50. Ежова О.М. Реформы местного самоуправления в России в период 1864–1917 гг. М.: Институт экономики РАН, 1992.
51. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 51–64.
52. Никифоров Л.В. Муниципальные реформы как процесс становления первичных территориальных структур гражданского общества. М.: ИЭ РАН, 1997.
53. Архипкин И.В., Караваяева И.В. Зарождение отечественной теории местных финансов // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2011. № 3. С. 273–283.
54. Губин Б.В., Караваяева И.В., Потанов В.А. Муниципальная Россия (от провинциализма к цивилизации). М.: ИЭ РАН, 2010.
55. Караваяева И.В., Архипкин И.В. Формирование органов местного самоуправления и их финансовой базы в годы НЭПа. the-books.biz/istoriya-ekonomiki-knigi/karavaeva-arhipkin-formirovanie-organov-51652.html.
56. Муниципальная реформа в России: от переходного периода к полномасштабной реализации / Отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
57. Десять лет муниципальной реформы в России: итоги и перспективы. М.: Институт экономики РАН, 2014.
58. Одинцова А.В. Межмуниципальное сотрудничество: уроки зарубежного опыта // Федерализм. 2013. № 2. С. 145–158.
59. Политика регионального развития: новые приоритеты, институты и инструменты / Отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: Институт экономики РАН, 2018.
60. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 1. С. 132–147.
61. Одинцова А.В. Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 99–109.
62. Одинцова А.В., Валентик О.Н. Становление системы стратегического планирования в муниципальном звене управления. Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.
63. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н., Кольчугина А.В., Одинцова А.В. Стратегическое планирование для малых городов России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 3. С. 53–70.
64. Кольчугина А.В. Малые и моногорода как объект стратегического планирования / в кн.: Стратегическое планирование территориального развития / Отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: Институт экономики РАН, 2016.

ABOUT THE AUTHORS

Buchwald Evgeny Moiseevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS). Moscow, Russia
buchvald@mail.ru

Valentey Sergey Dmitrievich – Doctor of Economic Sciences, Professor; Academic Supervisor of Research Association of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Odintsova Alexandra Vladimirovna – Doctor of Economic Sciences, Leading Research Fellow of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS). Moscow, Russia.

ECONOMIC PROBLEMS OF FEDERALISM, REGIONAL POLICY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

The article discusses the main stages and key areas of research in the field of spatial development of the Soviet, and later – the Russian economy; regional policy of the state, institutions of federalism and local self-government. It was shown that these studies mainly focused on the formation of conditions and prerequisites for the fullest possible use of the special spatial factor in the development of the national economy. It focuses on the fact that the implementation of socio-political and economic reforms in Russia allowed not only to intensify research on issues of Russian federalism and local self-government as an institution of civil society, but also to outline ways to strengthen the contribution of federal relations and municipal government to solving pressing economic and social problems of the country.

Key words: *federalism, regions, regional policy, spatial development of the economy, local self-government.*

JEL: B25, L51, R10.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

И.В. КАРАВАЕВА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель сектора экономической безопасности
ФГБУН Институт экономики РАН

С.В. КАЗАНЦЕВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
сектора экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

А.Г. КОЛОМИЕЦ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора
экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

Е.А. ИВАНОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора
экономической безопасности ФГБУН Институт экономики РАН

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА НА 2020 ГОД И НА ПЛАНОВЫЙ ПЕРИОД 2021–2022 ГОДОВ

В статье анализируются основные параметры Федерального бюджета на 2020–2022 гг., дается оценка направленности государственной бюджетной политики и определена достоверность прогнозов формирования доходной базы федерального бюджета. Сопоставляются параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 г. и Закона о федеральном бюджете на 2020 г. и плановый период 2021 и 2022 гг. с актуальными задачами развития страны и возможностями их реализации. Представлены оценки результативности источников экономического роста, заложенных в бюджет, возможностей увеличения доходной базы Федерального бюджета, согласования принципов формирования трехлетнего Федерального бюджета с государственной концепцией стратегического планирования в РФ.

Ключевые слова: федеральный бюджет, прогноз социально-экономического развития, доходы, расходы, дефицит, профицит, стратегическое планирование.

JEL: H60, H12, H77, H131.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10004

Общая направленность государственной бюджетной политики в 2019–2022 гг.

В основном экономическом документе страны, принятом 02.12.2019 г., – в Федеральном бюджете РФ на 2020–2022 гг., предполагается реализовать в рамках наступившего крайне ответственного периода в развитии российской экономики двуединую задачу – минимизировать инфляцию и перейти к ускоренным темпам экономического роста [1].

Однако такая постановка по своей сути противоречива. В условиях остающейся достаточно неблагоприятной для российской экономики внешнеэкономической ситуации бюджетная концепция на деле продолжает сохранять ориентированность на проведение ограничительной политики, на сокращение как социально-значимых, так и инвестиционных расходов федерального бюджета.

Отчасти необходимость увеличения объемов финансирования реального и социального секторов экономики страны на фоне внешних и внутренних угроз сегодня понимается и правительством РФ. Именно поэтому *при последовательной корректировке плановых показателей* по годам бюджетной трехлетки – в 2019 г., 2020 г. и 2021 г. – в целом закладываются более высокие, чем предполагалось в предыдущем трехлетнем периоде, темпы роста расходов и, соответственно, возросла величина их отношения к валовому внутреннему продукту.

Таблица 1

Отношение объема расходов федерального бюджета (с учетом условно утвержденных) к объему ВВП в 2018–2022 гг., %

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022
Объем расходов федерального бюджета к объему ВВП, в трактовке бюджетной трехлетки 2018–2020 гг. (%)	17,0	15,9	15,2	15,0	–
Объем расходов федерального бюджета к объему ВВП, в трактовке бюджетной трехлетки 2019–2021 гг. (%)	17,2	17,0	17,2	16,9	–
Объем расходов федерального бюджета к объему ВВП, в трактовке бюджетной трехлетки 2020–2022 гг. (%)	16,1 (отчет)	16,8	17,3	17,1	16,9
Дефицит (–)/ Профицит (+) в % к ВВП	+2,6	+1,7	+0,8	+0,5	+0,2

Источник: рассчитано авторами по: [1; 2].

Таким образом, мы наблюдаем не «прорывной» рост расходов бюджета, а лишь сохранение в среднесрочной перспективе их общего объема относительно ВВП практически на уровне планового показателя 2018 г., который существенно ниже показателя 2017 г., составлявшего 18,1%.

Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. N 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» вновь подготовлен в русле осторожного финансового планирования и экономии средств, что практически исключает его стимулирующую роль.

Достоинством подхода к расчету основных показателей Федерального бюджета на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг. (Федеральный закон от 2.12.2019 г. № 380-ФЗ – далее Закон № 380-ФЗ) следует считать то, что они определены с учетом четырех положений.

Во-первых, Закон № 380-ФЗ учитывает задачи реализации национальных целей и ключевых приоритетов социально-экономического развития страны на период до 2024 г., заданных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Во-вторых, основные характеристики Федерального бюджета сформированы на основе базового варианта прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг. (далее - Прогноз). При этом для отдельных элементов прогноза (времени, национальных и государственных программ) учтены результаты целевого его варианта. Такой подход к формированию бюджета позволяет уменьшить риски возникновения ситуации, при которой основные показатели Закона № 380-ФЗ не будут достигнуты.

В-третьих, расчеты проведены с учетом прогноза демографической ситуации в Российской Федерации и существующей системы технологий. Это позволяет не проявлять излишнего оптимизма в возможностях повышения производительности труда и доходов федерального бюджета.

В-четвертых, Федеральный бюджет исходит из предположения о сохранении в прогнозный период сложной международной обстановки, продолжения действия антироссийских санкций и контрсанкций РФ, слабого спроса на отечественные товары на внешних рынках, обострения торговых, финансовых и политических противостояний в мире. Следовательно, нет оснований рассчитывать на существенное расширение объемов российского экспорта.

Все это предопределило снижение заложенных в бюджете цен на нефть марки Urals и на газ, сохранение курса российского рубля по отношению к американскому доллару и, как результат, – невысокие темпы роста фонда заработной платы, что, с учетом инфляции, не позволяет заметно повысить уровень благосостояния россиян в 2020–2024 гг.

Таблица 2

**Среднегодовые темпы изменения некоторых показателей
в 2019–2022 гг., %**

Показатель	%
Инфляция (ИПЦ), % к декабрю предыдущего года	105,0
Фонд заработной платы	101,6
Прибыль прибыльных организаций	100,3
Курс доллара, руб. за долл. США	98,2
Цены на газ (среднеконтрактные, включая страны СНГ)	94,6
Цены на нефть Urals	94,2

Источник: составлено авторами по: [2, с. 17].

**Динамика макроэкономических показателей
российской экономики в 2019–2022 гг.**

Рассмотрим основные характеристики Федерального бюджета на 2020 г. и на плановый период 2021–2022 гг.

Таблица 3

**Основные характеристики федерального бюджета на 2020 г.
и на плановый период 2021 и 2022 гг. (млрд руб.)**

Наименование	2018 г. (отчет)	2019 г. Закон № 459-ФЗ	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Доходы, всего	19454,4	20174,9	20379,4	21346,5	22058,3
% к ВВП	18,7	18,5	18,1	17,7	17,2
Расходы, всего	16713,0	18293,7	19503,3	20634,0	21763,3
% к ВВП	16,1	16,8	17,3	17,1	16,9
Дефицит (-)/ Профицит (+)	2741,4	+1881,2	+876,1	+612,5	+295,0
% к ВВП	2,6	1,7	0,8	0,5	0,2

Источник: рассчитано авторами по: [2].

Важным на сегодня остается вопрос об изменении доли нефтегазовых доходов в структуре бюджетных поступлений, то есть о возможности снижения зависимости от нефтегазовых доходов. В 2020 г. предусматривается заметное снижение доли нефтегазовых доходов – с 7,6% ВВП в 2018 г. до 6,6%. Затем эта доля практически стабилизируется и составит 6,4% в 2021 г. и 6,0% ВВП в 2022 г. Но в общем объеме доходов бюджета эта доля все еще очень велика: 40,8% в 2018 г., 36,7% в 2020 г.,

36,1% в 2021 г. и 35,0% в 2022 г. Таким образом, очевидная зависимость от нефтегазового комплекса для экономики страны в целом сохраняется.

Следует также обратить внимание на то, что указанных в Законе № 380-ФЗ объемов прироста инвестиций и экспорта явно недостаточно для обеспечения заявленного объема прироста ВВП (см. табл. 4).

Таблица 4

**Объёмы прироста некоторых макроэкономических показателей
в 2018–2022 гг.**

Показатели	Значение прироста
ВВП, млрд руб.	24632
Инвестиции, млрд руб.	7841
Объем импорта, млрд долл. (по кругу товаров, учитываемых ФТС России)	47,3
Объем экспорта, млрд долл. (по кругу товаров, учитываемых ФТС России)	4,6
Прибыль прибыльных организаций, млрд руб.	5727

Источник: рассчитано по: [2, с. 17].

Законом № 380-ФЗ предусматривается, что быстрый рост объема импорта в 2020–2022 г. положительно отразится на доходах федерального бюджета. Доля связанных с импортом доходов в общей сумме доходов федерального бюджета РФ повысится с ожидаемых в 2019 г. 18,0% до 19,8% в 2020 г. [2, с. 36].

Таким образом, вслед за Прогнозом социально-экономического развития Федеральный бюджет привычно рассматривает в качестве главного двигателя экономического роста Российской Федерации в 2020–2024 гг. доходы от экспорта, правда, не только энергоносителей и сырья, а также значительных объемов промышленной продукции. «Драйверами экономического роста, – согласно Пояснительной записки к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов», – станут экспортно ориентированные отрасли обрабатывающей промышленности (химический комплекс, пищевая промышленность, машиностроение) и строительный сектор» [2, с. 18].

С одной стороны, такой посыл основан на предполагаемых низких темпах развития отечественного внутреннего рынка – об этом и в самом Законе № 380 и в Пояснительной записке к нему не говорится прямо, но следует из прогнозируемой динамики показателей прибыли организаций, доходов федерального бюджета и фонда заработной платы. С другой стороны, он не согласуется с оценкой геополитической и финансово-экономической ситуации в мире.

Перейдем к следующему вопросу: насколько проект федерального бюджета открывает двери денежным средствам, ориентированным на финансирование развития экономики?

Из табл. 3 видно, что, поскольку на все три предстоящих года запланирован профицитный бюджет, на период до 2022 г. сохраняется отсечение ресурсов от финансирования экономического роста. И общая динамика снижения прироста расходов бюджета, которые увеличиваются в 2020 г. на 6,6%, в 2021 г. – на 5,8% и в 2022 г. – на 5,5%, также наглядно говорит об этом. Экономика не может рассчитывать на активизацию бюджетного финансирования, а напротив, имеет место ее затухание.

Ну а как же с провозглашением смягчения денежно-кредитной политики?

Действительно, мы наблюдаем как сумма, отвлекаемая от финансирования развития экономики, из года в год сокращается – профицит снижается с 1,7% ВВП в 2019 г. до 0,8% в 2020 г., 0,5% в 2021 г. и 0,2% в 2022 г. Соответственно снижается и абсолютная сумма профицита. И все же за 3 года формируется огромная сумма в 17,3 трлн руб., которая изымается из финансирования экономического развития страны. Эта сумма сопоставима со всеми расходами за 2019 г. (18,3 трлн руб.). Таким образом, можно сказать, что экономика теряет годовой бюджет, который вполне мог бы быть направлен на инновационные преобразования.

Такое сокращающееся финансирование, конечно, не способствует поддержанию достойных темпов экономического роста и выполнению к 2024 г. заданий, провозглашенных президентом в его посланиях Федеральному Собранию 2018 и 2019 гг. и Указе № 204.

Предполагается активно использовать и другой путь отвлечения ресурсов от финансирования развития экономики – так называемое бюджетное правило, хотя и здесь можно заметить некоторое смягчение денежно-кредитной политики.

Несколько повышена на период 2020–2022 гг. цена отсечения – с 41,6 долл./барр. до 42,4 долл./барр. Но это, как и раньше, намного ниже мировых цен на углеводороды. Таким образом, опять значительные суммы доходов от разницы между фактическими ценами на углеводороды и ценой отсечения будут отвлекаться от финансирования развития экономики.

Итак, в предстоящем трехлетии будет продолжено отвлечение ресурсов от финансирования развития экономики, хотя и в несколько смягченном виде. Это главная характеристика Федерального бюджета на 2020 г. и на плановый период 2021–2022 гг.

Надо сказать, что так же действует и ЦБ, который от случая к случаю понижает учетную ставку на 0,25 п.п, но это не приводит к заметному снижению цены кредита. Его цена упорно держится

на уровне 10–12%, что практически блокирует использование бизнесом возможностей интенсивного кредитования.

Ну и куда же ориентированы огромные ресурсы, практически изъятые из финансирования экономического развития? Они вновь пойдут на пополнение уже и без этого избыточных резервов. Вместе с тем в настоящее время объем золотовалютных резервов почти в 7 раз превышает необходимый для обеспечения международных расчетов. Золотовалютные резервы Российской Федерации на 1 августа 2019 г. уже составили 519,8 млрд долл. и по сравнению с 1 августа 2018 г. увеличились на 13,5%. Объем золотовалютных резервов сейчас в 1,7 раза больше размера импорта, по прогнозу на 2022 г. Вместе с тем, по общепринятым правилам, объем золотовалютных резервов не превышает трехмесячного объема импорта, т. е. 75 млрд долл., исходя из объема импорта 2022 г. Это значит, что в золотовалютных резервах бесполезно заблокировано 445 млрд долл., что по курсу в 60 руб. за доллар составляет более 26 трлн руб.

Избыточным является и объем Фонда национального благосостояния (см. табл. 5).

Таблица 5

Прогноз объема Фонда национального благосостояния

Показатели	2018 г. (отчет)	2019 г. (оценка)	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Объем ФНБ на начало года	3 752,9	4036,0	8172,0	11059,5	13658,0
% к ВВП	3,6	3,7	7,2	9,2	10,6
Пополнение ФНБ	906,7	4122,2	2856,1	2372,0	2274,9
<i>в том числе:</i>					
за счет нефтегазовых доходов	829,1	4261,4	2857,0	2332,9	2234,6
за счет курсовой разницы	77,6	-139,3	-0,9	39,1	40,3
Использование средств ФНБ	1 113,3	4,7	4,5	4,3	4,1
Курсовая разница	489,7	18,5	35,9	230,8	202,8
Объем ФНБ на конец года	4036,0	8172,0	11059,5	13658,0	16196,3
% к ВВП	3,9	7,5	9,8	11,3	12,6
Объем средств ФНБ, размещенных на счетах в Банке России (ликвидная часть)	2355,6	6546,7	9570,7	12165,0	14715,5
% к ВВП	2,3	6,0	8,5	10,1	11,5
Объем средств ФНБ, размещенных в иные (помимо счетов в Банке России) финансовые активы	1 680,4	1625,3	1488,8	1493,0	1480,8
% к ВВП	1,6	1,5	1,3	1,2	1,2

Источник: рассчитано авторами по: [1; 2].

Прежде всего обращает на себя внимание неуклонное увеличение ФНБ к концу трехлетия по сравнению с его утвержденным максимальным объемом в 7% ВВП. К 2022 г. этот объем достигнет 10,6% ВВП, а к концу года – 12,6% ВВП. Это означает, что в ФНБ будет аккумулировано излишних средств в сумме 7–8 трлн руб., которые вполне могли бы быть направлены на финансирование экономического развития.

Еще один факт, заслуживающий внимания, – это пополнение ФНБ в основном за счет нефтегазовых доходов. Это как раз и есть та разница между фактической ценой на углеводороды на мировом рынке и ценой отсечения, которая определяет объем изъятия ресурсов из хозяйственного оборота при помощи бюджетного правила. Обращает на себя внимание и то, что лишь незначительная часть средств ФНБ используется для инвестиционных вложений.

Итак, в резервах в нашей стране находятся финансовые средства: в объеме более чем 26 трлн руб. в золотовалютных резервах, плюс дополняющие их 7 трлн руб. в ФНБ. И в настоящее время они выполняют преимущественно роль финансового балласта, значительно ограничивая тем самым возможности стимулирования инновационного и инвестиционного развития отечественной экономики.

Таблица 6

Объем государственного долга Российской Федерации, млрд руб.

Показатели	2018 г. (отчет)	2019 г.*	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Объем государственного долга РФ, всего	12 591,3	15 566,8	17 201,9	19 117,7	21 204,0
% к ВВП	12,1	14,3	15,2	15,9	16,5
<i>в том числе:</i>					
Объем государственного внутреннего долга РФ	9 176,4	11 329,5	12 981,3	14 643,7	16 619,3
% к общему объему	72,9	72,8	75,5	76,6	78,4
<i>из них:</i>					
государственные гарантии РФ	1 426,9	1 926,7	1 823,2	1 853,2	1 883,2
% к общему объему	11,3	12,4	10,6	9,7	8,9
Объем государственного внешнего долга РФ	3 414,9	4 237,3	4 220,6	4 474,1	4 584,8
% к общему объему	27,1	27,2	24,5	23,4	21,6
<i>из них:</i>					
государственные гарантии РФ	803,6	1 650,3	1 625,7	1 680,3	1 730,4
% к общему объему	6,4	10,6	9,5	8,8	8,2

Источник: рассчитано авторами по: [1; 2].

Естественно, следует рассмотреть объем и структуру государственного долга Российской Федерации (см. табл. 6).

Заслуживает положительной оценки обеспечение стабильности доминирующей доли внутреннего долга. Это свидетельствует о четкой долговой политике и означает, что с этой стороны нет оснований ожидать существенных угроз экономической безопасности страны. Следует особо отметить, что внешний долг России по государственным гарантиям РФ составляет, по прогнозу на 2022 г., всего 1,3% ВВП, а весь внешний долг – 3,5% ВВП. Даже вся сумма государственного долга РФ по итогам 2022 г. составит немного более 16% ВВП. Это свидетельствует о достаточно устойчивой долговой ситуации в государстве. Вместе с тем следует внимательно следить за динамикой долговой нагрузки в российском бизнесе, которая достаточно велика.

Оценка результативности источников экономического роста и увеличения доходной базы Федерального бюджета

Согласно Закону № 380 «О Федеральном бюджете в 2020 году и в плановом периоде 2021 и 2022 годов», прирост доходов Федерального бюджета относительно ВВП будет последовательно сокращаться, также как и прирост расходов (см. табл. 7). Причем в 2020 г. доходы будут в реальном выражении даже сокращаться (с учетом инфляции 3,0%). В 2021–2022 гг. предполагается рост доходов Федерального бюджета на уровне, близком к ожидаемой инфляции (4,0%).

Отметим, что такая динамика прироста доходов Федерального бюджета слабо увязывается с оптимистическими оценками Прогноза социально-экономического развития [11, с. 11] – уже в 2020 г. *рост ВВП ускорится до 1,7% против 1,3% в 2019 г., соответственно, доходная база Федерального бюджета уже в 2020 г. должна увеличиться*. В еще больших масштабах доходная база Федерального бюджета должна увеличиться после 2020 г., когда прирост ВВП в сопоставимых ценах превысит 3% [2, с. 17], а доля инвестиций в ВВП приблизится к 20% (19,8% в 2022 г.), с дальнейшим увеличением до 25% в 2024 г. Но на доходах Федерального бюджета прогнозируемый экономический рост почему-то не отразится.

Вместе с тем наличие финансовых источников экономического роста, как они представлены в [2, табл. 7], вызывает ряд вопросов. В пояснительной записке к федеральному закону «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» предполагается, что при значительном сокращении положительного сальдо торгового баланса (на 20% в 2022 г. по сравнению с 2018 г.) произойдет резкое, более чем на 20% в 2022 г. по сравнению с 2018 г., увеличение прибыли организаций и будет происходить перераспределение этой

**Доходы и расходы Федерального бюджета в 2020 г.
и в плановом периоде 2021 и 2022 гг.**

	2018 г. отчет	2019 г. № 459-ФЗ	№ 380-ФЗ		
			2020 г.	2021 г.	2022 г.
ДОХОДЫ, млрд руб.	19454,4	20174,9	20379,4	21246,5	22058,3
Темп роста, %	–	103,7	101,0	104,3	103,8
% ВВП	18,7	18,5	18,1	17,7	17,2
РАСХОДЫ, млрд руб.	16713,0	18293,7	19503,3	20634,0	21763,3
Темп роста, %	–	109,5	106,6	105,8	105,5
% ВВП	16,1	16,8	17,3	17,1	16,9

Источник: рассчитано авторами по: [2, с. 21].

прибыли в инвестиционных целях, так что инвестиции вырастут на 45%, а их отношение к прибыли составит 79,2% против 66,7% в 2018 г.

Какие преобразования должны случиться, чтобы столь резкие изменения «стали былью»? Согласно [11; 2], условием этих изменений станет «повышение конкурентоспособности российской экономики и реализация внешнеэкономического потенциала» [2, с. 18]. Но, согласно представленным в этом документе показателям, ожидается практическая стагнация экспортных поступлений и уменьшение положительного сальдо торгового баланса (см. табл. 8). Каким образом драйверами роста в этих условиях станут пищевая промышленность, которая в настоящее время ориентирована преимущественно на внутренний рынок, и машиностроение, не ясно.

Тот же подход реализован непосредственно в Законе № 380-ФЗ на 2020 г. Предполагается, что при сокращении положительного сальдо торгового баланса (на 8% в 2020 г. по сравнению с 2019 г.) произойдет увеличение прибыли прибыльных организаций на 2,7% в 2020 г. по сравнению с 2019 г. и перераспределение этой прибыли на инвестиционные цели. В результате инвестиции вырастут на 8,8%, а отношение объема инвестиций к прибыли составит 74,0% против 69,9% в 2019 г. При этом в 2020 г. предполагается, что темпы роста частного спроса снизятся до 0,6% (с 1,0% в 2019 г.). За счет каких источников при такой нисходящей динамике потребительского спроса и снижении положительного сальдо торгового баланса будут формироваться финансовые источники прибыли организаций, ни в Законе № 380-ФЗ, ни в Пояснительной записке к нему не разъясняется.

При таких предпосылках опорными конструкциями бюджета закономерно становятся «бюджетное правило» и стабильность цен на

Таблица 8

Макроэкономические показатели на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг., положенные в основу формирования федерального бюджета

Показатели	2018 г. отчет	2019 г. оценка	№ 380-ФЗ			2022/2018 гг. в %
			2020 г.	2021 г.	2022 г.	
ВВП, млрд руб.	103876	108414	112863	120364	128506	123,71
в % к предыдущему году	–	104,37	104,10	106,65	106,76	–
Инвестиции, млрд руб.	17595	19283	20985	23180	25436	144,56
в % к предыдущему году	–	109,59	108,83	110,46	109,73	–
к ВВП %	16,9	17,8	18,6	19,3	19,8	–
Прибыль, млрд руб.	26388	27599	28343	30300	32115	121,70
в % к предыдущему году	–	104,59	102,70	106,90	105,99	–
к ВВП %	25,4	25,5	25,1	25,2	25,0	–
Экспорт, млрд долл.	449,6	412,7	411,6	432,4	454,2	101,02
Импорт, млрд долл.	238,5	237,5	249	265,8	285,8	119,83
Сальдо экспорт-импорт, млрд долл.	211,1	175,2	162,6	166,6	168,4	79,77
Сальдо экспорт-импорт в % к предыдущему году	–	82,99	92,81	102,46	101,08	–

Источник: рассчитано авторами по: [2, с. 17].

энергоносители, учитываемые в бюджетных проектировках, которые позволяют наращивать резервы при сверхплановых поступлениях доходов (см. табл. 5).

Остаются вопросы:

- соответствует ли сокращение присутствия Федерального бюджета в экономике и четырехкратный рост за четыре года объема Фонда национального благосостояния задачам экономического роста и решению острых социально-экономических проблем РФ?
- совместим ли на практике такой рост объема ФНБ с увеличением доли инвестиций в ВВП до 20% (к 2022 г.)?

Эти вопросы требуют ответа, поскольку оценки возможностей внебюджетных источников финансирования экономического роста, обо-

значенные в Прогнозе и Пояснительной записке, выглядят, как показано выше, излишне оптимистичными.

Безусловно, резервы – прямая материализация принципа разумной осторожности, опорного при финансовом планировании. Однако необходимо учитывать, что никакие резервы не способны обеспечить макроэкономическую стабильность и устойчивый курс национальной валюты страны, экономика которой характеризуется слабой динамикой и структурными диспропорциями.

О необходимости включения Федерального бюджета в систему государственного стратегического планирования в РФ

Обращает на себя внимание, что Федеральный бюджет остается в стороне от формирующейся в стране системы государственного стратегического планирования.

В данном аспекте в Федеральном бюджете 2020–2022 гг. представлены только национальные проекты, хотя строго формально в настоящее время частью системы стратегического планирования и его документов они не являются. Из числа принятых ключевых стратегий упоминается только Стратегия научно-технологического развития, да и то в контексте финансирования отдельных мероприятий, а не возможного достижения поставленных в ней целей. Учет требований Стратегии национальной безопасности вообще не просматривается. Федеральный закон № 172-ФЗ, регламентирующий процессы стратегического планирования, не упоминается вовсе, а все воздействие на Федеральный бюджет стратегического целеполагания сводится к учету положений Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Очевидно, что для включения федерального бюджета в формирующуюся систему стратегического планирования, необходимы гарантии того, что параметры Федерального бюджета обеспечат достижение прогнозируемых параметров экономического развития в рамках данного трехлетнего периода. Существует ли опыт контрольной оценки результатов реализации выполненных (и выполненных ли?) трехлетних федеральных бюджетов?

Нами был проведен анализ результатов трех утвержденных и уже выполненных федеральных бюджетов периода 2012–2016 гг. с рассмотрением особенностей их исполнения (см. табл. 9).

Как видно из данных табл. 9, в рамках анализируемых трехлетних бюджетов ключевые параметры для 2013 г. и 2014 г. существенно различаются. Фактически можно говорить, что для каждого из этих лет были разработаны соответственно два и три самостоятельных бюджета.

Таблица 9

Основные параметры федеральных бюджетов 2012–2014 гг., 2013–2015 гг. и 2014–2016 гг. и их выполнение

Наименования	2012–2014 гг.			2013–2015 гг.			2014–2016 гг.		
	2012	2013	2014	2013	2014	2015	2014	2015	2016
<i>Бюджеты</i>									
Доходы, всего, трлн руб.	11,8	12,7	14,1	12,9	14,1	15,6	15,1	15,8	16,5
В % к ВВП	20,1	19,6	19,4	19,3	19,0	18,8	19,5	19,0	18,4
В % к предыдущему году	106,4	107,9	110,9	101,5	109,3	110,6	107,2	104,6	104,4
Расходы, всего, трлн руб.	12,7	13,7	14,6	13,4	14,2	15,6	15,5	16,3	17,0
В % к ВВП	21,6	21,2	20,1	20,1	19,2	18,8	20,0	19,6	19,0
В % к предыдущему году	114	108,5	100,2	104,4	106,0	110,0	111,1	105,2	104,3
Дефицит (-), профицит (+), трлн руб.	-0,9	+1,0	+0,5	-0,52	-0,14	+0,02	-0,43	-0,5	-0,5
В % к ВВП	-1,5	-1,6	-0,7	-0,8	-0,2	-0,01	-0,6	-0,6	-0,6
<i>Исполнение*</i>									
Доходы, всего, трлн руб.	12,9	13,0	14,5	13,0	14,5	13,6	14,5	13,6	13,5
Расходы, всего, трлн руб.	12,9	13,3	14,8	13,3	14,8	15,6	14,8	15,6	16,4
Дефицит (-), профицит (+), трлн руб.	+0,3	-0,3	-0,34	-2,0	-0,34	-2,0	-0,34	-2,0	-3,0
В % к ВВП	+0,4	-0,6	-0,4	-0,6	-0,4	-2,5	-0,4	-2,5	-3,5

* Впоследствии в справочниках «Россия в цифрах» эти данные незначительно уточнялись, что никак не влияет на аналитические выводы. К сожалению, в статистических справочниках «Россия в цифрах» Росстат перестал публиковать полный баланс федерального бюджета.

Источник: составлено авторами по: [3, с. 179; 4, с. 177; 3, с. 171; с. 161; 5, с. 171–177].

Так, дефицит бюджета на 2013 г. в рамках трехлетки 2012–2014 гг. был предусмотрен в размере 1,6% ВВП, а в трехлетке 2013–2015 гг. – в размере 0,8% ВВП. На 2014 г. было разработано три бюджета: в рамках трехлетки на 2012–2014 гг. с дефицитом 0,7% ВВП, в рамках трехлетки 2013–2015 гг. в размере 0,2% ВВП и в рамках трехлетки 2014–2016 гг. в размере 0,6% ВВП. *Это совершенно разные бюджеты!*

Рассмотрим также, как складывалась судьба прогнозов социально-экономического развития (см. табл. 10).

Даже без тщательного анализа данные табл.10. наглядно демонстрируют катастрофическое несовпадение прогнозных и фактических

Таблица 10

Динамика важнейших сфер экономики по прогнозам и фактический рост, в % к предыдущему году

Наименование показателей	Прогноз к трехлетке 2012–2014 гг.			Фактически		
	2012	2013	2014	2012	2013	2014
ВВП	103,7	104,0	104,6	103,5	101,3	100,7
Промышленность	103,4	103,9	104,2	103,4	100,4	101,7
Инвестиции в основной капитал	107,8	107,1	107,2	106,6	100,8	98,5
Розничный товарооборот	105,5	105,3	105,5	106,3	103,9	102,7
Реальные денежные доходы населения	105	104,8	105,3	105,0	104,0	99
Инфляция	105–106	104,5–105,5	104–105	106,6	106,5	111,4
Наименование показателей	Прогноз к трехлетке 2013–2015 гг.			Фактически		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015
ВВП	103,7	104,3	104,5	101,3	100,7	97,2
Промышленность	103,7	103,7	103,7	100,4	101,7	96,8
Инвестиции в основной капитал	107,2	107,3	107,9	100,8	98,5	89,9
Розничный товарооборот	105,4	105,8	105,8	103,9	102,7	90,0
Реальные денежные доходы населения	103,7	105,2	105,3	104,0	99,0	97,0
Инфляция	105–106	104–105	104–105	6,5	11,4	12,9
Наименование показателей	Прогноз к трехлетке 2014–2016 гг.			Фактически		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016
ВВП	103,0	101,2	102,3	100,7	97,2	99,8
Промышленность	102,2	101,6	101,7	101,7	96,8	101,1
Инвестиции в основной капитал	103,9	102,7	102,5	98,5	89,9	99,1
Розничный товарооборот	104,0	100,6	102,9	102,7	90,0	95,4
Реальные денежные доходы населения	103,3	100,4	102,6	99,0	97,0	94,0
Инфляция	104,5–105,5	105–106	104–105	111,4	112,9	105,4

Источник: составлено авторами по: [7, с. 38, 39, с. 117, 445].

данных. Как видим, темпы роста ВВП резко упали в 2013–2014 гг., особенно после введения западных санкций, существенно сокративших экспорт отечественной продукции. Это должно было бы насторожить экономический блок правительства, однако на первый план были выдвинуты сбалансированность и снижение дефицита бюджета.

Очевидно, что плановый, законодательно подтвержденный статус трехлетнего бюджета никоим образом не повлиял на безответственность правительственного прогноза. Закономерно возникает вопрос: как же в таких условиях непрерывного пересмотра запланированных позиций правительство РФ предполагает формировать стратегические планы управления российской экономикой?

Все сказанное требует принципиального решения вопроса о целесообразности формирования трехлетних бюджетов, а также о методах их включения в систему стратегического планирования.

Представляется целесообразным *изменить порядок разработки бюджета и прогноза* социально-экономического развития как параллельных документов. Назрела необходимость формировать единый документ, в котором на первый год будет разработан в полном формате, со всеми приложениями, федеральный бюджет, а на последующие два года – прогноз социально-экономического развития, в котором будут представлены основные направления экономической, в т. ч. бюджетной, политики государства с учетом вариативности прогнозных заданий и показателей. Необходимо также отметить, что федеральный бюджет должен содержать задания, за выполнение которых есть ответственные. Здесь очевидно возникает вопрос о правомерности заданий для бизнеса. По нашему мнению, задания для предприятий любой формы собственности могут даваться только на основе контрактов, заключенных предприятиями с государством. Но руководство субъектов РФ и федеральные министерства должны нести очевидную административную ответственность за разработанные ими задания. Это повысит ответственность всей вертикали власти за заявленные результаты. Целесообразна также законодательно зафиксированная оценка работы правительства, отдельных губернаторов и министров за отчетный период.

Некоторые итоги

Общая концепция Федерального бюджета на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг. опирается на общую концепцию Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 гг. Констатируя замедление темпов роста экономики в первом полугодии 2019 г, в Пояснительной записке к Федеральному бюджету отмечается, что «структура этого замедления

не свидетельствует о системных причинах – большинство значимых отраслей стабильно растут, а замедление экспортно ориентированных отраслей связано с ухудшением динамики мировой экономики и действием разовых факторов» [2, с. 17]. Основные характеристики Федерального бюджета сформированы на основе «базового» варианта прогноза с учетом проведения денежно-кредитной политики Банка России в рамках режима таргетирования инфляции на протяжении всего прогнозного периода. В этом прогнозе учтены результаты реализации мер, предусмотренных планом действий Правительства Российской Федерации по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению до 25% их доли в валовом внутреннем продукте, что должно способствовать ускорению экономического роста.

Однако данные «основания» определяют ряд «уязвимостей» концепции Федерального бюджета, которые с высокой степенью вероятности повлияют на социально-экономическое развитие РФ в 2020 г. и в период 2021 и 2022 гг.

Прежде всего в настоящий момент результаты реализации указанных мер, предусмотренных Планом действий Правительства РФ на период 2021 и 2022 гг., *только прогнозируются* и в значительной степени являются благими пожеланиями. В реальности исполнение Федерального бюджета – и это прекрасно знают и в Министерстве финансов, и в Казначействе – структурном подразделении, непосредственно отвечающем за исполнение бюджета – не может основываться исключительно на ожидаемых предпосылках.

Таким образом, разработчики Федерального бюджета поставлены перед необходимостью опираться на наиболее консервативные оценки доходных поступлений, минимизировать расходы и увеличивать резервы. В этой связи внешние угрозы, возникающие вследствие замедления темпов роста мировой экономики, сохранения санкций, возможного снижения мировых цен на энергоносители используются ими до некоторой степени в качестве благовидного предлога обоснования бюджетных рисков.

Задача же минимизации бюджетных рисков решается путем сокращения присутствия Федерального бюджета в реальной экономике и максимизации резервов, подконтрольных Министерству финансов, что дает определенную уверенность как исполнения плановых бюджетных назначений, так и финансирования возможных дополнительных расходов Федерального бюджета в 2020 г. и в последующие годы. Однако все это не формирует путей быстрого роста и расширения внутреннего рынка РФ, так необходимого современной отечественной экономике и социальной сфере страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. N 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912030041 (дата обращения: 04.12.2019).
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». sozd.duma.gov.ru/bill/802503-7 (дата обращения: 30.07.2019).
3. Россия в цифрах. 2013. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2014.
4. Россия в цифрах. 2014. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2015.
5. Россия в цифрах. 2015. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2016.
6. Россия в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2017.
7. Россия в цифрах. 2017. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2018.
8. Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92725 (дата обращения: 04.12.2019).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 01.03.2018 г. informprav.ru/news/265032.html (дата обращения: 04.12.2019).
10. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». www.zakonrf.info/doc-35524211 (дата обращения: 04.12.2019).
11. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 г. economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/201801101.
12. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. С. 2817.
13. *Каравая И.В., Коломиец А.Г., Лев М.Ю., Колпакова И.А.* Финансовые риски социально-экономической безопасности, формируемые системой государственного управления в современной России // ЭТАП. Экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 2. С. 45–65. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10079.
14. *Каравая И.В., Иванов Е.А.* Государственный бюджет как основа становления системы государственного стратегического планирования // Страховое дело. 2019. № 8. С. 3–17.

ABOUT THE AUTHORS

Karavaeva Irina Vladimirovna – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Economic Security Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. ikaravaeva30@yandex.ru

Kazantsev Sergey Vladimirovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science- the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. kzn-sv@yandex.ru

Kolomiets Andrei Grigorievich – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science- the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. agk1807@mail.ru

Ivanov Evgeny Alexandrovich – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
nina.190858@yandex.ru

THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE FEDERAL BUDGET FOR 2020
AND FOR THE PLANNING PERIOD 2021–2022

The article analyzes the main parameters of the Federal budget for 2020–2022, evaluates the direction of the state budget policy and determines the reliability of forecasts of the formation of the federal budget revenue base. The parameters of the forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2024 and the Law on the Federal Budget for 2020 and the planning period 2021 and 2022 are compared with urgent tasks of the country's development and the possibilities of their implementation. Estimates of the effectiveness of sources of economic growth, laid down in the budget, the possibilities of increasing the revenue base of the Federal budget, and harmonization of the principles of the formation of a three-year Federal budget with the state concept of strategic planning in the Russian Federation, are presented.

Keywords: *federal budget, forecast of socio-economic development, income, expenses, deficit, surplus, strategic planning.*

JEL: H60, H12, H77, H131.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.С. СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ТЕОРИЯ ДИСФУНКЦИЙ: ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ И УТОЧНЕНИЕ ЦЕЛЕЙ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Предметом исследования являются дисфункции институтов, возникающие при управлении и при осуществлении институциональных коррекций. Под дисфункцией мы понимаем расстройство функций института или системы, возникающее в силу различных причин, причем не только при трансплантации институтов из внешней в данную социально-экономическую среду, но и при функционировании существующих институтов и вновь вводимых проектируемых институтов. Рассматриваются лишь формальные институты. В качестве методологии исследования применяется морфологический и структурно-функциональный анализ, метод таксономии. Это позволило не только выделить вклад российской экономической школы в развитие теории дисфункций, типизировать дисфункции, но и раскрыть характер связи дисфункции и институциональной эффективности. Показано, что институциональные коррекции сами по себе могут оказаться подвержены дисфункциям, как по причине того, что объект управления характеризуется определенной величиной дисфункции, так и само государственное управление, в части своих базовых функций, также подвержено дисфункции. Эти два вида дисфункций могут усиливать друг друга. Такая реакция может возникать при вводе новых институтов внутри страны, что способно увеличивать транзакционные издержки, снижать адаптацию агентов, тормозить экономический рост и инновационное развитие. Поэтому организация государственного управления требует особого подхода, учитывающего каналы усиления дисфункции по объектам управления и по системе государственного управления. Результатом исследования выступают рекомендации, касающиеся преодоления дисфункции планирования, как одной из важнейших функций государственного управления. Также осуществлено уточнение постановки целей макроэкономического развития России, с акцентом на возможность организации новой модели ее экономического роста.

Ключевые слова: институты, эффективность, дисфункция, измерение дисфункций, институциональные коррекции, государственное управление, планирование.

JEL: E02, O43.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10005

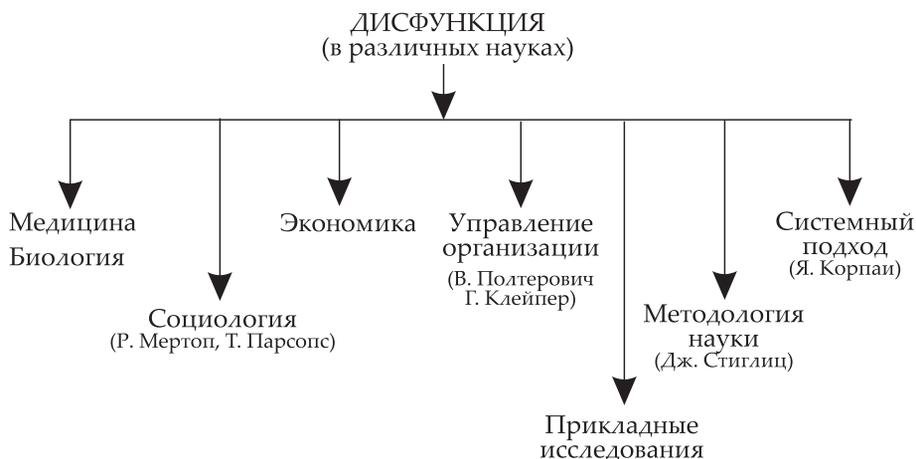
¹ Статья написана на основе доклада на Львовских чтениях в 2019 г. в Государственном университете управления в рамках темы государственного задания Центра институтов социально-экономического развития ИЭ РАН.

Российская экономическая школа и развитие теории дисфункций

В ряде случаев политика правительства, предполагающая институциональные коррективы, может увеличить неэффективность функционирования экономики [1; 2; 5; 6]. Эти действия также могут провоцировать углубление дисфункций, наличие которых выступает невидимым ограничением развития.

Как известно, дисфункция состоит в расстройстве функций, применительно к управлению это расстройство распространяется на такие функции, как планирование, организация, координация, мотивация, контроль [5; 6].

Первоначально термин «дисфункция» использовался в медицине и биологии (снижение или нарушение функций различных органов). В дальнейшем социологи стали также применять этот термин: так последователи структурно-функционального подхода в социологии Р. Мертон, Т. Парсонс [14] использовали представление о дисфункции применительно к институтам (см. рис. 1). Такое использование термина социологами было весьма описательным, во всяком случае менее содержательным, нежели в медицине. Экономисты не пользовались термином «дисфункция», да и длительное время не рассматривали институты в качестве объекта анализа. Проблематика дисфункции государственного управления и бюрократических дисфункций начинает обзорно освещаться в работах М. Вебера [15], также описательно, как у Р. Мертона и Т. Парсонса, в рамках структурно-функционального подхода в социологии.

(ФСА, функциональный маркетинг, инженерные науки, региональное управление, банки и др.)

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Представление о дисфункции в разных науках

Однако важно не применение термина, а создание теории, которая бы позволяла выявить причинно-следственные прямые и обратные связи, описать и объяснить явление, создать инструменты, позволяющие принимать решения, получить модели и способы измерения – идентификации состояния. Именно в этом направлении двигалась, начиная со второй половины 1990-х годов, российская экономическая школа, ставя задачу развития теории дисфункций в экономической науке. При этом содержание экономического подхода резко контрастировало с медицинскими или социологическими представлениями, и даже с использованием данного термина М. Вебером применительно к функционированию бюрократии.

Важные привнесения теория дисфункций делает и в методологию экономической науки, поскольку с ее помощью возможно исследовать функциональные возможности экономических теорий, в частности, их влияние на разработку экономической политики и др.

Российские экономисты разработали так называемую теорию институциональных эффектов, включающую рассмотрение дисфункций и «институциональных ловушек», создав и измерительный аппарат дисфункциональных состояний, и описательные модели дисфункций и ловушек, используя аналогии из теории надежности технических систем [12].

В частности, В.М. Полтерович описал эффект трансплантации институтов, при котором дисфункция возникала вследствие конфликта правил при переносе их в другую социальную систему [3]. Данный вид дисфункции есть один из возможных вариантов дисфункций, охватывающих институты, подсистемы, управление. Дисфункция при трансплантации – это так называемая «экзогенная дисфункция». Системный аспект возникающих дисфункций рассмотрен в ряде работ [3; 4; 5; 6], например, в статьях Г.Б. Клейнера. Основное внимание здесь уделяется функциональному содержанию развития системы [4, с. 75–76], распределению функций между разными подсистемами, соподчиненности функций.

Институциональное моделирование представляет собой бурно развивающееся направление в институциональном анализе – описательные модели Р. Коуза, О. Уильямсона, Э. Остром, Д. Норта, модели эволюционной теории игр приобрели большую популярность среди исследователей. В России наибольшее продвижение в рамках общих подходов в институциональном моделировании показали работы В.Л. Макарова, В.М. Полтеровича, В.И. Маевского, Г.Б. Клейнера, Е.В. Попова и др. Моделирование различных дисфункций существенно проясняет многие варианты институциональных состояний и изменения институтов. Оно позволяет выявить влияние институциональных коррекций, которые в современном мире стали основным инструментом правитель-

ственной политики, на экономическую динамику. При этом соотношение эффективности действующих институтов и степени их дисфункции составляет важнейшую тему при обосновании и отборе корректирующих инструментов экономической политики [12].

Сказанное позволяет сформулировать такой вопрос: всегда ли увеличение дисфункций приводит к понижению эффективности? Экономический рост возможен при определенной глубине дисфункций, более того, при экономическом росте число дисфункций вполне может и увеличиваться. Приведет ли это к торможению роста, не ясно. Если дисфункция возросла, это не всегда означает увеличение неэффективности.

То, что предлагается российской экономической школой в развитие теории институциональных эффектов и дисфункций, значительно отличается от описательного социологического анализа Мертона–Парсонса [7; 8; 9], либо упоминаний о системной дисфункции Я. Корнаи [10] или дисфункции институтов Дж. Стиглица [11]. Последние два подхода имеют лишь методологическое, сутобо описательное значение и незначительно отличаются от социологической традиции рассмотрения дисфункции институтов, обычно таксономически-описательной. Это отличие прежде всего касается развития методов измерения дисфункций, моделирования связи дисфункции и роста экономики, а также взаимосвязи дисфункции и эффективности институтов и систем [5; 6; 12].

Далее попробуем проиллюстрировать предложенный подход при исследовании проблемы дисфункции государственного планирования и реализации целей макроэкономической политики.

Дисфункции государственного управления: некоторые уточнения в постановке целей макроэкономической политики

Дисфункция государственного управления охватывает основные функции макроуправления, а именно: планирование, организацию, координацию, мотивацию и контроль. При этом возникающие в рамках каждой функции дисфункции различаются по глубине, но могут и усиливать друг друга, так что общее расстройство государственного управления при этом увеличивается. Это приводит и к провалам экономической политики. Как правило, дисфункции подвержен и объект, и субъект управления (управляющая система). Более того, стремление снизить дисфункцию объекта управления, когда субъект управления дисфункционален и недооценивает своего состояния, чревато провалом осуществляемой политики. Цели воздействия и применяемых мер могут быть не достигнуты, а дисфункция возрастет либо останется

примерно на том же уровне. Характерной особенностью государственного управления становится отрицательный (неблагоприятный) отбор: на иерархических ступенях отбираются агенты с заведомо низким потенциалом в принятии управленческих решений, тем самым подготавливается база для пролонгации определенного вида экономической политики.

Показательным примером отклонения от ситуации неблагоприятного отбора может служить рынок адвокатских услуг. В отличие от примера Дж. Акерлофа с подержанными автомобилями [13, с. 91–104], на рынке адвокатских услуг в подобной ситуации цена обычно не снижается, что свидетельствует о неблагоприятном отборе. Причина в том, что адвокат выступает в системе правосудия своеобразным «транзакционным посредником», в связи с чем полезность предоставляемой услуги, следовательно и цена на нее, формируется не только благодаря контрактации адвоката и клиента, но и задействия и иных, довольно сильных обстоятельств «правового процесса», причем эти условия могут быть заданы институционально, а могут возникать в ходе контрактации между конкретными группами агентов, представляющих различные организации правовой системы (суд, прокуратуру, адвокатскую контору, полицию и др.). Тем самым бюрократическая организация правовой системы весьма сильно влияет на качество предоставляемой услуги, а характер ее предоставления определяется в том числе деятельностью иных агентов, не участвующих напрямую в контрактации клиента и адвоката. «Правовая эффективность» в экономической системе имеет большое значение, поскольку определяет то, насколько агенты, следующие установленному закону, имеют возможность для защиты своих прав. Кроме того, важно, насколько агенты используют заложенные в правовую систему институциональные неэффективности для приобретения каких-то выгод или для решения узкоспециальных задач.

Разработка мероприятий экономической политики в существенной степени может быть описана «проблемой адвоката», которая актуальна и для работы государственного управления. Как ни парадоксально, но отдельный чиновник имеет слабое влияние на формирование мер, так как в разработке и реализации инструментов экономической политики задействовано множество институтов. В итоге ответственность между ними размывается, функции институтов становятся неопределенными, либо подменяются, и как следствие – углубляется их дисфункция. Если вовремя не выявить и не нейтрализовать дисфункции институтов управления, то подобные институциональные формы закрепляются и создают инерцию проводимой политики, становятся генераторами заведомо неэффективных или низкоэффективных макроэкономических решений. Часто используются весьма условные критерии. Когда пытаются обеспечить эффективность мер

политики или решений по небольшому числу или даже единственному критерию, обычно упускают из виду, что в стремлении к такой эффективности можно потерять важнейшие функции. Оптимизируемый параметр может не в полной мере характеризовать результаты деятельности, так как они обладают свойством возрастающей или снижающейся ценности на более длительном отрезке времени. Это обычно не учитывается в рамках текущих оценок макроэкономических параметров и при планировании экономической политики, даже с учетом прогностических моделей. В итоге могут возникать обманчивые цели политики, которые воспринимаются как научно обоснованные и даже необходимые. К тому же эта цель может быть необходимой, но отнюдь не достаточной для продвижения к установленным ориентирам макроэкономической политики, особенно если учесть возможные инструменты ее достижения и более широкий круг последствий достижения данной цели. Например, важно увеличить норму накопления в российской экономике. Однако что даст достижение этой цели и за счет чего эту цель можно реально достичь? Увеличить норму накопления можно, инвестируя старые возможности, старые технологии – но разве такой исход нужен российской экономике? Видимо, нет. В связи с этим не менее важной целью выступает структура инвестиций, а эта задача уже более сложная и требует нетривиальных решений.

Модификация правил формирования и реализации экономической политики происходит в ходе осуществления институциональных коррекций, причем они могут повысить или понизить эффективность проводимой экономической политики, также как и способствовать росту либо сокращению дисфункций. При этом один вид дисфункции может быть перенесен на другие институты и экономические виды деятельности. Так происходит процесс распространения (диффузии) дисфункции, что может понизить устойчивость экономики и параметры ее качества. Вместе с тем некоторые цели удается достигать. В частности, можно обеспечить достижение желаемой позиции в некоем рейтинге, в том числе ценой ухудшения состояния отдельных подсистем. Следовательно, коварным выглядит план экономической политики, сводимый к достижению места в каком-то рейтинге, в том числе и по ВВП, уровню жизни, благополучия и т. п., поскольку даже при позитивном исходе не ясно, за счет чего применяемые методы обеспечивают достижение рейтинга. На длительном интервале такое рвение может привести к фиаско и с точки зрения рейтинга, и собственно содержания экономического развития.

В табл. 1 приводится характеристика функции государственного планирования и их дисфункции на уровне макроуправления страной².

² По иным функциями макроуправления подробнее см.: [16, с. 112–124].

Функции государственного планирования и их дисфункции

№ п/п	Характеристика функции	Низкая дисфункция	Высокая дисфункция
1.	Цель	Обоснована, точно сформулирована, задачи конкретны, имеются ресурсы на их решение	Не конкретная, задачи перманентно изменяются, ресурсы на их решение отсутствуют
2.	Область действия	Четко очерчена – страна, регион, фирма	Расплывчата и постоянно изменяется, либо отсутствует
3.	Функциональный потенциал	Функции проектируются, обоснованы, в рамках программы/плана, проводится оценка рубежных показателей их исполнения	Функции теряются, исполняются не в полном объеме, расстроены
4.	Время действия решений/функций	Продолжительное	Короткий интервал до изменений, включая финансовые назначения
5.	Издержки реализации функции	Невысокие	Высокие
6.	Устойчивость к внешним воздействиям	Высокая (трансплантация институтов часто не имеет успеха)	Низкая (перенос институтов происходит часто)
7.	Устойчивость к внутренним воздействиям	Высокая (внутренние изменения происходят не часто)	Низкая (происходит перманентное изменение планов)

Источник: составлено автором.

При частой смене целей, изменении задач, выделяемой на их решение величины ресурсов, расплывчатости функций, высокой величине заимствований институтов, низкой устойчивости к вводу институтов внутри страны состояние государственного планирования можно охарактеризовать как высокую дисфункцию. Это порождает необходимость дополнительного объяснения планируемых институциональных реформ, которые обычно объясняются низкой эффективностью институтов, но на самом деле камуфлируют проблему уже имеющего место расстройтва базисной функции государственного управления – планирования.

Основные макроэкономические задачи государства отражены в табл. 2.

Таблица 2

Макроэкономические задачи государственного управления

Характеристика/ Функция	Рост	Динамика цен	Занятость	Доходы	Неравенство
Цель	Стабильный темп	Сдерживать повышение, рост цен	Стимулировать рост занятости и разнообразие труда	Условия для роста	Снижение бедности, неравенства
Инструменты	Экспансия спроса и поддержка предложения	Рестрикции, ограничение спроса и денежной массы	Создание новых видов труда, правил труда	Налоги, ценообразование, правила распределения	Адресная помощь, прогрессивная шкала налогов. Снижение монополизма
Область действия	Макроэкономика, секторальный разрез	Макроэкономика Отраслевое регулирование	Рынки труда	Налогово-бюджетная сфера	
Период времени	Кратко- средне- и долгосрочный период				
Издержки в обеспечении функции	Рост неравенства и цен	Кризис, рост неравенства и бедности	Понижение доходов, нарушение структуры труда – профессиональной	Потеря доходов, рост дефицита бюджета	Рост бедности, неравенства концентрация доходов в узких руках
Устойчивость к внутренним воздействиям	Реализация каждой функции осуществляется с помощью мер макроэкономической политики. Наличие неустойчивости означает, что институциональные коррекции увеличивают дисфункцию				
стойчивость к внешним воздействиям	Экономика растет при кризисных процессах в мировой системе.	Импортированная инфляция сильно не влияет на рост внутренних цен	Миграция не порождает структурных нарушений рынка труда и текущей ситуации в области заработной платы и доходов	Динамика доходов не зависит от экспортно-импортных изменений	Бедность и неравенство не зависят от притока или оттока капитала

Источник: составлено автором.

Из табл. 2 видно, что базовые макроэкономические задачи государственного управления связаны между собой, но инструменты управления могут, обеспечивая исполнение одной задачи, ухудшить реализацию другой, например, обеспечение роста и понижения инфляции. Это требует верификации в подборе инструментов воздействий на макроэкономику, начиная с постановки и согласования целей, затем и самих инструментов, учитывая чувствительность целей к инструментам и связность инструментов воздействия. Данная задача сложная и пока в рамках теории экономической политики до конца не решенная.

Нужно отметить также, что если система планирования высокодисфункциональна, то процедуры выбора решений и их применения не будут обладать необходимой эффективностью. В таком случае налицо ограниченные возможности в области принятия оперативных и обоснованных государственных решений, имеющих стратегическую перспективу. Дисфункция планирования не может не сказаться на функциях организации, координации и контроле, потому что существует имманентная связь указанных функций управления. В итоге вариативность экономической политики понижается, рассматриваемые методы не дают необходимого результата. Дисфункция экономики обычно в таком случае нарастает. Противостоять дисфункции управления можно за счет упорядочения самой системы управления, верификации постановки целей, развертывания необходимых функций управления – в частности, всеобъемлющего планирования. Оптимизация числа функций, институтов, решений, ресурсов, приведение в соответствие имеющихся ресурсов вводимым правилам и функциям составляет основу для элиминирования отрицательных воздействий существующих дисфункций и предотвращения их углубления.

Когда углубляющиеся дисфункции охватывают всю систему государственного управления, это существенно сказывается на проводимой экономической политике. Это может затрагивать не только планирование или функцию контроля и организации, но и уровень концептуального обоснования планируемых стратегий, то есть затрагивать те экономические теории, которые положены в основу используемых инструментов экономической политики. Если теории уже не объясняют происходящего, а создаваемые ими модели условны и поверхностны, либо чрезмерно усложнены (что уводит их от адекватного описания реальности), но они все равно продолжают использоваться для обоснования стратегической линии в области экономической политики, – это и является примером функционального расстройтва, возникающего в силу несоответствия теоретических построений и реальности, которую они призваны описать. Такие дисфункции неочевидны, они обретают вид обычных ошибок экономической политики, либо низкой степени обоснованности проводимых мероприятий, либо дей-

ствия иных факторов, обесценивающих проводимую экономическую политику. Подобные объяснения длительное время могут сохранять влияние тех агентов, которые являются генераторами подобных ошибок и дисфункции государственного управления. При этом непонимание глубины расстройств функций управления, а также отсутствия необходимой связности этих функций приводит к иллюзорному представлению, будто административная реформа сможет решить все накопившиеся в области государственного управления проблемы.

Дисфункция может охватывать этап постановки целей (см. табл. 1). Расстройство на уровне постановки целей (необоснованность целей, неадекватность целей, противоречивость текущих решений и стратегических целей и т. д.) провоцирует углубление всех дальнейших отклонений в функциональной цепочке управления.

Рассмотрим цель – «сбережение народа», которая довольно часто озвучивается, в том числе на высшем уровне управления. Однако важно то, в каком виде такая задача предстанет и какие виды решений будет предполагать. Сбережение народа – это длительность жизни в работоспособном состоянии и активности, возможность продлить свой род (деторождение) и располагать доступом к базовым социальным функциям, то есть не влачить жалкое существование от зарплаты до зарплаты и иметь возможности индивидуальной реализации (профессия, карьера, бытовые условия и т. д.). А это все экономические параметры, определяемые не только макроэкономической политикой, но и системными свойствами экономики, включая образ и качество текущей жизни населения. Таким образом, значительное число институтов будет влиять на достижение вполне благородной стратегической цели «сбережения народа», представимой как цель экономической политики и стратегической задачи государства. Однако, чтобы идентифицировать продвижение к этой цели, ее так или иначе необходимо измерять. Следовательно, требуется облечь ее в конкретные показатели, и тогда подбираются методы текущей политики, влияющие на эти измеримые параметры. Неравенство по доходу имеет точное измерение. Однако нужно ли снижать неравенство, чтобы реализовать сбережение народа, и до какой величины? Является ли это снижение условием достижения указанной стратегической цели. Решение, видимо, зависит от того, какова величина текущего неравенства, признается ли оно высоким и требующим понижения. Вместе с тем решение задачи снижения неравенства имеет точную математическую формулировку.

Зададим неравенство коэффициентом, который равен отношению доходов 10% беднейшего населения ($d10min$) к доходам 10% богатейшего населения ($d10max$) страны. Для снижения неравенства темп роста дохода 10% беднейших ($g10min$) должен обгонять темп роста дохода 10% богатейших ($g10max$). Тогда ситуации снижения неравен-

ства соответствует рост этого коэффициента, а при дифференцировании этого коэффициента по времени – значение производной должно быть больше нуля. Иными словами, $k = d10min/d10max$, $dk/dt > 0$, тогда $g10min > g10max$. Если темп роста доходов наимеднейшей части населения не обгоняет темп роста дохода богатейшей части, ни о каком снижении неравенства по доходу речь вести невозможно. Неравенство по доходу создает и неравенство по доступу к базовым функциям.

Кроме того, поскольку преодоление дисфункции требует финансового ресурса, например, необходимого для восстановления работы функций, снижения уровня их расстройств, то наиболее богатые агенты легче справятся с дисфункцией, нежели бедные. Следовательно, бремя системной дисфункции тяжелее для бедной части населения, нежели для богатой части населения.

Важным обстоятельством становится следующее: каковы функции $g10min = F1(x1... xn)$ и $g10max = F2(y1... ym)$ – темпов роста дохода различных по уровню дохода слоёв населения, и каковы параметры эти функций, обеспечивающих воздействие на темп роста дохода (где $x1, \dots, xn, y1, \dots, ym$ – это инструменты политики, влияющие на динамику одних и других доходов).

Здесь возникает задача определения чувствительности темпа каждого вида дохода к данным инструментам, а также проблема связности инструментов и даже, возможно, – доходов различных групп агентов. Без решения указанной задачи осуществить обоснованную политику снижения неравенства вряд ли удастся. В противном случае обоснованность видов политики будет слабой. Дисфункция здесь возникает в силу несоответствия инструментов содержанию решаемой задачи (цели).

В России на повестке дня рассматривается задача запуска экономического роста и ставится цель активизации инвестиций с тем, чтобы существенно увеличить норму накопления, влияющую на экономический рост. В теоретическом смысле высокая величина нормы накопления может не приводить к значительному росту (темпу роста). Примером является и советская экономика, когда норма накопления была высокой, а темп роста снижался (1980-е годы), а также японская экономика, в которой при относительно высокой норме накопления (25–27%) темп был не выше 2% и даже 1% (1970–1990-е годы).

Поэтому макроэкономическая цель – увеличение нормы накопления – может рассматриваться как необходимое, но не достаточное условие для стимулирования высоких темпов экономического роста. Важно то, как будут формироваться инвестиции, и каким образом будет происходить наращение капитала и обновление фондов. Тем самым, структура инвестиций – распределение ресурса в экономике – будет оказывать сильное влияние на экономическую динамику, а также иные параметры роста – потребление, экспортные возможно-

сти, правительственные расходы. Последние в существенной степени влияют на структурную организацию экономики, так как распределяют ресурс по отобраным приоритетам развития. Рост инвестиций требуется ориентировать на расширение потребления с тем, чтобы, решая задачу замещения импорта, активизировать воспроизводственный контур экономики. Поэтому сводить решение проблемы роста только к необходимому повышению нормы накопления является «расстроеной целью», что на уровне экономической политики опять воспроизводит дисфункцию, не сужая, а расширяя это состояние.

Нужно отметить, что, идя к цели наращивания инвестиций, анализируя источники и возможности в этом вопросе, требуется учитывать, какие одновременно с этим осуществляются институциональные коррекции: ввод каких новых институтов, замена или модификация уже существующих, в том числе затрагивающих инвестиционный процесс. Рост дисфункции правил при таких коррекциях, а также рост трансакционных издержек способны существенно снизить эффективность инвестиций. Норма накопления может возрасти, но ее увеличение может означать лишь обновление изношенного капитала, а эффективность инвестиций при этом будет невысокой, и, более того, может понизиться. Такой исход, вполне возможный и зависящий от степени дисфункции управления, базовых институтов, регулирующих и инвестиционный процесс, не будет сопровождаться ощутимым увеличением темпа экономического роста.

Примем обобщенную норму накопления в виде $n = I/Y$, где I – валовые инвестиции, Y – валовой продукт³. Как известно, создаваемый в стране продукт можно представить как сумму валовых потребления и инвестиций, правительственных расходов и чистого экспорта: $Y = C + I + A$, где $A = G + Nx$ (G – правительственные расходы, Nx – чистый экспорт, C – валовое потребление), причем, $C = c*Y$ (c – предельная склонность к потреблению).

Тогда запишем:

$$Y = A / (1 - c - n),$$

$$(1/Y) * (dY/dt) = g,$$

$$(1/A) * (dA/dt) = gA,$$

$$z = -(1/Y) * (dA/dt) - dc/dt.$$

Откуда не сложно получить, приняв условие роста в виде $g > 0$. Темп роста больше нуля: $g = gA + \{1/(1 - c - n)\} * [dc/dt + dn/dt] > 0$, откуда $dn/dt > gA * (c + n - 1) - dc/dt$.

³ Под «нормой накопления» обычно понимают величину инвестиций в основной капитал в создаваемой величине продукта. Здесь мы учитываем все инвестиции в величине продукта, поэтому «норму инвестирования» обозначили как «обобщенную норму накопления» (условное наименование).

Тогда для изменения нормы накопления получим неравенство (из условия роста экономики):

$$dn/dt > - (1/Y) * dA/dt - dc/dt; \quad dn/dt > z. \quad (1)$$

Из выражения (1) следует, что обобщенная норма накопления изменяется, когда снижается продукт, но величина инвестиций остается постоянной.

Кроме того, возможен и такой исход: инвестиции снижаются, но продукт понижается на большую величину, так что норма инвестиций возрастет. Если продукт уменьшается или не изменяется, либо растет, не превышая рост инвестиций, то сам рост инвестиций приведет к росту обобщенной нормы накопления.

Нужно отметить, что рост инвестиций и продукта может осуществляться, например, за счет увеличения сырьевой компоненты экономики – и это тоже будет экономический рост и увеличение нормы накопления. Таким образом, в макроэкономическом смысле имеет значение задача такого увеличения нормы накопления, при котором структура инвестиций задает режим развития высоких технологий, наукоемких секторов, новую фондовую базу экономики. А такое решение предполагает рассмотрение исключительно структурной и институциональной задачи организации инвестиционного процесса, причём включая и элиминирование дисфункции правил, регулирующих такую деятельность (инвестиционную и инновационную).

Из выражения (1) также следует, что понижение предельной склонности к потреблению ($dc/dt < 0$), или суммы правительственных расходов и чистого экспорта ($dA/dt < 0$), будет условием роста обобщенной нормы накопления. Иными словами $dn/dt > z > 0$, когда экономика растет, то есть $g > 0$.

Тем самым аналитически приходим к такому выводу, что экономический рост в стране требует не только увеличения нормы накопления, а темпов выше определенной величины. Вместе с тем возможен и иной режим развития, когда при $dc/dt > 0$ и $dA/dt > 0$ произойдет понижение нормы накопления $dn/dt < 0$.

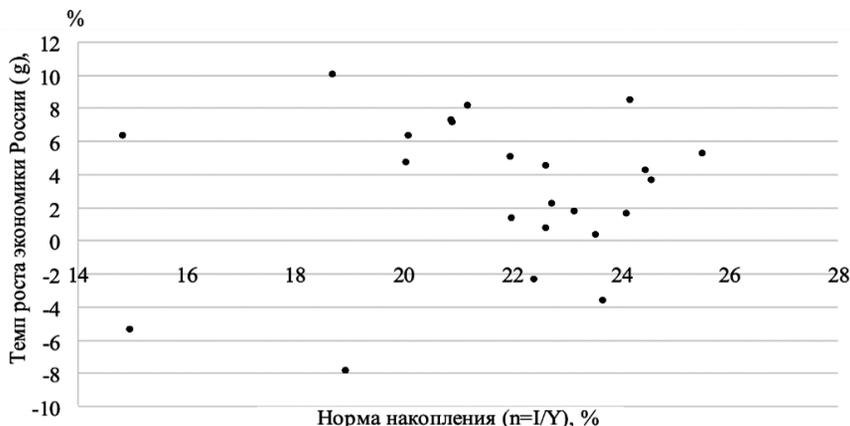
В теоретическом смысле это говорит о том, что рост экономики, если относиться к нему формально (например, не ставя задачу индустриального роста), может быть довольно существенным, но при относительно низкой, либо даже понижающейся норме накопления.

Во всяком случае высокая норма накопления не является абсолютной гарантией высокого темпа роста. Обратим внимание, что отдельные страны, не располагающие высокоразвитой индустрией, тем не менее показывают относительно высокий темп роста. В частности, это относится к прибалтийским государствам, демонстрирующим в последние пять–семь лет темп от 3 до 5%, в то время как российская

экономика не достигала ни в одном году за последние пять лет даже 3%-ного рубежа.

Рис. 2–3 отражают динамику нормы накопления и темпа роста российской экономики, причем на рис. 3 интервал для анализа разделен на два интервала, когда норма накопления ниже и соответственно выше 21%.

Как видно из рис. 3, значимой связи между нормой накопления и темпом роста экономики России не обнаруживается в ходе эмпирического анализа, результат которого и отражает рис. 2.

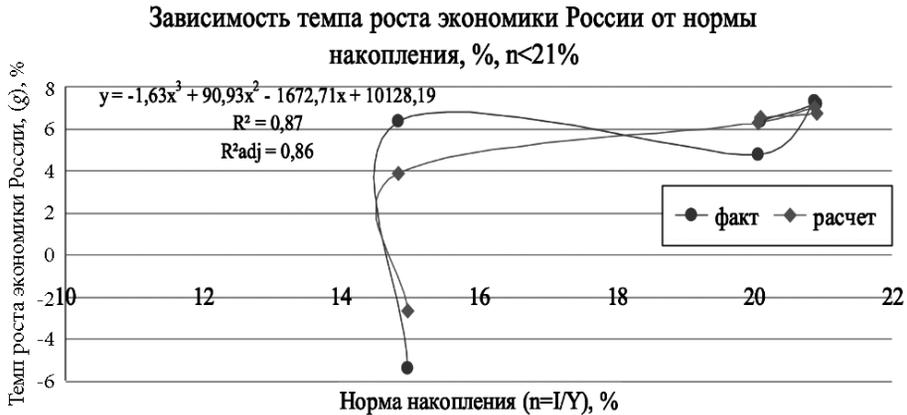

Источник: данные Росстата. www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts.

Рис. 2. Норма накопления и темп роста экономики РФ, 1996–2018 гг.

Видно, что при низкой норме накопления имеются как точки, отвечающие довольно высокому темпу росту, так и спаду экономики (отрицательный темп роста). Для высокой нормы накопления темп роста изменяется от 2 до 8%, но также имеются и точки спада. Рис. 3 отражает два интервала – для низкой и высокой нормы накопления.

Для обобщенной нормы накопления до 21% темп роста с ростом нормы увеличивается. Когда норма накопления выше 21% (см. рис. 3б), темп роста с ростом нормы накопления сначала понижается, затем, при норме выше 23% – возрастает. Эти эмпирические данные по России за период 1996–2018 гг. подтверждают, что прочной связи между темпом роста и нормой накопления в данном периоде времени не обнаруживается. Попытки проанализировать возможные лаги также не привели к успеху, то есть, устойчивая связь не обнаружена. Тем самым на уровне формирования цели можно иметь дисфункцию макроэкономической политики, если подчинить ее наращению нормы накопления как центральному условию роста, забыв, что это необходимое, но совсем не достаточное условие для организации

Зависимость темпа роста экономики России от нормы накопления, %, 1996-2018 гг., $n > 21\%$

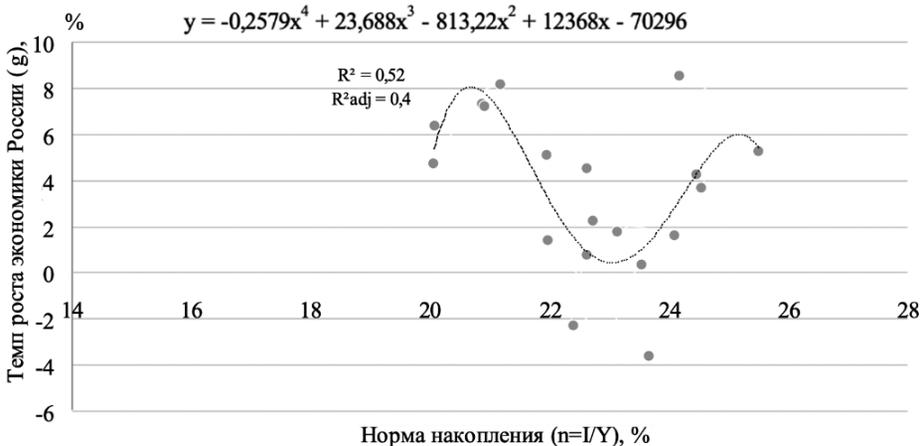

Рис. 3. Связь нормы накопления и темпа роста, норма ниже 21% (А) (по данной модели, полученной методом отбраковки, рассчитаны статистики: $R^2 = 0,61$; $R^2_{adj} = 0,55$; F – критерий = 22; D – W расчет. = 2,37 $\in$ [1,36; 2,64]; Тест Уайта не выполнен: χ^2 расчет. = 6,38; χ^2 крит. = 3,84), норма выше 21% (Б) (статистики выполнены: $R^2 = 0,52$; $R^2_{adj} = 0,43$; F – критерий = 15,8; D – W расчет. = 1,83 $\in$ [1,4; 2,82]; Тест Уайта χ^2 расчет. = 2,79; χ^2 крит. = 3,84), 1996–2018 гг.

новой модели роста. Причина в том, что не учитывается структура инвестиций, распределение их по секторам и динамика секторов, их вклад в темп экономического роста. Более того, обычно пренебрегают теми ресурсами, которые сосредоточены в секторах экономики и для их функционирования являются избыточными, действуя в направлении расширения функций, часто бесконтрольно, так что избыточные функции начинают мешать друг другу, порождая дополнительные дисфункции и понижая эффективность.

Предлагаемая для России сберегательно-инвестиционная модель роста предполагает использовать накопленные сбережения. В этом случае понадобится понижать процентные ставки для активизации инвестиций, что ограничивает сбережение, так как при снижении ставки склонность к расходам возрастет, а к сбережениям ослабеет. Проблема с ростом реальных располагаемых доходов (когда они снижались в период 2013–2017 гг., незначительно возросли в 2018 г. и понизились в первом полугодии 2019 г.) существенно ограничивает возможности сберегательно-инвестиционной модели роста. В этом случае сбережения снижаются, так как агенты ищут компенсацию нерастающим доходам – либо живут в кредит, либо тратят накопленное. Снижение ставки способствует растрате сбережений. Монополистическая структура экономики реагирует повышательной динамикой цен, борясь с которой методами макроэкономической политики ограничивают спрос, повышают процентную ставку. Эти действия направлены в противоположном направлении от той цели, достижения которой стараются добиться. Налицо усиливающаяся дисфункция государственного управления, ставящая под вопрос эффективную реализацию программ развития и национальных проектов.

В связи со сказанным проблема формирования новой модели экономического роста в России – это системный вопрос, не лежащий в плоскости исключительно приватизации и создания инвестиционного климата либо увеличения нормы накопления, а охватывающий экономическую структуру целиком, распределение ресурсов и текущую эффективность работы системы – исполнения ею основополагающих функций развития. Отдельная институциональная проблема – это проведения преобразования многих подсистем экономики одновременно при жестких ресурсных ограничениях. С одной стороны, инициирование стольких реформ говорит об увеличивающейся дисфункции системы, с другой стороны, одновременные изменения во многих подсистемах способны расстроить основные функции, увеличив транзакционные издержки, затормозив тем самым инновации и экономическое развитие. Данную ситуацию можно обозначить как «функциональный или институциональный парадокс», когда экономика нуждается в смене правил и в реформах, но именно они будут ухудшать функциональное качество, увеличивать транзакционные издержки и понижать эффективность исполнения функций и управления.

Заключение

Завершая исследование, сформулируем следующие релевантные выводы.

Во-первых, стремление к эффективности может не приводить к снижению дисфункций в экономике, которые способны понижать каче-

ство развития. В связи с этим государственное управление, использующее институциональные коррекции, должно принимать во внимание число и исполнение базисных функций, функциональный потенциал экономики и, прежде всего, обеспечивать качество исполнения управленческих функций, включая целеполагание в области экономической политики и планирования.

Во-вторых, при вводе новых институтов или трансплантации возможен перенос дисфункции и ее углубление, что требует обоснования на стадии институционального планирования оценки ресурсов, необходимых для развития функционального потенциала экономики.

В-третьих, постановка целей макроэкономической политики, сводимой, например, к снижению неравенства, либо повышению нормы инвестиций, может не приводить к достижению цели, если не учитываются особенности содержания самих инструментов макроэкономической политики и их влияние, в частности, на структуру инвестиций и на динамику доходов наиболее бедной и богатой групп населения страны. Факторы, влияющие на доходы агентов из разных доходных групп, могут быть различными. Это обстоятельство необходимо учитывать при преодолении дисфункции целей макроэкономической политики.

Реализация структурно-функционального подхода в области разработки экономической политики предполагает формирование целей, задач, функций и выбор одного из двух вариантов институциональных изменений: роста эффективности при увеличении дисфункций, либо роста эффективности при снижении дисфункций. Согласование целей политики и инструментов воздействия представляется центральной задачей планирования макроэкономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Balachandran B., Williams B.* Effective governance, financial markets, financial institutions & crises // *Pacific-Basin Finance Journal*. 2018, September. Vol. 50. P. 1–15.
2. *Khalil E.L.* Lock-in institutions and efficiency // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2013, April. Vol. 88. P. 27–36.
3. *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. 2001. № 3. С. 24–50.
4. *Клейнер Г.Б.* Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды. М.: ЦЭМИ РАН, 2016.
5. *Сухарев О.С.* Российская экономика: опыт системной диагностики и лечения // *Инвестиции в России*. 1999. № 9. С. 28–37.
6. *Сухарев О.С.* Теория экономической дисфункции. М.: Машиностроение-1, 2001.
7. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
8. *Парсонс Т.* О социальных система. М.: Академический проект, 2002.
9. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998.
10. *Корнаи Я.* Системная парадигма // *Вопросы экономики*. 2002. № 4.

11. *Стиглиц Дж.* Информация и смена парадигмы в экономической науке // В кн.: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / В 2 кн. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 2. М.: Мысль, 2005. С. 535–629.*
12. *Сухарев О.С.* Экономическая теория эволюции институтов и технологий. М.: ЛЕНАНД, 2019.
13. *Акерлоф Дж.* Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм. М.: Thesis, 1994. Вып. 5. С. 91–104.
14. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура М.: Хранитель, 2006.
15. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Право / Пер. с нем / Под ред. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
16. *Сухарев О.С.* Теория реструктуризации экономики. М.: ЛЕНАНД, 2016.

ABOUT THE AUTHOR

Sukharev Oleg Sergeevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru

THEORY OF DYSFUNCTIONS: THE PROBLEM OF MANAGEMENT AND CLARIFICATION OF THE GOALS OF MACROECONOMIC DEVELOPMENT

The subject of research is the dysfunctions of institutions that arise in the management and implementation of institutional corrections. By dysfunction, we understand the disorder of the functions of an institution or system that arises for various reasons, not only during the transplantation of institutions from external to a given socio-economic environment, but also during the functioning of existing institutions and newly introduced design institutes. Only formal institutions are considered. Morphological and structural-functional analysis, taxonomy method are used as the research methodology. This allowed not only to highlight the contribution of the Russian economic school to the development of the theory of dysfunctions, to typify dysfunctions, but also to reveal the nature of the relationship between dysfunction and institutional effectiveness. It was shown that institutional corrections themselves may be subject to dysfunction, both because the control object is characterized by a certain amount of dysfunction, and public administration itself, in terms of its basic functions, is also subject to dysfunction. These two types of dysfunctions can reinforce each other. Such a reaction can occur when new institutions are introduced within the country, which can increase transaction costs, reduce the adaptation of agents, slow down economic growth and innovative development. Therefore, the organization of public administration requires a special approach that takes into account the channels for increasing dysfunction in the objects of management and in the system of public administration. The result of the study are recommendations, related to overcoming of planning dysfunction, as one of the most important functions of public administration. Also, the goal setting of macroeconomic development of Russia was refined, with emphasis on the possibility of organizing a new model of its economic growth.

Keywords: *institutions, efficiency, dysfunction, measurement of dysfunctions, institutional corrections, public administration, planning.*

JEL: E02, O43.

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

В.Е. МАЛЫГИН

старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Д.Д. КАТУКОВ

младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РОЛЬ ЭНДОГЕННЫХ МЕХАНИЗМОВ И ФАКТОРА СЛОЖНОСТИ В ДОСТИЖЕНИИ СБАЛАНСИРОВАННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В статье анализируются объективные изменения в механизмах достижения сбалансированного роста под влиянием глобальных технологических сдвигов и цифровой революции. Обосновывается приоритетная роль наращивания инновационной активности, как ключевого эндогенного драйвера роста в сравнении с объемом инвестиций. Рассмотрены подходы современной шумпетерианской теории роста к стимулированию инноваций через улучшение качества институциональной среды. Показаны описанные в теории сложности процессы структурного усложнения экономики как механизм ее саморазвития и достижения динамической устойчивости. Преимущества фактора сложности раскрыты на примере локальных инновационных кластеров и глобальных стоимостных цепочек как двух форматов сетевой модели организации производства. Сформулированы актуальные приоритеты политики роста применительно к задачам ускорения российской экономики.

Ключевые слова: *эндогенная модель роста, экономическая сложность, инновационные кластеры, глобальные стоимостные цепочки, политика экономического роста.*

JEL: O25, O31, O40, F63.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10006

В Послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 г.¹ Президент России подчеркнул необходимость проведения структурных реформ, призванных вывести экономику страны на темпы роста выше среднемировых. В качестве ключевого механизма ускорения обозначено повышение доли инвестиций в объеме ВВП (с 21 до 25% к 2024 г.).

---

¹ kremlin.ru/events/president/news/62582.

Между тем к началу века в мировой экономической литературе и практике сложилось твердое понимание, что в отличие от индустриальной эпохи наращивание инвестиций в экономику является необходимым, но отнюдь не достаточным условием для ее динамичного и сбалансированного роста [23].

Во-первых, ключевым драйвером экономического роста становится не просто инвестиционная, а инновационная активность, основанная на накоплении и переливе ресурсов знаний [18]. Во-вторых, сетевые коммуникации, опосредующие перелив знаний, меняют характер базовых экономических процессов. Инновации теперь создаются не на уровне отдельных игроков, а на уровне бизнес-сетей, где агенты вступают в интерактивную кооперацию (коллаборацию) для совместного производства новых продуктов. Считается, что именно эта способность людей и фирм объединяться в сети повышает инновационный потенциал экономики, создавая условия для ее успешного роста [30].

В-третьих, нелинейная цифровая среда порождает эмерджентные (непредсказуемые) реакции участников рынков и, как следствие, ситуацию радикальной неопределенности, с которой теории и практики никогда не сталкивались. В этой ситуации экономические системы меняют паттерны своего поведения, а проблема достижения ими сбалансированного роста приравнивается мировым экспертным сообществом к новому концептуальному вызову для экономистов [9].

Эволюция подходов к эндогенным факторам развития в современных теориях роста

Сопоставление ключевых теорий экономического роста с точки зрения интерпретации ими природы и роли инноваций [13] показывает, что традиционная политика роста, восходящая к кейнсианским идеям стимулирования спроса и неоклассической теории *laissez-faire*, уже не соответствует вызовам времени. Эта политика либо опирается на экзогенные модели роста 1950–1960-х годов типа модели Солоу [45], которые вообще не относят инновации к непосредственным факторам производства, либо использует модели, которые слабо учитывают нелинейные параметры инновационной среды, описанные экономистами институционально-эволюционного направления [15; 28].

Между тем к концу XX в. эмпирические исследования выявили, что динамика и среднедушевая величина ВВП зависят не столько от экстенсивного прироста трудовых ресурсов и капитальных мощностей (как это представлено в модели Солоу), сколько от роста и повышения уровня совокупной факторной производительности (СФП) за счет развития инноваций [23]. Экономический мейнстрим признал, что в основе подъема СФП лежит инновационная активность бизнеса,

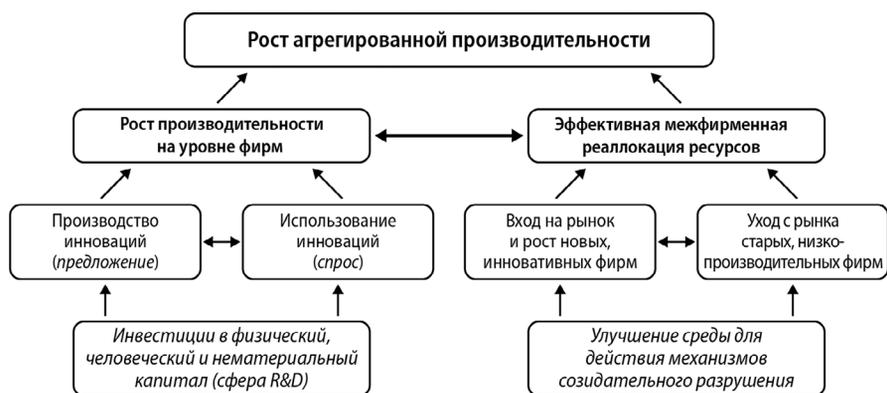
а достижение сбалансированного роста требует перехода экономических систем к инновационной модели развития, характерной для формирующейся экономики знаний.

Поиск странами путей наращивания СФП привел к появлению в 1990-е годы моделей эндогенного роста, которые стали рассматривать процесс обновления технологий и появления инноваций как внутренний и ключевой фактор развития производства. Однако сами механизмы инновационного типа роста еще не до конца раскрыты, а существующие модели и теории постепенно углубляют свои представления о его эндогенных факторах.

Первая известная эндогенная модель, предложенная Ромером [40], напрямую нацелила политику роста на поощрение инновационной активности бизнеса. Вместе с тем, при всех преимуществах по сравнению с экзогенными моделями, отмеченными Нобелевской премией 2018 г., она не смогла полноценно описать эндогенные механизмы сбалансированного роста, основанные на наращивании СФП. Концентрируясь на создании и применении нового (инноваций), она оставляла без внимания комплиментарный процесс вытеснения старого – ухода из оборота морально устаревших технологий, продуктов и практик. Последующие модели эндогенного роста, прежде всего модели Агийона и Ховитта [17], формирующие современную шумпетерианскую теорию роста, восполнили этот пробел.

Шумпетерианская теория роста (ШТР) связала эндогенные источники роста не только с наращиванием производства и применения новых технологий, но и с действием рыночных механизмов созидательного разрушения, влияющих на эффективность диффузии и распределения этих технологий в масштабах экономики [16]. Шумпетерианская идея созидательного разрушения [44] предполагает формирование на микроуровне экономики, где оперирует бизнес, динамического баланса между появлением нового и вытеснением старого. Сегодня эта идея трактуется как эффективная работа рынков по перемещению ресурсов (капиталов, рабочей силы, технологий) от менее продуктивных компаний и видов экономической деятельности к более производительным и инновативным [5]. Поэтому, согласно ШТР, *современная политика роста сводится в конечном счете к двум взаимосвязанным пакетам мер по стимулированию инновационного процесса* (см. рис. 1).

Первый пакет касается стимулирования государством инновационной активности самих компаний (в реальном и финансовом секторах) для наращивания ими своей индивидуальной производительности. Второй пакет нацелен на поддержку благоприятной институциональной среды для эффективного межфирменного перелива ресурсов и новых технологий к более производительным игрокам в целях наращивания СФП. Такая среда должна обеспечивать не просто сво-

Источник: [5].

Рис. 1. Динамический баланс в стимулировании инновационных процессов и устойчивого экономического роста.

боду рыночной конкуренции (предусмотренную в неоклассических моделях и в модели Ромера), но и отсутствие барьеров для ускорения рыночного оборота ресурсов и динамики оборота самих компаний. При этом эффективная политика роста нуждается в тонкой настройке: на каждом конкретном этапе развития экономики требуется свое оптимальное соотношение между обоими видами стимулов. Нарушение этого динамического баланса может затормозить рост совокупной производительности или вовсе снизить ее уровень.

Из ШТР также вытекает, что такие транзитные экономики, как Россия, могут перестать расти из-за попадания в «ловушку среднего дохода» [24]. Для выхода из ловушки и восстановления роста важно разблокировать действие механизмов созидательного разрушения – сосредоточиться на мерах усиления межфирменной конкуренции, расчищая рынки от низкорентабельных и малоперспективных игроков, включая тех, кого государство поддерживало на плаву как слишком значимых экономических агентов. Госмонополизм и слабая конкуренция наполняют рынки низкоэффективными предприятиями, которые оттягивают на себя трудовые ресурсы и инвестиции, препятствуя входу в ту или иную отрасль перспективных и потенциально инновативных фирм. Это порождает фрагментацию экономики по линии нарастания межфирменных разрывов в уровне производительности (скажем, разрывы между небольшой долей передовых и значительной долей технологически отсталых компаний отрасли), что, в свою очередь, подрывает рост СФП, девальвируя любые государственные усилия по стимулированию динамики ВВП. Более того, для использования преимуществ созидательного разрушения в создании эндогенных источников роста правительствам важно учитывать не только агрегированный уровень СФП, но и индивидуальную производительность

фирм в рамках каждой отрасли (иначе под государственным стимулированием инновационной активности могут оказаться множество бесперспективных агентов и видов экономической деятельности) [16].

В свою очередь, как и модель Ромера, ШТР имеет свои методологические ограничения: анализируя эндогенные факторы и стимуляторы роста на базе инноваций, она не затрагивает при этом *проблему обеспечения адаптивности национальных экономик к условиям радикальной неопределенности* [13].

Механизмами достижения сбалансированного роста в нелинейной цифровой среде занимается *экономическая теория сложности* (complexity economics) – наиболее комплексная альтернатива по отношению к традиционной economics [34; 43]. Она рассматривает современные экономические системы любого уровня, от локального до глобального, как *сложные адаптивные системы* (complex adaptive systems – CAS), обладающие способностью к самоорганизации и саморазвитию, подобно естественным [19]². CAS неотделимы от постоянно изменчивой сетевой среды (экосистемы сетевых связей), которую генерируют их участники в ходе совместного создания новшеств, причем эти бизнес-партнеры непрерывно адаптируются друг под друга и под данную среду через сигналы обратной связи. Такие инновационные экосистемы, возникающие сегодня везде, где формируются коллаборативные бизнес-сети, считаются *новыми базовыми звеньями современного производственного ландшафта* [8]. Предполагается, что с переходом к инновационному типу роста национальные экономики постепенно трансформируются в *многомерные инновационные экосистемы*, охватывающие множество локальных экосистем. В результате они приобретут ту степень организационной мобильности и адаптивности, которая позволит им сохранять динамическую устойчивость при любых непредсказуемых изменениях среды [42].

Современная теория конкурентоспособности ассоциирует динамическую устойчивость систем с наращиванием СФП на базе непрерывной инновационной активности (continual innovation), а саму эту непрерывность – с особыми сетевыми эффектами, возникающими в ходе коллаборации агентов [39]. Теория сложности развивает этот подход, рассматривая сбалансированный рост в условиях нелинейности как результат синергетических эффектов, достигаемых при наращивании экономикой своей структурной сложности. С этой точки зрения ключевая задача в области стимулирования роста заключается *не в том, чтобы миними-*

---

² По определению ОЭСР [37], экономическая CAS представляет собой открытое сетевое сообщество, состоящее из юридически независимых, но функционально связанных агентов, чьи действия влияют на всех остальных партнеров через обратные связи, благодаря чему такие системы разворачиваются, адаптируются и реорганизуют себя самостоятельно, без участия управляющего центра.

зировать фактор сложности в эволюции систем, а в том, чтобы эффективно использовать его преимущества [22]. Речь идет о выстраивании таких стратегий развития, которые помогают экономике поддерживать ход инновационных процессов путем непрерывного усложнения структуры внутренних связей и формирования на этой основе новых источников саморазвития, по сути, – механизма самоподдерживающегося роста [9].

Как вытекает из теории сложности, процесс усложнения экономических систем опирается на структурирующие функции информации [30]. Поэтому он может протекать в самых различных форматах, охватывая социальную, институциональную, технологическую, производственную и прочие характеризующие экономику структуры связей. В аналитических целях мы выделяем в этом процессе два комплементарных направления, которые предопределяют и взаимно усиливают друг друга, – организационное и функциональное. *Организационное усложнение*, более непосредственно влияющее на институциональную среду, касается вовлечения в отношения коллаборации растущего числа агентов и усиления на этой основе сетевых синергетических эффектов [8]. *Функциональное усложнение*, более непосредственно связанное с технологической и производственной структурой экономики, ведет к возрастанию доли все более наукоемких, инновационных и высокодоходных видов экономической деятельности в структуре ВВП [29].

Таким образом, в эпоху инноваций и становления экономики знаний сбалансированный рост все меньше связан с неоклассическими моделями статичного макроравновесия и все больше – с идеей динамической устойчивости систем. Опираясь на конституирующую роль фактора сложности (чем выше структурная сложность системы, тем выше ее инновационный потенциал и динамическая устойчивость), экономисты переходят к новым, более адекватным для современных условий методам прогнозирования экономической динамики. Одним из методов является выстраивание индикаторов экономической сложности [31], выступающих мерой оценки ресурсов знаний и технологий, которые аккумулированы данной экономикой и могут быть трансформированы в новые продукты. Такие индикаторы оценивают функциональную сложность экономики и, соответственно, потенциал ее будущего роста по степени сложности ее производственной структуры и особенно структуры национального экспорта (последняя выступает в эпоху глобализации наиболее агрегированным параметром прогнозирования динамики роста). Экономика считается функционально сложной, наиболее адаптивной и динамически устойчивой, если она экспортирует значительное число разновидностей технологически сложных продуктов [29].³

³ Наибольшее распространение сегодня получил гарвардский индекс экономической сложности ('economic complexity index') [29], на основе которого сформирован Ат-

Фактор сложности в сетевой (распределенной) модели организации производства

Возрастание зависимости экономических систем от эндогенных факторов роста, т. е. от наращивания структурной сложности и инновационного потенциала, сопровождается обновлением традиционной модели организации экономической деятельности, связанной с доминированием на рынках крупных иерархичных компаний. С 2000-х годов в мировой практике все шире утверждается *сетевая, или распределенная модель организации производства*, основанная на распределении задач по созданию инноваций (новых товаров, услуг, технологий) среди сетевых сообществ множества юридически независимых фирм. Благодаря интерактивной кооперации в рамках совместных бизнес-проектов участники таких сетей могут объединять и гибко рекомбинировать свои ресурсы и знания под новые запросы рынков. Это многократно повышает продуктивность использования имеющихся факторов производства, позволяя создавать все более производительные технологии и все более наукоемкие продукты, которые малые или даже крупнейшие фирмы не в состоянии произвести в одиночку в соответствии с требованиями глобальной конкуренции [12].

Выступая новыми базовыми звеньями производственного ландшафта, коллаборативные сети и образуемые ими экосистемы могут приобретать любую размерность – от локальной до транснациональной. На *локальном уровне* ключевым и самым распространенным форматом сетевой модели производства считаются *региональные инновационные кластеры*. Современная кластерная литература, восходящая к идеям Портера, рассматривает их не просто как географически локализованные бизнес-агломерации, а как развитые сетевые экосистемы, реализующие динамические свойства CAS и преимущества непрерывной инновационной активности [41]. Анализ модели успешных кластеров с позиций теории сложности показывает, что их развитие происходит эндогенно (за счет усложнения и обновления структуры внутренних связей) и сопровождается характерными для CAS синергетическими эффектами, так что его результаты оказываются всегда больше, чем сумма индивидуальных выигрышей кластерных фирм [42].

Общепризнано, что кластерный формат организации производства может оказывать решающее влияние на рост СФП и динамиче-

---

лас экономической сложности стран мира. Представленные в нем данные позволяют странам детально определять ежегодные изменения в их производственной структуре, выявлять оптимальные направления ее дальнейшего усложнения (диверсификации) и прогнозировать на этой основе возможности ускорения роста.

ской устойчивости национальных экономик [35]. Между тем не только в догоняющих, но и в развитых странах национальные программы поддержки кластеров нередко ведут к неудачам в политике роста [20], поскольку подводят под статус инновационных кластеров типологически разные структуры, не способные по тем или иным параметрам (способ создания, институциональная специфика) генерировать эффекты непрерывных инноваций.

Реальные инновационные кластеры отличаются от менее инновативных бизнес-сетей степенью своей организационной и институциональной сложности. Для понимания этой сложности и ее экономических преимуществ мы предложили анализировать кластеры *в трех взаимосвязанных измерениях* – как особый класс производственных агломераций, особый класс инновационных экосистем и особый класс экономических проектов [11].

Специфика кластеров как производственных агломераций проявляется, прежде всего, в их «трансоотраслевой» специализации, возникающей на стыке ряда технологически связанных видов деятельности, сложившихся в данной экономике⁴. Как правило, удачно организованные кластеры являются экспортоориентированными структурами с умной специализацией, способными производить уникальные по качеству или свойствам виды продукции. Это привлекает в данный регион глобальные компании, которые размещают те или иные звенья своих производственных цепочек среди местных поставщиков. В итоге, успешные кластеры становятся *высокоспециализированными локальными узлами глобальных стоимостных цепочек*, а конкурентоспособные кластерные фирмы – надежным каналом выхода страны на мировые экспортные рынки.

Как *особая экосистема для непрерывных инноваций* кластер является сложным переплетением функциональных связей и комплементарных возможностей, формируемых широким и открытым кругом автономных, географически близких и институционально разных сетевых партнеров (см. рис. 2).

Каждый зрелый кластер охватывает критическую массу агентов по числу и разнообразию, в частности, не менее 50 и не более 200 компаний [27]. Его участники опираются помимо рыночных на отношенческие контракты (долгосрочные договоренности об общих правилах игры), сочетают кооперацию с одновременной конкуренцией и развивают коллаборацию в формате тройной спирали [26], вовлекая в нее представителей бизнеса, науки и государства. Этот сложный паттерн

---

⁴ По мере функционального усложнения систем *отраслевой принцип организации рынков вытесняется более тонким, кластерным принципом* – образованием в экономиках новых типов узкоспециализированных секторов, выпускающих сложную инновационную продукцию [7].

Источник: [11].

Рис. 2. Экосистема инновационного кластера

коллаборации (взаимозависимость и взаимодополняемость трех функционально разных типов игроков) минимизирует риски и максимизирует результаты, создавая у участников устойчивые стимулы к коллективной и непрерывной инновационной активности [21]. Аналогичные эффекты достигаются на агрегированном уровне в экономиках с кластерно-сетевой организацией, что и свидетельствует об освоении ими инновационного типа роста [42].

Как особый класс экономических проектов кластеры представляют собой совместные бизнес-инициативы по трансформации данной бизнес-агломерации в мощную инновационную экосистему, способную обеспечить ее участникам конкурентные преимущества на национальном и на международном уровнях [4]. Такие инициативы выдвигаются совместными усилиями бизнеса, властей и/или научных центров, а координируются специализированной кластерной организацией с участием всех трех звеньев тройной спирали. Ключевая задача кластерной организации связана с непрерывным углублением системы межличностных коммуникаций и отношений коллаборации, т. е. с целенаправленным усилением социального формата развития кластера. Кластерные инициативы всегда открыты для свободного присоединения новых сетевых партнеров, т. к. кластеры с признаками закрытости начинают деградировать. Их проектная специфика также заключается в том, что они реализуются посредством коллаборативного управления (collaborative governance) – современной модели коллективного само-

управления, основанной на преимуществах обратной связи и на взаимной экономической выгоде участников коллаборации [25].

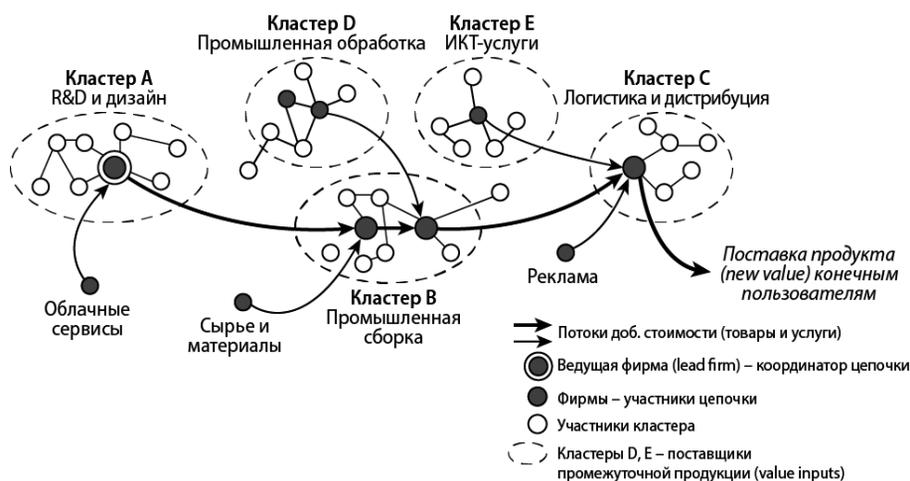
На *транснациональном уровне* сетевая модель производства лучше всего представлена в формате *глобальных стоимостных цепочек (ГСЦ)*. ГСЦ формируют систему потоков добавленной стоимости (VA), которые нелинейно пронизывают мировую экономику: экспортная продукция одних стран импортируется другими как промежуточная для последующей обработки и реэкспорта в третьи страны [38]. Это усложняет структуру производственного цикла в двух взаимосвязанных измерениях – географически и функционально [12].

В *географическом отношении* операции по созданию новых конечных продуктов уже не замыкаются на одну крупную компанию или на одну страну, а распределяются между множеством сетевых партнеров, включая малые и средние фирмы, из нескольких десятков стран. В *функциональном отношении* три классические стадии производства (добыча сырья–переработка–услуги) дробятся на все более узкие наукоемкие и специализированные бизнес-задачи, каждая из которых соответствует определенному звену ГСЦ. В итоге *страны отходят от идеи специализации на конечных продуктах отраслей и сосредотачиваются на производстве и экспорте инновационной промежуточной продукции узкого профиля*, которую они могут делать лучше других в глобальных масштабах [46]. При этом они не прибегают к продуктовому дублированию, а с выгодой используют аналогичные конкурентные преимущества своих партнеров по ГСЦ, наращивая высококачественный промежуточный импорт для дальнейшего усложнения собственного производства и экспорта⁵.

По своей внутренней организации ГСЦ представляют собой горизонтально распределенную бизнес-сеть (экосистему), которая выстраивается и координируется глобальными компаниями как коллективный международный проект. В отличие от кластеров с их относительно устойчивой структурой партнерских связей, экосистема ГСЦ имеет свои временные рамки, диктуемые алгоритмом совместного создания конкретного конечного продукта. Каждая фирма-поставщик выполняет в проекте свою индивидуальную задачу, причем большинство поставщиков входят в состав того или иного регионального кластера (см. рис. 3).

Глобальная компания, организующая цепочку, уже не стремится контролировать ее ключевые звенья (как было в 1990-е годы), а *выступает координатором проекта в качестве ведущей фирмы*, стремящейся

⁵ Специализация стран в мировом производстве становится все более «умной» и все шире оценивается по индексу их участия в ГСЦ, т. е. не по созданию целого продукта, а по выполнению узких высокодоходных задач [38].

Источник: [14].

Рис. 3. Типовая схема организации глобальной стоимостной цепочки

максимизировать совместный доход участников за счет модульных решений и синергетических эффектов коллаборации. Как координатор, она локализует звенья цепочки по различным кластерам мира в той конфигурации, которая позволяет снижать общий уровень затрат и создавать новые наукоемкие продукты с наибольшей VA. Причем под каждую бизнес-задачу подбираются подрядчики из того кластера, где она может выполняться лучше всего в мире, что и делает кластеры с умной специализацией локальными инновационными узлами ГСЦ [33]. Вовлеченность стран в ГСЦ через кластерные фирмы становится базовым способом их участия в международном разделении труда. При этом распространение ГСЦ порождает растущую взаимозависимость национальных экономик: их доходы на мировых рынках зависят теперь не только от их собственных конкурентных преимуществ и успехов национальных фирм-экспортеров, но и от аналогичных успехов стран-партнеров.

Актуальные приоритеты в политике стимулирования роста

Формируя новые стандарты организации и поведения, отвечающие параметрам цифровой эпохи, современные экономики все менее поддаются традиционным методам макростимулирования. Их рост и конкурентоспособность, их устойчивость перед непредсказуемыми рыночными шоками все сильнее зависят от эндогенных источников, связанных с динамизмом инновационных процессов. Драйверы роста все больше смещаются на микроэкономический уровень, где непо-

средственно оперирует бизнес. А темпы и устойчивость роста определяются теперь не столько объемами закачиваемых в экономику инвестиций, сколько качеством организационных и институционально-правовых условий экономической деятельности. Эти условия должны позволять индивидуальным агентам все эффективней взаимодействовать на базе цифровых платформ в целях совместного создания и вывода на рынок новых, все более наукоемких продуктов.

В этой ситуации и развитые, и догоняющие экономики начинают менять приоритеты в политике роста. Они все шире закладывают в ее основу идею *структурных реформ, нацеленных на системное улучшение социально-экономической среды* [36]. Как следует из эндогенных моделей ШТР, правительствам необходимо не только поддерживать свободу рыночной конкуренции, но и устранять излишнюю фрагментированность среды независимо от того, унаследована ли она от иерархичных режимов прошлого, или вызвана незавершенностью рыночных реформ и избыточной централизацией нынешней системы управления, или же благоприобретена в ходе антикризисных мер.

Теория сложности идет здесь логически дальше, подчеркивая, что странам нужно использовать уникальные возможности наращивания производительности, открываемые системой сетевых социальных коммуникаций [30]. Поэтому наряду с конкурентной и безбарьерной рыночной средой правительства должны обеспечить дальнейший рост интерактивной кооперации агентов и горизонтальной связности экономики, помогая ей развиваться в алгоритме непрерывного усложнения и тем самым поддерживать свою динамическую устойчивость [8].

Современные подходы в теориях роста позволяют сформулировать ряд важных для России выводов.

Самый общий вывод заключается в том, что сбалансированный рост зависит не столько от инвестиционных усилий государства, сколько от эффективной работы рынков и частного сектора, а *ускорение динамики ВВП является эволюционным процессом, аккумулирующим эффекты последовательного улучшения институтов, технологий и производственной структуры* [24]. На этом фоне выглядят малопродуктивными популярными в России идеи отбора государством национальных чемпионов, осуществления технологических прорывов или перенаправления инвестиций в приоритетные секторы через крупные госкомпании. Точно также неадекватна для современных условий и ориентация России исключительно на собственные технологические и производственные возможности, воплощенная, в частности, в идее выстраивания собственных цепочек полного цикла. При технологически сложных производствах, включая сырьевые (как шельфовая добыча нефти), создание новых продуктов требует комбинации усилий широкого круга компаний из разных стран, т. е. участия в глобальных цепочках вместе

с мировыми технологическими лидерами, а не строительства завершённых национальных.

Более конкретные выводы касаются *расстановки структурных приоритетов в российской политике ускорения роста*. Первым приоритетом должны быть системные меры по преодолению процессов свертывания межфирменной конкуренции. Перспектива оживления инвестиционного спроса бизнеса и оптимизации производственных пропорций, позволяющая России выйти из состояния нынешней стагнации, критически зависит от наличия конкурентных и эффективных рынков. В экономической части эта задача предполагает традиционный неоклассический пакет мер – расширение предпринимательских свобод, демонополизация экономики, децентрализация управления. Для России проблема оздоровления рынков стоит особенно остро в силу опасных противодействующих тенденций последних лет – от растущего замещения частных инвестиций государственными до ухудшения институциональной структуры и демографии бизнеса (доминирование фирм-гигантов вместо роста числа малых и средних компаний, опережающая динамика закрытия сложившихся предприятий над динамикой открытия новых).

Вторым приоритетом, влияющим на динамику ВВП, является *восстановление рыночных механизмов созидательного разрушения*, описанных в шумпетерианской теории роста. России важно переломить тенденцию нарастания межфирменных разрывов в уровне производительности [2], ведущую к фрагментации и дальнейшему торможению экономики. Это потребует болезненной, но решительной расчистки рынков от низкопроизводительных агентов, часто располагающих особой государственной поддержкой и искусственными конкурентными преимуществами. В противном случае все усилия государства по стимулированию инвестиций бизнеса в инновации останутся по-прежнему бесплодными. Дальнейшие шаги в этом направлении касаются серьезной деbüroкратизации: устранения административных барьеров на пути рыночного перемещения ресурсов к более инновативным игрокам⁶. Иными словами, для восстановления роста России предстоит создать институциональные условия для повышения агрегированной производительности сначала на уровне секторов, а затем и в масштабах экономики в целом.

Третий приоритет связан с *развитием кластерно-сетевой среды как организационной основы для реиндустриализации и усложнения структуры производства*. Перспектива такого усложнения и постепенного отхода

---

⁶ Интенсивность входа на рынок новых фирм в России крайне низка: начиная с 1999 г. доля таких фирм ежегодно составляла менее 1% от общего числа действующих (по сравнению, скажем, с 14% у Бразилии), а с 2012 г. она устойчиво сокращается [32].

экономики от сырьевой специализации никак не связана с популярной в стране идеей перекройки отраслевых пропорций с помощью инвестиций госкомпаний. Как вытекает из теории сложности, эта перспектива лежит в русле культивирования горизонтальных связей и коллаборации бизнеса и науки. Вместо создания номинальных подобий кластерных сетей методом сверху России нужна адекватная система институциональных отношений для самообразования на территориях реальных инновационных кластеров. Именно на уровне таких кластеров и аналогичных партнерств с тройной спиралью сегодня формируются индустрии нового технологического поколения, освоение которых составляет суть современного процесса реиндустриализации [1; 3].

Наконец, учитывая вызовы глобализации, России необходимо *нацелиться на наращивание внешнеэкономической открытости и интеграцию в глобальные цепочки разного профиля*. Прежде всего следует отказаться от режима импортного эмбарго, который еще больше упрощает структуру национального производства и экспорта, что, как показывают расчеты [6], тормозит экономический рост. Идея замещения импорта и практика протекционизма уже не совмещаются с задачей укрепления национальной конкурентоспособности. Сегодня занять передовые технологические ниши, закрываясь от глобальной конкуренции, просто невозможно. К тому же при распределении производственного цикла по звеньям ГСЦ национальная продукция тестируется глобально независимо от высоты внешнеторговых барьеров, а любые ограничения по импорту автоматически ложатся налогом на собственный экспорт. Напротив, расширение специализированного импорта ради усложнения национального производства и экспорта может успешно работать на ускорение роста. Ориентация на капитализацию эффектов многосторонней кооперации в рамках ГСЦ становится мировым трендом в политике роста. Это особенно важно для ресурсозависимых экономик: иначе они вынуждены действовать с минимальной для себя продуктивностью, постоянно наращивая объемы низкодоходного сырьевого экспорта [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афонцев С.А.* Мировая экономика в поисках новой модели роста // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 2. С. 3–12.
2. *Бессонова Е.В.* Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009–2015 гг.) // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 96–118.
3. *Дежина И.Г., Пономарёв А.К.* Перспективные производственные технологии: Новые аспекты в развитии промышленности // Форсайт. 2014. Т. 8. № 2. С. 16–29.
4. *Катуков Д.Д.* Кластерная инициатива как особый экономический проект: Европейская и российская практика // Инновации. 2014. Т. 189. № 7. С. 47–52.

5. Катухов Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 95–118.
6. Структурные аспекты торговой политики России. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
7. Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: Институт экономики РАН, 2015.
8. Смородинская Н.В. Структурные особенности и механизмы развития экономических систем с позиций теории сложности: мезоуровень или мезосостояние? // Мезоэкономика: состояние и перспективы / Отв. ред. В.И. Маевский, С.Г. Кирдина-Чэндлер, М.А. Дерябина. М.: ИЭ РАН, 2018. С. 107–130.
9. Смородинская Н.В. Усложнение организации экономических систем в условиях нелинейного развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 5. С. 104–115.
10. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д. Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 27–33.
11. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д. Когда и почему региональные кластеры становятся базовым звеном современной экономики // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 61–91.
12. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д. Распределенное производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 72–101.
13. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д., Малыгин В.Е. Шумпетерианская теория роста в контексте перехода экономических систем к инновационному развитию // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 2. С. 60–78.
14. Смородинская Н.В., Малыгин В.Е., Катухов Д.Д. Сетевое устройство глобальных стоимостных цепочек и специфика участия национальных экономик // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 55–68.
15. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Institutions as a fundamental cause of long-run growth // Handbook of economic growth. Vol. 1A / P. Aghion, S.N. Durlauf (eds.). Amsterdam: North Holland, 2005. P. 385–472.
16. Aghion P., Akcigit U., Howitt P. The Schumpeterian growth paradigm // Annual Review of Economics. 2015. Vol. 7. No. 1. Pp. 557–575.
17. Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction // Econometrica. 1992. Vol. 60. No. 2. Pp. 323–351.
18. Aghion P., Howitt P. Growth with quality-improving innovations: An integrated framework // Handbook of economic growth. Volume 1A / P. Aghion, S.N. Durlauf (eds.). Amsterdam: North Holland, 2005. Pp. 67–110.
19. Al-Suwailem S. Behavioural complexity // Journal of Economic Surveys. 2011. Vol. 25. No. 3. Pp. 481–506.
20. Brakman S., van Marrewijk C. Reflections on cluster policies // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2013. Vol. 6. No. 2. Pp. 217–231.
21. Carayannis E.G., Campbell D.F. 'Mode 3' and 'Quadruple Helix': Toward a 21st century fractal innovation ecosystem // International Journal of Technology Management. 2009. Vol. 46. N. ¾. Pp. 201–234.
22. Colander D.C., Kupers R. Complexity and the art of public policy: Solving society's problems from the bottom up. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.

23. *Easterly W., Levine R.* It's not factor accumulation: Stylized facts and growth models // World Bank Economic Review. 2001. Vol. 15. No. 2. Pp. 177–219.
24. EBRD. Transition report 2017–18: Sustaining growth. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2017.
25. *Emerson K., Nabatchi T., Balogh S.* An integrative framework for collaborative governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2011. Vol. 22. No. 1. Pp. 1–29.
26. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The dynamics of innovation: From national systems and “Mode 2” to a triple helix of university-industry-government relations // Research Policy. 2000. Vol. 29. No. 2. Pp. 109–123.
27. European Committee of the Regions. Clusters and clustering policy: A guide for regional and local policy makers. Brussels: European Commission, 2011.
28. *Hanusch H., Pyka A.* Principles of Neo-Schumpeterian Economics // Cambridge Journal of Economics. 2006. Vol. 31. No. 2. Pp. 275–289.
29. *Hausmann R.* [et al.]. The atlas of economic complexity: Mapping paths to prosperity. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
30. *Hidalgo C. A.* Why information grows: The evolution of order, from atoms to economies. New York, NY: Basic Books, 2015.
31. *Ivanova I.A., Smorodinskaya N.V., Leydesdorff L.* On measuring complexity in a post-industrial economy: The ecosystem's approach // Quality & Quantity, 2019.
32. *Iwasaki I., Maurel M., Meunier B.* Firm entry and exit during a crisis period: Evidence from Russian regions // Russian Journal of Economics. 2016. Vol. 2. No. 2. Pp. 162–191.
33. *Ketels C H., Memedovic O.* From clusters to cluster-based economic development // International Journal of Technological Learning, Innovation and Development. 2008. Vol. 1. No. 3. Pp. 375–392.
34. *Martin R., Sunley P.* Complexity thinking and evolutionary economic geography // Journal of Economic Geography. 2007. Vol. 7. No. 5. Pp. 573–601.
35. *Nallari R., Griffith B.* Clusters of competitiveness. Washington, DC: World Bank, 2013.
36. OECD. Debate the issues: Complexity and policy making. Paris: OECD Publishing, 2017.
37. OECD. Final NAEC synthesis: New approaches to economic challenges. Paris: OECD Publishing, 2015.
38. OECD. Interconnected economies: Benefiting from global value chains. Paris: OECD Publishing, 2013.
39. *Porter M.E.* [et al.]. Moving to a new Global competitiveness index // The global competitiveness report 2008–2009 / M. E. Porter, K. Schwab (eds.). Geneva: World Economic Forum, 2008. Pp. 43–63.
40. *Romer P.M.* Endogenous technological change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. N. 5, Part 2. S71-S102.
41. *Rullani E.* The industrial cluster as a complex adaptive system // Complexity and industrial clusters: Dynamics and models in theory and practice / A. Quadrio Curzio, M. Fortis (eds.). Heidelberg: Physica-Verlag, 2002. Pp. 35–61.
42. *Russell M.G., Smorodinskaya N.V.* Leveraging complexity for ecosystemic innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 136. Pp. 114–131.
43. *Schneider V.* Governance and complexity // The Oxford handbook of governance / D. Levi-Faur (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 129–142.
44. *Schumpeter J.A.* Capitalism, socialism, and democracy. New York, NY: Harper & Brothers, 1942.

45. *Solow R.M.* A contribution to the theory of economic growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.
46. *Taglioni D., Winkler D.* Making global value chains work for development. Washington, DC: World Bank, 2016.

ABOUT THE AUTHORS

Smorodinskaya Natalia Vadimovna – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
smorodinskaya@gmail.com

Malygin Vyacheslav Evgenievich – Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science -- Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
slavmal53@gmail.com

Katukov Daniil Dmitrievich – Junior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
dkatukov@gmail.com

THE ROLE OF ENDOGENIC MECHANISMS AND COMPLEXITY FACTOR IN ACHIEVING BALANCED ECONOMIC GROWTH

The article analyzes the objective changes in the mechanisms for achieving balanced growth under the influence of global technological changes and the digital revolution. The priority role of increasing innovative activity as a key endogenous growth driver in comparison with the volume of investments is substantiated. The approaches of the modern Schumpeterian theory of growth to stimulate innovation through improving the quality of the institutional environment were considered. The processes of structural complication of the economy, described in the theory of complexity, were shown as a mechanism for its self-development and achievement of dynamic stability. The advantages of the complexity factor were revealed by the example of local innovation clusters and global value chains as two formats of a network model of production organization. The current priorities of the growth policy were formulated, in relation to the tasks of acceleration of the Russian economy.

Keywords: *endogenous growth model, economic complexity, innovation clusters, global value chains, economic growth policy.*

JEL: O25, O31, O40, F63.

Е.Б. ЛЕРМАН

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая теория и антикризисное управление» Сибирского государственного университета путей сообщения

О.Б. СОЛОВЬЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент Сибирского государственного университета путей сообщения

ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена проблемам формирования финансовой культуры у взрослого населения России, низкий уровень которой сказывается на качестве жизни россиян и приводит к снижению уровня их благосостояния. Анализируются причины сложившейся ситуации, рассматриваются вопросы обучения финансовой грамотности взрослого населения, выявления опосредованной связи между уровнем финансовой грамотности и возрастом человека, а также отсутствие осознания взрослыми низкого уровня своей финансовой культуры и мотивации к получению дополнительных знаний. В статье приведены результаты проведенного авторами анкетирования слушателей (руководителей среднего звена ОАО «РЖД») курсов повышения квалификации в Институте перспективных транспортных технологий и переподготовки кадров г. Новосибирска и преподавателей Сибирского государственного университета путей сообщения, не имеющих экономического образования, на предмет оценки собственного уровня финансовой грамотности. Исследование позволило выявить ключевые проблемы в управлении процесса формирования финансовой культуры взрослых обучающихся. В качестве решения проблем низкой финансовой грамотности представлен проект обучения взрослого населения, в котором использованы все составляющие системы непрерывного образования: формальное, неформальное и информальное.

Ключевые слова: *финансовая культура, индекс финансовой грамотности, осознанная некомпетентность, непрерывное образование взрослых.*

JEL: A23.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10007

После семидесяти лет плановой советской экономики с гарантированной заработной платой и отсутствием необходимости задаваться вопросами в области личного налогообложения и инвестиций российские граждане столкнулись с вызовами рыночной экономики. Большинство россиян, даже имеющих высшее или среднее профессиональное образование, оказались не готовы решать финансовые задачи в нестандартных условиях и стали жертвами мошеннических инвестиционных фондов и финансовых пирамид. Неразумное финан-

совое и правовое поведение привело многие семьи к материальному краху и, как следствие, к снижению качества жизни.

С целью формирования финансовой культуры в 2011 г. был разработан совместный проект Министерства финансов Российской Федерации и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», в рамках которого в 2016 г. был создан «Федеральный методический центр по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования» на базе НИУ ВШЭ, РАНХиГС и Фонда «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»¹. В результате были подготовлены учебно-методические комплекты по финансовой грамотности для школьников, студентов и взрослого населения. Однако эксперты Всемирного банка оценили итоги реализации проекта как умеренно удовлетворительные, существование проблем при его осуществлении в полном объеме подтвердила и Счетная палата.

В чем же причины невысоких результатов? Во-первых, в том, что для взрослого населения обучение действует, к сожалению, только на уровне просветительского проекта, материалы относительно доступны как источник спонтанного (информального) образования². Во-вторых, спонтанная форма обучения накладывается на тот фактор, что необходимость обучения на протяжении всей жизни (Life long learning) пока не осознается большей частью населения нашей страны [1]. По данным Росстата, расходы граждан РФ на образование в 2018 г. составили всего 0,8% от общих расходов на потребление домохозяйств³. Даже для семей, имеющих трех и более детей в возрасте до 16 лет, расходы на образование достигают всего 1,3% семейного бюджета, а для взрослого населения эта цифра составляет лишь 0,6%. По сравнению с развитыми и ключевыми развивающимися странами мира Россия отстает по общим расходам на учебные заведения из государственных или частных источников, рассчитанных в процентах к ВВП. Как показывают результаты исследования⁴, из 36 государств – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Российская Федерация, расходуя 3,1% своего ВВП на финансирование образования, занимает последнюю строчку в данном

¹ «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы». Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278903 (дата обращения: 07.10.2019).

² Дело в том, что образовательные программы по финансовой грамотности достаточно успешно внедряются в среднюю и высшую школы, для системы среднего профессионального образования подготовлены преподаватели и тьюторы.

³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2018 году. Государственная служба статистики. www.gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения: 15.10.2019).

⁴ Regards sur l'éducation 2019: Les indicateurs de l'OCDE. P.: Éditions OCDE, 2019. www.oecd-ilibrary.org/education/regards-sur-l-education-2019_6bcf6dc9-fr (дата обращения: 03.02.2020).

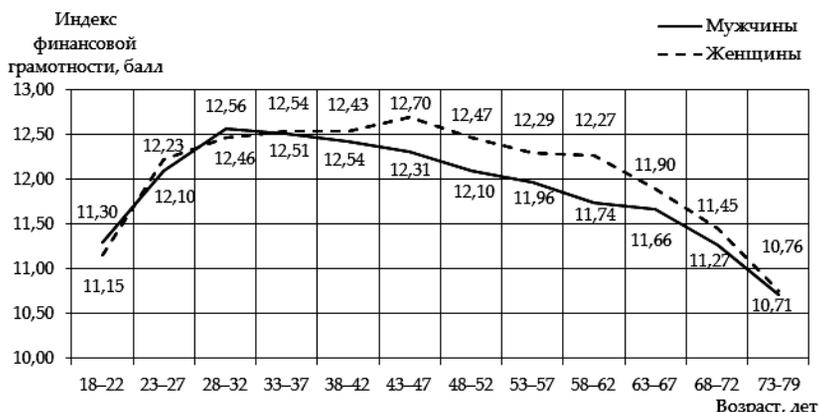
списке. В среднем доля ВВП, которая выделяется на финансирование образования странами ОЭСР, составляет 4,9%, а, например, у лидера – Норвегии – достигает 6,5% ВВП.

Причины финансовой безграмотности взрослого населения

В ноябре 2019 г. Минздрав обнародовал данные, согласно которым продолжительность жизни мужчин в России увеличилась за полтора десятилетия на 12 лет, у женщин – на 6,5 лет. Продолжительность трудового периода жизни, в связи с увеличением пенсионного возраста, также возросла в России. Эти два фактора, на наш взгляд, являются потенциальным драйвером для роста спроса на получение второго, а правильнее сказать, последующего профессионального образования, в том числе для обучения финансовой грамотности. По данным многопрофильного аналитического центра НАФИ, несмотря на предпринимаемые меры, индекс финансовой грамотности населения России составляет 12,12 балла при возможном максимуме в 21 балл [2]. Финансовая грамотность нелинейно связана с возрастом человека, что подтверждают исследования финансового поведения населения в регионах [3]. У среднестатистического гражданина РФ до 30 лет происходит накопление знаний, навыков и установок, ведущих к росту финансовой грамотности. К 30 годам индекс достигает показателя около 12,5 баллов и держится на этом уровне примерно до 45 лет. После чего рост индекса прекращается и начинается его плавное снижение вместе с увеличением возраста [3]. Особенно заметно снижение уровня финансовой грамотности в группе лиц старше 60 лет (см. рис. 1).

Еще одним условием, определяющим необходимость Lifelong learning, являются стремительно развивающиеся технологии, охватывающие все сферы жизни человека. Прогресс убивает не только отдельные профессии, но и несет угрозу бизнесу и целым секторам экономики. Поэтому процесс получения новых профессиональных компетенций неизбежен. Вопрос лишь в том, когда у взрослого населения сформируется этот запрос.

В июле 2019 г. министр экономического развития предрек российской экономике «взрыв». По его мнению, уже в 2021 г. страну ждет кризис, связанный с тем, что рынок потребительского кредитования не обеспечен реальными доходами граждан. Долг россиян достигнет критической массы, из потребительского спроса выпадет более 2,5 трлн руб., и если сейчас ничего не делать, то пострадают и граждане, и экономика. Темпы роста ВВП могут снизиться сразу на 3%, страна уйдет в рецессию, разразится полномасштабный кризис [4]. Обращает на себя внимание то, что треть кредитов была выдана заем-

Источник: Рейтинг финансовой грамотности регионов России. 2018. Аналитический центр НАФИ. www.nafi.ru/projects/finansy/rejting-finansovoy-gramotnosti-regionov-rossii-2018 (дата обращения: 16.10.2019).

Рис. 1. Зависимость уровня финансовой грамотности от пола и возраста населения в РФ

щикам, у которых платеж по этим займам превышает 60% ежемесячного дохода [4]. По данным Минэкономразвития, в последние два года прирост задолженности по кредитам составляет около 25% в год [5].

При этом, по результатам исследований, 43% россиян ежемесячно тратят весь свой доход, независимо от его размера, а более 80% россиян не контролируют и не планируют свои расходы. Но, начав анализировать свой бюджет, значительная часть людей обнаруживает, что финансовое планирование позволяет легко оптимизировать свои траты не в ущерб качеству жизни, высвободив в среднем около 10% от ежемесячного дохода на формирование финансового резерва в какой-либо форме сбережений [6]. К сожалению, приходится констатировать отсутствие у взрослого населения запроса на получение дополнительных знаний по вопросам финансов, что обусловлено в том числе и привычкой надеяться на гарантии государства, а не нести личную ответственность за планирование семейного бюджета.

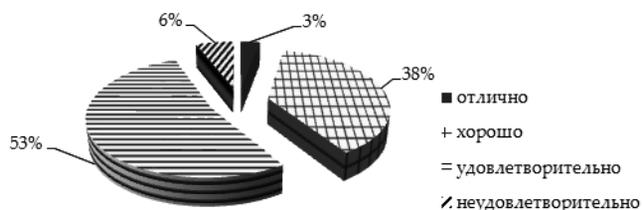
В 2018 г., по данным Росстата, доля численности населения в возрасте старше трудоспособного составила 25,4 % [7]. Прогнозы говорят о том, что количество лиц старшего возраста будет увеличиваться, поскольку в возрастной группе от 65 лет и старше темпы роста выше, чем в других возрастных группах [8]. К 2050 г. в Европе доля населения старше 60 лет достигнет 35%, соответственно, уровень государственной поддержки пенсионеров может понизиться, а значит населению необходимо заранее сформировать дополнительные, не зависящие от государства сбережения [9]. Еще одним фактором риска для старшего поколения является недоверие к финансовым институтам, из-за которого многие россияне предпочитают хранить дома свои накопления, превращая их

в неработающие резервы, не приносящие дополнительного дохода [10]. С другой стороны, именно в пожилом возрасте люди зачастую становятся жертвами различного рода финансовых мошенников, что можно предотвратить с помощью подробного объяснения возможных последствий, обусловленных финансовой безграмотностью, а это уже может формировать мотивацию для получения финансовых знаний.

Проблемы формирования финансовой культуры взрослых обучающихся

Еще одна сложность, характерная для обучения финансовой грамотности населения: взрослые люди излишне уверены в оценке уровня своих финансовых знаний. Это подтверждают, в частности, данные, полученные в результате анкетирования слушателей курсов повышения квалификации в Институте перспективных транспортных технологий и переподготовки кадров (ИПТТ и ПК СГУПС, г. Новосибирск) и преподавателей Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС), не имеющих экономического образования⁵.

В опросе приняли участие 422 человека – руководители среднего звена, работающие в различных структурных подразделениях ОАО «РЖД» (318 слушателей курсов повышения квалификации по программам «Корпоративный лидер» и «Основы бережливого производства», занимающие должности неэкономического профиля), и преподаватели СГУПС (104 преподавателя кафедр неэкономического профиля). В целом, свои знания в области финансовой грамотности на «отлично» оценили всего 3% опрошенных, а почти 60% согласились с оценкой «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» (см. рис. 2, табл. 1).

Источник: рассчитано авторами по данным проведенного опроса.

Рис. 2. Оценка собственного уровня финансовой грамотности респондентами

⁵ Анкетирование проводилось с февраля по ноябрь 2019 г. по инициативе авторов, которые разработали содержание анкеты и проанализировали полученные результаты. Квотная выборочная совокупность формировалась с помощью эмпирического подхода к отбору респондентов (возраст 25+, среднее профессиональное и/или высшее образование неэкономического профиля, наличие работы, необходимость повышения квалификации).

Таблица 1

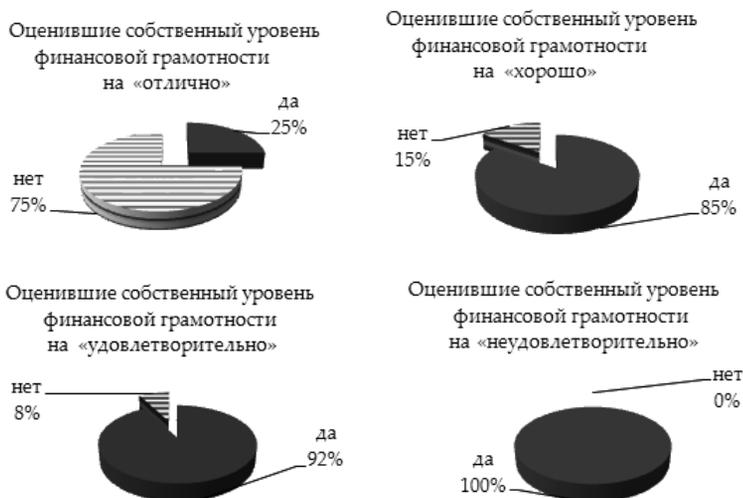
Сводные результаты анкетирования руководителей среднего звена структурных подразделений ОАО «РЖД» и преподавателей СГУПС

Вопрос	Варианты ответов	Оценка собственного уровня финансовой грамотности респондентами. Количество ответов респондентов, % (значимость по хи-квадрату Пирсона)			
		«отлично»	«хорошо»	«удовлетворительно»	«неудовлетворительно»
Оцените свою финансовую грамотность	отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно	3	38	53	6
Испытываете ли Вы стресс из-за денег?	да	25	43,5	52,3	100
	нет	75	56,5	47,7	0
	в целом по респондентам: да – (51 %), нет – (49 %); (p < 0,001)				
Обеспокоены ли Вы своим финансовым благополучием в будущем?	да	25	84,8	92,3	100
	нет	75	15,2	7,7	0
	в целом по респондентам: да – (88 %), нет – (12 %); (p < 0,001)				
Имеете ли Вы финансовую подушку безопасности?	да	100	50	36,9	0
	нет	0	50	63,1	100
	в целом по респондентам: да – (42 %), нет – (58 %); (p < 0,001)				
Ведете ли Вы учет доходов и расходов?	да	100	30,4	41,5	0
	нет	0	69,6	58,5	100
	в целом по респондентам: да – (37 %), нет – (63 %); (p < 0,001)				
Знаете ли Вы, сколько денег потратили за месяц?	да	100	82,6	80	42,9
	нет	0	17,4	20	57,1
	в целом по респондентам: да – (79,5 %), нет – (20,5 %); (p < 0,001)				
Хотели бы Вы иметь возможность видеть, сколько денег Вам начислено в любой текущий момент и при желании получать заработную плату ежедневно?	да	75	21,7	33,8	14,3
	нет	25	78,3	66,2	85,7
	в целом по респондентам: да – (29,5 %), нет – (70,5 %); (p < 0,001)*				

* проведен анализ многопольных таблиц сопряженности с использованием критерия хи-квадрат.

Источник: рассчитано авторами по данным проведенного опроса.

По результатам опроса, обеспокоены своим финансовым благополучием в будущем 88% опрошенных руководителей даже такой стабильной компании, как ОАО «РЖД», которая гарантирует своим работникам социальную защищенность, поддержку и пенсионное обеспечение (см. рис. 3). Регулярно испытывают стресс из-за денег 51% респондентов. При этом не имеют финансовой подушки безопасности 58% опрошенных, не ведут учет доходов и расходов 63% и более 20% даже не знают, сколько денег потратили за месяц.

Источник: рассчитано авторами по данным проведенного опроса.

Рис. 3. Распределение ответов респондентов по вопросу обеспокоенности будущим финансовым благополучием

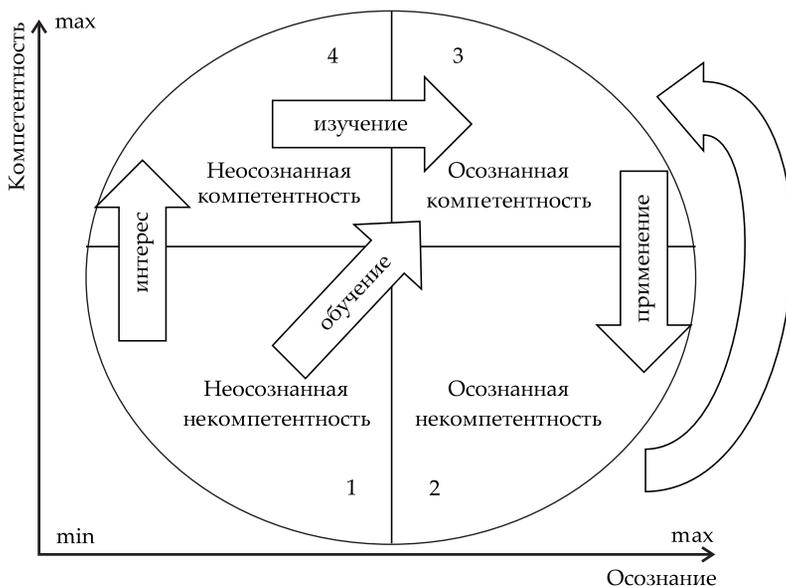
Об излишней самоуверенности в оценке уровня финансовых знаний говорят следующие результаты опроса. Среди категории опрошенных, оценивших свою финансовую грамотность как хорошую, 50% не имеют финансового резерва на случай непредвиденных обстоятельств и 69,5% не ведут учет доходов и расходов.

Несмотря на характерную почти для 90% опрошенных обеспокоенность своим финансовым благополучием в будущем, взрослые люди пока не воспринимают образовательный процесс как средство для решения собственных затруднений в реальной жизни. В ходе опроса респондентам было предложено проранжировать 10 основных факторов, влияющих на выбор места работы, среди которых была отмечена возможность обучения за счет работодателя. В результате выяснилось, что, даже не затрачивая на обучение материальные ресурсы, хотели бы получать знания меньше трети респондентов, которые поставили этот фактор в середину списка. Для остальных, почти 70%-ти руководителей, возможность обучения занимает последнее или предпоследнее

место по значимости. В группе тех, кто считает, что они обладают хорошими и отличными финансовыми компетенциями, необходимость непрерывного образования и развития оценена еще ниже. Только 22% респондентов этой группы будут хоть как-то учитывать возможность бесплатного образования при выборе места работы, поставив этот фактор на 5 место из 10. Остальные и вовсе пренебрегают данной возможностью.

Для того чтобы выявленная обеспокоенность будущим финансовым положением переросла в конкретные действия, выражающиеся в получении необходимых знаний, необходима мотивация, которая, по мнению психологов, приводит в движение организм [11]. В свою очередь, мотивация возникнет при осознании отсутствия утилитарных знаний и навыков.

На рис. 4 показан так называемый круг компетентности, или круг обучения. Он представляет собой четырехэтапный переход от начального состояния (неосознанной некомпетентности) к конечному (неосознанной компетентности) [12]. Человек, находящийся в поле неосознанной некомпетентности, просто не видит областей, где он чего-то не знает, то есть не осознает своей некомпетентности. В какой-то момент такой человек может считать, что все знает и умеет. Для перехода на следующий этап требуется выявленная индивидуумом потребность в получении знаний или умений. Неосознанная некомпетентность не дает толчка к развитию: необходимо получить конкретный опыт,

Источник: составлено авторами по: [9].

Рис. 4. Круг компетентности

чтобы осознать степень своего незнания и того, какие именно навыки не сформированы. Только когда выявляются зоны, в которых участники обучения не компетентны, возникает мотивация у обучающихся: они должны понять и поверить, что есть проблема, и захотеть в ней разобраться. В этот момент появляется осознанная некомпетентность, рождается понимание того, что нужно двигаться дальше, и готовность к получению новой информации.

На уровне осознанной некомпетентности человек понимает, что он в чем-то несовершенен, однако он не знает, как ему нужно устранить это несовершенство, чему научиться. В этот момент он готов к получению новой информации, и если его поиски увенчаются успехом, то он оказывается на следующем уровне – на уровне осознанной компетентности.

На этом уровне (осознанная компетентность) освоены необходимые навыки, но они, как правило, не доведены до автоматизма. И если человек уже может достаточно хорошо объяснить, что и как он делает, то инструмент он применяет не вполне уверенно. Со временем его умение оттачивается, он многие вещи начинает делать, не задумываясь, и переходит на уровень неосознанной компетентности. Неосознанная компетентность – это уровень мастера, когда качественно выполняются разные задачи, причем в условиях разной сложности, а умения отточены до автоматизма. При этом зачастую возникает ситуация бессознательно сформированного навыка, когда человек решает поставленную задачу, не задумываясь, и не может до конца объяснить, что, как и почему он сделал. Оставаться на этом уровне можно до тех пор, пока среда или другие люди и темп развития технологий не предъявят новых требований. Тогда круг компетентности запустится с самого начала.

Исходя из вышесказанного, поставщикам образовательного контента необходимо обеспечить приобретение таких знаний, умений и навыков, которые будут встроены в сферу личных интересов или профессиональной деятельности с учетом факторов повышения мотивации взрослых в процессе обучения [12; 13].

Потребность в получении знаний, навыков и установок в сфере финансового поведения достаточно высока у педагогических работников (87%), но у слушателей ИПТТиПК уровень осознания необходимости финансовой грамотности ниже среднего (30%). Таким образом, у них низкая мотивация в получении спонтанного (информального) образования, свою финансовую безграмотность они не осознают, в отличие от преподавателей, для которых естественно желание получить недостающие знания и навыки. Поэтому мы предлагаем для формирования финансовой культуры взрослого населения использовать все составляющие системы непрерывного образования: формальное, неформальное и спонтанное.

Проект непрерывного финансового образования

Нами разработан проект «Обучение финансовой грамотности взрослого населения в условиях непрерывного образования (НО)», целями которого являются создание систем мотивации формирования индивидуальных образовательных траекторий, контроля и признания результатов непрерывного образования (см. рис. 5).

Результат 1. Создание системы формирования индивидуальных траекторий	<ul style="list-style-type: none"> • Диагностика индивидуальных потребностей работников в НО. • Разработка плана мероприятий по реализации индивидуальных траекторий. • Организация процесса реализации плана мероприятий по НО.
Результат 2. Создание системы мотивации и стимулирования специалистов	<ul style="list-style-type: none"> • Определение наиболее эффективных методов стимулирования. • Разработка модели компетентного специалиста как средство мотивации в НО. • Разработка критериев оценки компетенций в созданной модели.
Результат 3. Создание системы контроля и оценки НО	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация плана повышения квалификации в течение определенного периода. • Внедрение полученных компетенций в своей профессиональной деятельности. • Получение квалификационной категории (для педагогических работников).
Результат 4. Создание системы признания результатов НО	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация системы признания результатов обучения. • Реализация системы общественного признания. • Наличие победителей и призеров конкурсных мероприятий.

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Обучение финансовой грамотности взрослого населения в условиях непрерывного образования

Предлагаемый проект представляет интерес и может быть реализован только теми работодателями, которые относятся к персоналу не как к ресурсу, а как к заинтересованной в общем деле стороне, используя в первую очередь удовлетворенность и вовлеченность своих сотрудников, возможность профессионального роста, а не только монетарные инструменты мотивации, которые, как известно, не дают ожидаемых результатов [14]. Такой работодатель заинтересован в финансовой грамотности сотрудника, предполагающей не только его материальную стабильность, а значит, и психологическую устойчивость, но и отсутствие стремления найти подработку в ущерб основному виду деятельности. Для него такие качества работника, как ответственность, самоконтроль, стремление развиваться, представляют самостоятельную ценность.

Для создания системы формирования индивидуальных траекторий необходимо диагностировать индивидуальные потребности специалистов: разработать анкеты для определения индивидуальных потребностей и сформировать базу типовых потребностей и индивидуальных

запросов работников по приобретению компетенций; составить перечень требований к компетенциям работников, диагностировать уровни компетенций с помощью анкетирования, тестирования и других методов, обработать и проанализировать результаты диагностики.

Повышение квалификации персонала – процесс, необходимый для любого предприятия, – от него зависит не только эффективность труда, но зачастую и позиция компании на рынке. Если финансовая грамотность входит в сферу профессиональной деятельности сотрудника, то инициатором повышения уровня таковой выступает работодатель. Если же формирование финансовой культуры является зоной личностного развития сотрудника, то инициатором такого обучения может выступить заинтересованный сотрудник, а работодателю целесообразно использовать его как один из эффективных инструментов мотивации персонала качественно выполнять работу. Поэтому следующей задачей работодателя (руководства компании, менеджера по персоналу (HR), отдела кадров) на этом этапе является разработка плана мероприятий по реализации индивидуальных траекторий: составление перечня мероприятий по реализации формального непрерывного образования на три года, составление плана мероприятий по неформальному образованию на один год и разработка индивидуальной дорожной карты. Для выполнения этой задачи необходимо: провести мониторинг рынка образовательных услуг в сфере формального образования, соотнести предложения с запросами работников и оценкой финансовых возможностей организации; если финансовые возможности предприятия не позволяют оплатить формальное образование, то создать условия для получения и учета результатов неформального (семинары, тренинги, которые проводят сотрудники предприятия, коллеги) и неформального образования (достаточно широкий контент бесплатных публичных лекций, интернет-материалов, интерактивных курсов). Завершает этот этап организация процесса реализации плана мероприятий по непрерывному образованию: сопровождение индивидуальной образовательной траектории личностного роста, контроль процесса реализации и получение обратной связи.

Создание системы мотивации и стимулирования специалистов предполагает выявление наиболее эффективных методов стимулирования (материальных и нематериальных), разработку модели компетентного специалиста как средство мотивации в непрерывном образовании и критериев оценки компетенций в созданной модели. Для того чтобы сформировать систему контроля и оценки, необходимо реализовать план повышения квалификации в течение определенного периода (документальное подтверждение обучения, представление проекта на методическом семинаре); внедрение полученных компетенций в своей профессиональной деятельности (разработка и прове-

дение мастер-классов и др.); для педагогических работников – получение квалификационной категории. Если же обучение финансовой грамотности входило в зону личностного развития сотрудника и не сопряжено непосредственно с выполнением его профессиональных обязанностей, то использовать результаты обучения в качестве неформального образования для других сотрудников, стимулируя вовлеченность в работу компании, осознание важности личного благополучия работников и удовлетворенность работой.

Для создания системы признания результатов непрерывного образования необходимо реализовать систему признания результатов обучения для специалистов (проведение и анализ результатов профессиональной общественной аккредитации); реализовать систему общественного признания (размещение научных и методических публикаций в печатных изданиях, СМИ, участие в конкурсах, проведение и анализ результатов независимой оценки качества). На уровнях неформального и информального образования для тех, в чьи профессиональные обязанности не входят знания и умения, полученные при обучении финансовой грамотности, система признания результатов организуется на корпоративном уровне: нематериальные стимулы в случае индивидуального обучения и, возможно, материальные, если сотрудник обучил своих коллег. Последний этап связан со сбором и анализом данных о результатах пройденных этапов и корректировки траектории непрерывного образования, если это необходимо для повышения его эффективности.

Заключение

Образовательный процесс в восприятии взрослого человека, осознающего потребность в обучении, является способом преодоления жизненных трудностей и разрешения конкретных проблем. Важность практической направленности образования, ожидание определенного результата являются основополагающими при выборе направления и источника получения знаний. Можно утверждать, что для взрослых востребованным форматом обучения станет тот, где будут предложены конкретные навыки и возможность получения эффекта от них в ближайшей перспективе, а не громкое имя поставщика знаний. Осознание, что образование необходимо для сохранения работы, развития карьеры, увеличения зарплаты, снижения затрат и так далее, будет основным стимулом для принятия сотрудником решения о получении дополнительных знаний, которые позволят работать эффективнее, что пойдет на пользу и сотруднику, и компании. Приобретение работником компетенции ответственного финансового поведения, способствующего улучшению его материального благополучия и успешной социализации в обществе, работодатель имеет право рассматривать как получение новой базовой компетенции

в рамках повышения квалификации, актуальной для любого направления и уровня образования⁶. Образовательным структурам, в свою очередь, необходимы гибкость и способность выстраивать индивидуальную траекторию обучения. В данном контексте повышение финансовой грамотности населения даст ощутимый результат и самим людям, и экономическим структурам, и государству в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Korshunov Ilya, Gaponova Olga. Lifelong Learning in the Context of Economic Development and Government Effectiveness // Voprosy obrazovaniya / Educational Studies M. 2017. No 4. P. 36–59. www.vo.hse.ru/data/2018/01/22/1163365965/Korshunov.pdf* (дата обращения: 03.10.2019).
2. Рейтинг финансовой грамотности регионов России. 2018. Аналитический центр НАФИ. nafi.ru/projects/finansy/rejting-finansovoy-gramotnosti-regionov-rossii-2018 (дата обращения: 16.10.2019).
3. *Бадмаева Н.В. Финансовая грамотность и финансовое поведение населения региона (на примере Калмыкии) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2016. Т. 1 (32). www.cyberleninka.ru/article/n/17028776* (дата обращения: 21.10.2019).
4. *Лавникевич Д. Страшное погружение. Почему экономика России уйдет в кризис раньше всего мира // Информационное агентство Минпром, 20.08.19. www.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Frusplt.ru%2Fsociety%2Frossiyane-gotovyidolgo-36911.html* (дата обращения: 08.10.2019).
5. Российская экономика: под влиянием кредитного цикла // Министерство экономического развития Российской Федерации. www.economy.gov.ru/material/rossiyskaya_ekonomika_pod_vliyaniem_kreditnogo_cikla.html (дата обращения: 30.01.2020).
6. *Старостина Ю. Жители российских городов зарабатывают меньше, чем считают справедливым // РБК, 15 августа 2019. www.rbc.ru/economics/15/08/2019/5d52d7389a7947480299ab23* (дата обращения: 08.10.2019).
7. Старшее поколение. Демографические показатели. Численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. www.gks.ru/folder/13877 (дата обращения: 30.01.2020).
8. Старение. Глобальные вопросы повестки дня. Общее будущее общими силами // Организация Объединенных Наций. www.un.org/ru/sections/issues-depth/ageing (дата обращения: 30.01.2020).
9. Мировой демографический прогноз (ООН, обновление 2017 г.) // АО «Центр развития трудовых ресурсов. Департамент прогнозирования. www.iac.enbek.kz/ru/publications?page=2 (дата обращения: 30.01.2020).

---

⁶ Статья 196 ТК РФ // Трудовой кодекс РФ. [www. http://tkodeksrf.ru/ch-3/rzd-9/gl-31/st-196-tk-rf](http://tkodeksrf.ru/ch-3/rzd-9/gl-31/st-196-tk-rf) (дата обращения: 02.02.2020); Статья 76. Дополнительное профессиональное образование // Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/18ecc06c654c0f2e1ffdf7fa3f8c1ef137f01615 (дата обращения: 02.02.2020).

10. Воздвиженская А. Запас карман не тянет. Пожилым надо повышать уровень финансовой грамотности // Российская газета. 2008. Федеральный выпуск № 231(7694). www.rg.ru/2018/10/15/pochemu-pozhilym-nado-povyshat-uroven-finansovoj-gramotnosti.html (дата обращения: 05.11.2019).
11. Фресс П., Пиаже Ж. Оптимум мотивации // Экспериментальная психология, 1975. М.: Прогресс. Вып. 5. С. 119–125. www.flogiston.ru/library/piazhe1 (дата обращения: 30.01.2020).
12. Филичев С.А. Формирование компетенций студентов технических вузов на основе моделей «круг обучения» и ТОТЕ // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 3 (35). С. 73–78.
13. Игropуло И.Ф. Программа работы с педагогическими кадрами «Технология проблемно ориентированного управления инновационными процессами в образовании». www.gigabaza.ru/doc/109803-pall.html (дата обращения: 08.11.2019).
14. Черников Б.В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 153–158.

ABOUT THE AUTHORS

Lerman Evgenia Borisovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Crisis Management of the Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia
gsv-73@yandex.ru

Solovieva Olga Borisovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia
rossignoll@inbox.ru

FORMATION OF FINANCIAL CULTURE IN RUSSIA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article is devoted to the problems of the formation of a financial culture among the adult population of Russia, whose low level affects the quality of life of Russians and leads to a decrease in their level of well-being. The causes of the situation are analyzed, the issues of teaching financial literacy of the adult population, identifying an indirect connection between the level of financial literacy and the age of a person, as well as the lack of awareness of the low level of their financial culture by adults and motivation to gain additional knowledge, are examined. The article presents the results of a survey of participants, conducted by the authors, (mid-level managers of the Open Joint Stock Company “Russian Railways”) of continuing education courses at the Institute of Advanced Transport Technologies and Staff Retraining of the city of Novosibirsk and lectures of the Siberian State Transport University, who do not have an economic education to assess their own level of financial literacy. The study revealed the key problems in managing the process of formation of the financial culture of adult students. As a solution to the problems of low financial literacy, an adult education project was presented, in which all the components of the continuing education system were used: formal, non-formal and informal.

Keywords: *financial culture, financial literacy index, deliberate incompetence, continuing education of adults.*
JEL: A23.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Е.Е. ШЕСТАКОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ПРОДЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ (ИЗ ОПЫТА СТРАН ОЭСР)

Статья посвящена вопросам повышения занятости лиц старших возрастных групп. Проведен анализ результатов внедрения новых пенсионных технологий, направленных на оптимизацию размеров государственных пенсий и длительное удержание работников на рынке труда, а также национальных экспериментов по использованию гибких графиков и специальных условий занятости для возрастных работников в странах ОЭСР. Сделан вывод, что дальнейшее повышение продолжительности трудовой жизни будет зависеть от изменения негативных стереотипов и подходов по отношению к работникам старших возрастных групп, использования бизнесом активной кадровой политики, учитывающих процесс старения населения.

Ключевые слова: старение населения, пенсионные реформы, занятость, квалификация, трудовой потенциал.

JEL: E24, H51, H55, J11, J26.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10008

Достаточно спорные с точки зрения экономической эффективности решения по повышению общего пенсионного возраста, особенно в условиях отсутствия роста качественных рабочих мест, принятие законодательных мер по социальной поддержке предпенсионеров, предполагающие введение формальной ответственности работодателей за увольнение или отказ в приеме на работу лиц данной категории, очередное изменение системы начисления пенсионных прав порождают в нашей стране острые дискуссии о соответствии принятых решений требованиям социальной реальности и экономической целесообразности. Основной задачей данной статьи является раскрытие на примере ряда экономически развитых государств содержания мер административного и, отчасти, экономического стимулирования

продления занятости лиц старших возрастных групп на основе совершенствования пенсионного законодательства и внедрения специальных программ содействия занятости для возрастных работников.

В экономически развитых странах задачи приспособления к новой демографической и социальной реальности и продления трудовой жизни работников стоят уже с конца 90-х годов прошлого века. Наибольшие опасения вызывают предполагаемый рост социальных расходов в условиях серьезных бюджетных дефицитов, повышение неравенства работников разных возрастных групп и снижение принятых стандартов жизнедеятельности граждан старших возрастных групп уже в недалекой перспективе. При этом, хотя с 2011 г. темпы роста продолжительности жизни при рождении заметно снизились¹ и будущие тренды не совсем ясны, показатели продолжительности жизни в среднем в странах ОЭСР у мужчин после 65 лет составляют более 18 лет, а у женщин приближаются к 22 годам [1, с. 25]. Для сравнения отметим, что в 1970 г. среднее время пребывания на пенсии мужчин составляло 11 лет, женщин – 14 лет [2, с. 38].

Острота дискуссий относительно перспектив функционирования пенсионных систем обусловлена в первую очередь ростом пенсионной нагрузки. В среднем в странах ОЭСР на 100 лиц возрастной категории 20–64 года приходится 28 человек в возрасте 65 лет и старше, в ЕС – 31 человек (для сравнения: в России – 21, а в КНР – 15 человек) [3, с. 10]. Учитывая разные сроки выхода на пенсию и различные подходы при установлении пенсионного возраста, еще более информативным является отношение экономически неактивных лиц в возрасте 50 лет и старше к 100 работающим гражданам всех возрастов. В 2018 г. данный показатель в среднем в странах ОЭСР составлял 42 человека, а в Италии, Франции, Бельгии он превышал 60 человек [2, с. 22].

С начала 2000-х годов наблюдается тенденция увеличения экономической активности лиц условного предпенсионного возраста (55–64 года). За последние 10 лет, несмотря на финансово-экономический кризис, разразившийся в данный период, их участие в рабочей силе выросло в среднем на 8%. Наиболее интенсивный рост занятости произошел в Бельгии, Германии, Нидерландах и Франции. Значительно в меньшей степени изменились показатели экономической активности лиц предпенсионного и раннего пенсионного возраста в США, Японии, Канаде и Великобритании [4, с. 7]. Хотя эффективный пенсионный возраст увеличился с конца 90-х годов, он ниже, чем в 1970 г., в большинстве стран (в среднем 68,8 лет у мужчин и 66,5 у женщин) [5, с. 178].

---

¹ У мужчин продолжительность жизни при рождении за 2011–2016 гг. выросла на 0,9 лет, а за 2005–2010 гг. – на 1,5 года, у женщин соответственно на 0,5 и 1,1 года.

Таблица 1

Занятость лиц старших возрастных групп и эффективный возраст ухода с рынка труда (2018 г.)

Страна	Эффективный пенсионный возраст (лет)*		Занятость (% от возрастной категории)	
	мужчины	женщины	55–64 года	65–69 лет
Австралия	65,3	64,3	63,8	28,5
Австрия	63,5	60,8	54,0	9,4
Бельгия	61,6	60,5	50,3	5,3
Великобритания	64,7	63,6	65,1	21,3
Германия	64,0	63,6	71,4	17,0
Дания	65,1	62,5	70,7	19,2
Испания	62,1	61,3	52,2	6,1
Италия	63,3	61,5	53,7	12,3
Канада	65,5	64,0	62,9	25,3
Нидерланды	65,2	62,5	67,7	17,0
Норвегия	66,1	64,1	72,0	29,5
США	67,9	66,5	63,1	31,9
Финляндия	64,3	63,4	65,4	14,1
Франция	60,8	60,8	52,3	6,5
Швеция	66,4	65,4	78,0	24,0
Швейцария	66,4	65,0	72,6	22,9
Япония	70,8	69,1	75,2	46,6
ЕС (28)	64,0	62,3	58,7	13,3
ОЭСР	65,4	63,7	61,5	22,3

*средний взвешенный по пятилетним возрастным когортам (начиная с возраста 40–44 года) возраст ухода с рынка труда.

Источник: OECD Employment Database, OECD Earning Distribution Database. www.oecd.org/els/emp/employmentdatabase-employment.htm.

Уровень активности на рынке труда лиц предпенсионного возраста (55–64 года) колеблется от 50% до более чем 70% (см. табл. 1). Наиболее высок он в Скандинавских странах и Японии. Увеличивается и занятость лиц более старшей возрастной группы (65–69 лет). Если в конце XX века работа после 65 лет была редким исключением, например, доля занятых мужчин в данной возрастной группе в 1995 г. составляла в Германии и Франции – 4–5% [4, с. 3], то в настоящее время в среднем в странах ОЭСР среди ранних пенсионеров (65–69 лет) экономически активными являются 22%.

Повышению экономической активности возрастных работников способствовал целый ряд условий социально-экономического характера: изменение политики на рынке труда, более не нацеленной на отправку на пенсию больших контингентов пожилых работников для замены их молодежью; повышение уровня жизни и образовательного уровня населения; улучшение состояния здоровья и совершенствование медицинских технологий, позволяющих эффективно преодолевать некоторые общие ограничения жизнеспособности пожилых работников. Эксперты ОЭСР считают, что изменение занятости широкой возрастной группы (55–74 года) в период 2002–2017 гг. на $\frac{1}{3}$ было обеспечено за счет улучшения популяционного здоровья и роста продолжительности жизни, на $\frac{1}{3}$ за счет повышения уровня образования и квалификации и на $\frac{1}{3}$ благодаря реформированию систем пенсионного страхования [6, с. 28–29]. В связи с ростом экономической активности женщин в возрасте 55–64 года на рынке труда гендерная разница в занятости в данной возрастной группе за последние 10 лет снизилась на 3%, составив в 2018 г. 18% в среднем по ОЭСР, а в Скандинавских странах и во Франции этой разницы уже нет [2, с. 19].

Можно выделить три основные направления деятельности западных государств по увеличению занятости лиц старших возрастных групп: административное принуждение и экономическое стимулирование работников продолжать трудовую деятельность; поддержка работодателей в их действиях по найму и сохранению рабочих мест для возрастных работников; повышение конкурентоспособности лиц старших возрастных групп на постоянно изменяющемся рынке труда. При этом ключевым инструментом политики продления трудовой жизни, с нашей точки зрения, в западных странах можно считать пенсионные реформы, включающие широкий спектр изменений правил и условий начисления пенсий, – от повышения официального пенсионного возраста до изменения структуры пенсионных систем, введения балльных схем, условных и реальных накопительных счетов. В основном данные трансформации нацелены на снижение уровня замещения государственных пенсий и косвенное стимулирование работников самостоятельно или с помощью работодателей накапливать на пенсию и стремиться более длительное время оставаться на рынке труда.

Переход на новые возрастные параметры пенсионного обеспечения задумывался как хорошо подготовленный и постепенный процесс, занимающий два и более десятилетия. В то же время ряд государств уже пересмотрели первоначальные планы по повышению пенсионного возраста. Польша вместо намеченных 67 лет вернулась к уровню 60 лет для женщин и 65 для мужчин. Отказались от повышения до 67 лет официального пенсионного возраста Канада и Чехия, а Словакия, Италия и Испания свои планы скорректировали.

Существенные трансформации претерпели и другие параметры пенсионных систем, в частности, возможность использования работниками досрочного ухода с рынка труда на пенсию. Как показывает практика, официальный возраст выхода на пенсию меньше влияет на занятость лиц старших возрастных групп, чем минимально разрешенный или ранний возраст выхода на пенсию. За 2013–2018 гг., не достигнув 60 лет, вышли на пенсию четверть работников в 25-ти странах ОЭСР (по которым есть соответствующая информация) [2, с. 38]. Но в то же время проявилась тенденция снижения количества претендентов на ранние пенсии. Так, в Бельгии доля выходящих на пенсию до официального пенсионного возраста снизилась за последние два десятилетия с 25% до 10%, а в Дании – с 17% до 4% [6, с. 10]. В ряде стран возможность раннего выхода на пенсию ограничивается увеличением необходимого минимального стажа для получения государственной пенсии или предусмотрено существенное сокращение размеров начисленной пенсионной выплаты (на 3,5–7% за каждый недоработанный год), в других – такая опция вообще ликвидирована.

Ранние пенсии до сих пор рассматриваются работодателями как достаточно эффективный способ ротации кадров, а для работников – это возможность с меньшими потерями сменить статус безработного на пенсионера. Среди стран, где есть возможность досрочного выхода на пенсию, минимально необходимый для этого возраст был увеличен только в 7-ми государствах, а в большинстве он не изменился и составляет от 2 (Германия) до 5 лет (Дания, Испания) [7]. Но надо учитывать, что в ряде стран (Франция, Швеция, Австралия) предусмотрена возможность получения пенсионных выплат из профессиональных пенсионных систем со значительно более раннего возраста – с 55 лет [5, с. 138].

Льготной категорией работников, имеющих возможность выйти на пенсию раньше официально установленного срока без снижения ее размера, могут являться занятые на работах в сложных (вредных) и опасных условиях. В отношении данной категории занятых применяются два подхода. Во-первых, официальное признание опасного или сложного характера условий труда для достаточно широкого круга видов деятельности (Бельгия, Испания, Франция, Италия и др.), либо ограниченного 1–2 видами (Германия, Норвегия). Во-вторых, отсутствие законодательно установленного признания, официальной политики и, соответственно, пенсионных льгот в отношении работников, занятых на таких рабочих местах, но положения о льготах могут содержаться в коллективных договорах, заключаемых социальными партнерами (Швеция, Дания, Швейцария, Нидерланды, Великобритания). При этом даже в странах с широким списком опасных и вредных условий на данных рабочих местах занято 1–4% всей рабочей силы. Для данной категории работников может быть предусмотрен досроч-

ный уход на пенсию – на 3–4 года раньше официально установленного срока без каких-либо финансовых санкций, но и одновременно установлен дополнительный страховой платеж (от 1,5 до 11% заработной платы). Доля пенсионеров, попадающих в категорию работавших в неблагоприятных условиях, в целом не превышает 5–8% их общей численности [8].

Если досрочный уход – распространенная практика, то продолжение работы после достижения пенсионного возраста или применение схем постепенного выхода на пенсию пока во многих (но не во всех) странах ОЭСР используются в ограниченных объемах. При выполнении всех квалификационных условий откладывание получения пенсии после достижения пенсионного возраста в большинстве случаев влечет за собой ощутимое ее повышение. В среднем такой бонус составляет 5,5% за каждый дополнительный год (до определенного возраста) [5, с. 141]. Кроме того, законодательство большинства стран ОЭСР разрешает комбинировать работу и получение пенсии после достижения пенсионного возраста. В этом случае лимиты на размер заработной платы при получении полной государственной пенсии действуют только в 7 странах. При выполнении определенных условий в ряде стран есть и возможность получения пенсии или ее части и доходов от работы до достижения пенсионного возраста, но уже с учетом действующих лимитов на доходы. Если в период работы делаются страховые взносы, то они учитываются при дальнейшей корректировке пенсионных выплат. Исключение составляет только Франция, где работник не зарабатывает дополнительных прав, если продолжает работать, хотя и делает взносы. Канадское и немецкое законодательство разрешает работающим пенсионерам самим принимать решение относительно дальнейшего участия в пенсионном страховании. Так, с 2017 г. в Германии работники, продолжающие трудовую деятельность после достижения официального пенсионного возраста, могут самостоятельно выбирать, продолжать им платить пенсионные взносы для получения более высокой пенсии или нет. В целом сочетание получения пенсии и работы зависит от правил пенсионного обеспечения в странах, дизайна пенсионных систем и их структуры. В европейских странах в среднем только 10% лиц в возрасте 60–69 лет комбинируют работу и получение какого-либо вида пенсии (в странах Южной Европы – менее 1%, в Швеции и Великобритании – 16–17%), в США эта доля приближается уже к 20% [9].

Практика постепенного ухода на пенсию (получения части пенсии и, как правило, части заработной платы до достижения официального пенсионного возраста) как наиболее адекватного и щадящего способа продления трудовой жизни с учетом интересов возрастных работников пока не получила широкого распространения. Но возможно,

в ближайшей перспективе, учитывая складывающиеся тенденции на рынке труда, ситуация изменится. Этому также может способствовать расширение разнообразия используемых схем². Уже разработаны и действуют многочисленные национальные и секторальные схемы, а конкретные условия могут оговариваться в коллективных договорах. Национальные схемы в основном финансируются через госбюджет, секторальные – на основе страховых взносов социальных партнеров. В Австрии, например, можно сокращать часы работы на 40–60% и одновременно получать часть пенсии и 70–80% заработной платы. Действуют и схемы, финансируемые за счет накоплений самих работников (например, во Франции и Германии). Если первые национальные схемы частичного ухода на пенсию вводились с целью сделать процесс перехода на пенсию постепенным, то в настоящее время главная цель – интегрировать неактивных или безработных лиц старших возрастных групп в рынок труда.

Использование гибких форм занятости, в частности, сокращение рабочего времени, считается в целом одним из возможных способов продления активной трудовой жизни лиц старших возрастных групп. Но условия такой занятости в каждой стране имеют свои особенности. В Норвегии работник в возрасте 62 года и старше по закону может работать неполное рабочее время, но без компенсации снижения заработной платы. В Бельгии, согласно общенациональному коллективному соглашению, лица в возрасте 45 лет и старше имеют возможность сокращать рабочее время на 2–4 часа в неделю при сохранении полной заработной платы. В целом, судя по обобщенным статистическим данным, сокращение продолжительности рабочей недели работников старших возрастных групп более значительно в Скандинавских государствах и Великобритании (3–6 часов), в Германии и странах Южной Европы это сокращение незначительно или вообще отсутствует.

Использование схем сокращения рабочего времени может служить не только цели продления трудовой деятельности лиц старших возрастов, что стало актуальным в последние годы, но и таким целям, как перераспределение рабочего и нерабочего времени для повышения или изменения квалификации, уход за членами семьи, постепенный переход на пенсию по состоянию здоровья. Вместе с тем данная практика может рассматриваться как своеобразный способ вытеснения пожилых работников с рынка труда (с их согласия или без него), вынужденного перехода от полной к частичной занятости, даже если состояние здоровья и семейные обстоятельства позволяют сохранять

² Частичный выход на пенсию применяется в Дании, Германии, Франции, Италии, Норвегии, Швеции, но не используется в Португалии, Ирландии и в большинстве стран Восточной Европы.

полную занятость. С этих позиций частичная занятость является завуалированной возрастной дискриминацией и более предпочтительным представляется использование опыта стран, в которых право на сокращение рабочего времени предоставляется всем работникам, а не только возрастным. Так, в Канаде, согласно нормативным положениям (Flexible Working Arrangements), все наемные работники, имеющие обязанности по уходу за зависимыми членами семьи, имеют право на установку гибкого графика работы. В Великобритании, в соответствии с Законом об уходе 2014 г. (Care Act), на местные органы власти возлагается новая обязанность: поддерживать лиц, оказывающих долгосрочный уход за своими близкими, способствовать их восстановлению на работе и обеспечивать уход во время выполнения ими своих трудовых обязанностей [3, с. 49].

Нестандартные формы занятости наиболее распространены именно среди работников в возрасте 65 лет и старше. Если среди лиц в возрасте 25–54 года и 55–64 года более 60% работают на стандартных условиях (полное рабочее время, длительные или бессрочные контракты), то в группе 65–74 года – только 15%. Треть наиболее пожилых работников заняты неполное рабочее время (среди 55–64-летних – 16%, в группе 25–54 года – 13%). Среди работающих после пенсионного возраста 14% имеют срочные трудовые контракты (для предпенсионного возраста – только 5%). При этом к категории самозанятых относятся 38% работающих в возрасте 65–74 года, что более чем в два раза превышает соответствующий показатель других основных возрастных групп [5, с. 70]. Доходы от занятости лиц в возрасте 65 лет и старше в США и Японии составляют треть их общих доходов, в Австралии и Канаде – четверть, а в европейских государствах колеблются в пределах 5–15% [3, с. 19].

Ключевым вопросом для наиболее полного применения трудового потенциала и осуществления эффективной политики занятости лиц старших возрастных групп является поддержка и поощрение работодателей нанимать и длительно использовать возрастных работников на качественных рабочих местах. Но нужно принимать во внимание, что несмотря на законодательно закрепленное в подавляющем большинстве стран запрещение возрастной дискриминации и борьбу с практикой обязательного увольнения лиц, достигших пенсионного возраста, работники старших возрастных групп в своей массе характеризуются невысокой востребованностью на рынке труда и ограниченным потенциалом трудоустройства. У значительной доли работодателей и менеджеров в отношении возрастных работников действует целый ряд традиционных предубеждений, связанных с опасениями быстрого обесценения их знаний и опыта в современных условиях, возрастными ограничениями способности к адаптации и восприятия

нововведений, снижением в силу физических возможностей производительности труда, меньшей заинтересованности в повышении уровня своих знаний и квалификации и, наконец, более высокими расходами на рабочую силу с большим трудовым стажем.

Согласно данным Евробарометра, наиболее лояльными к пожилым работникам являются менеджеры Италии и Великобритании. Только 35–40% из них заявили, что считают возраст негативным фактором при трудоустройстве, в Германии таких менеджеров – 65%, во Франции и Нидерландах – уже 70–75% [2, с. 53]. Обследование 2017 г. в США показало, что 2 из 3 респондентов в возрасте 45 лет и старше сталкивались или сталкиваются с возрастной дискриминацией на работе. Даже в Скандинавских странах, с их высокой долей занятости среди пожилых и хорошо выстроенной политикой в сфере трудоустройства, барьеры при поиске работы возникают уже при достижении 55 лет, и претенденты на вакансии этого возраста имеют наиболее низкие шансы получить приглашение на собеседование [10, с. 24–25].

В странах пока не накоплен достаточный опыт жизни в условиях быстро меняющейся в сторону старения возрастной структуры населения. Тем не менее уже имеющаяся практика дает основания считать, что значительная часть опасений относительно недостаточной эффективности использования труда работников старших возрастов не имеет под собой реальных оснований. Некоторое возрастное снижение скорости обработки информации, например, может компенсироваться за счет богатого трудового опыта и высокой мотивированности. В целом разница в производительности труда в большей степени проявляется внутри возрастных групп, чем между ними. Ограниченное распространение имеют и доплаты за стаж: в среднем 10 дополнительных лет работы у одного работодателя увеличивают размер заработной платы на 6% (ниже в Скандинавских странах, выше в США и Японии). Все более распространенной политикой в сфере оплаты труда является учет при ее назначении результативности и производительности труда, а не стажа и возрастных характеристик. В то же время очевидно, что цифровизация экономики генерирует глубокие и быстрые изменения на рынке труда. Возрастные работники потенциально более подвержены риску обесценения квалификации и потере рабочего места. Поэтому, чтобы поддерживать их способность к трудоустройству, требуются меры специальной помощи по адаптации на быстро меняющемся рынке труда. В качестве барьера может выступать и недостаточная готовность возрастных работников к профессиональной мобильности. Согласно Обследованию уровня квалификации работников (Survey of adult skills), треть лиц в возрасте 55–65 лет не имеют опыта работы на компьютере и только четвертая часть использует Интернет и электронную почту в ежедневной

работе (среди лиц основного трудоспособного возраста этот показатель составляет не менее половины) [3, с. 50]. Но есть все основания предполагать, что будущие поколения пожилых работников будут в большей степени приспособлены к использованию современных технологий.

Наличие профессиональной подготовки расширяет спектр вариантов трудоустройства³. Хотя даже большой образовательный потенциал недостаточно защищает его носителей от обесценивания традиционного профессионального образования и безработицы. Если работники собираются длительное время продолжать трудовую деятельность, они должны иметь доступ к программам повышения или даже изменения своей квалификации, пользоваться услугами психологической поддержки и социальной адаптации на рынке труда. Участие лиц в возрасте 55–64 года в программах переподготовки, как правило, на 15–25% ниже, чем среди работников в возрасте 25–54 года [3, с. 52]. Но проблема не в количественных показателях. Очевидно, что эффективная подготовка должна отвечать потребностям работников, приближающихся к концу своей карьеры, фокусироваться на практических знаниях, непосредственно связанных с рабочими задачами, на формировании умений и навыков, которые требуются в новых видах деятельности, связанных с цифровой экономикой. Примерами целевых программ по профессиональному обучению работников возрастной группы старше 45 лет в Германии является We Ge BAU, направленная на переподготовку пожилых и низкоквалифицированных работников для обеспечения им возможности оставаться на своих рабочих местах, а в Австралии – программа Career Transition Assistance. Ряд государств, в том числе и Германия и Нидерланды, приняли специальные законодательные акты, касающиеся противодействию возрастной дискриминации при организации профессиональной подготовки.

Еще одна новая тенденция – активная пропаганда необходимости повышения интереса и мотивации самих работников инвестировать в повышение своей квалификации. На заводах французских компаний Рено и Пежо работники получили возможность формировать специальные накопительные счета на профессиональную подготовку и управлять своими программами повышения квалификации. В среднем в возрастной группе 60–64 года в течение 5 предыдущих лет сохраняет занятость 50% работников (более 60% – в Швеции, Германии и Нидерландах и ниже 30–35% – во Франции и Бельгии).

Наиболее болезненным вопросом является безработица лиц предпенсионного и даже среднего возраста. Доля безработных в возрасте

---

³ Занятость лиц в возрасте 55–64 года с высшим образованием в Швейцарии, Германии и США составляет 75–80%, с неполным средним – 40–55%

55 лет и старше в среднем в странах ОЭСР в 2018 г. составила менее 5% (в 2008 г. – 10%). Однако работники старших возрастов значительно чаще сталкиваются с ситуацией, когда найти подходящую работу практически невозможно. Доля найма лиц в возрасте 55–64 года на 30–50% ниже, чем других возрастных категорий [2, с. 51]. Поэтому среди них высок уровень «скрытой безработицы».

Законодательство, защищающее занятость, с одной стороны, отвечает интересам отдельных групп работников, с другой – может негативно отражаться в целом на перспективах занятости пожилых или даже лиц более молодых возрастных категорий. Почти в половине стран ОЭСР увольнение пожилых работников, с административной точки зрения, создает дополнительные сложности для руководства предприятий и фирм. Кроме того, работодатели могут сталкиваться и с дополнительными косвенными расходами при найме пожилых работников. Речь идет о возможных ограничениях на сверхурочную, сменную работу, занятость на определенных участках работы для лиц старше определенного возраста.

Повышению эффективности содействия трудоустройству лиц предпенсионного возраста должны способствовать опережающее профессиональное обучение работников, находящихся под угрозой потери работы, временное трудоустройство, оказание адресной индивидуализированной поддержки работникам. Смягчать экономические трудности, с которыми сталкиваются лишившиеся работы граждане, призваны программы страхования по безработице. Ряд государств продолжают выплачивать пожилым безработным соответствующие пособия более длительный период, чем другим возрастным группам (Финляндия, Нидерланды, Франция, Германия), в других – не предусмотрено каких-либо различий и сам период выплат колеблется от полугода (США, Великобритания) до двух и более лет (Бельгия, Швеция, Норвегия).

В преодолении мифов и стереотипов в отношении пожилых работников важную роль играют финансируемые государством масштабные информационные кампании, направленные на повышение осведомленности общества и работодателей о преимуществах возрастной диверсификации рабочей силы. Такие кампании проводились во многих Скандинавских странах, Великобритании, Австралии. В Нидерландах реализуется широкая программа «Вакансии для всех возрастов», содержащая положения, разъясняющие, что сообщения о вакансиях в СМИ и Интернете не должны носить дискриминационного характера в отношении лиц любых возрастов.

В странах ОЭСР также действуют и различные программы финансовой поддержки работодателей, нанимающих возрастных работников (50 лет и старше). Для этого в Германии используют субсидирова-

ние заработной платы, в Бельгии и Нидерландах – скидки со страховых взносов, в Австрии налоговые льготы для работодателей. Венгрия в 2018 г. отменила выплату страховых взносов для работников пенсионного возраста, остающихся на рынке труда [11, с. 53].

Во Франции была взята на вооружение так называемая активная политика управления возрастом. Французские компании должны разрабатывать планы действий и включать в коллективные договоры меры, направленные на сохранение в коллективе пожилых работников. Возможно, в силу формального характера или за счет непродолжительного периода действия, но пока серьезной практической отдачи эти меры не принесли. Можно привести и другие не слишком удачные примеры использования в стране экономических рычагов для снижения увольнений работников предпенсионного возраста. В частности, речь идет об обязанности французских работодателей перечислять значительные суммы в Фонд занятости при увольнении работников в возрасте 55 лет и старше. Непосредственным результатом данного решения стал массовый отказ работодателей от найма лиц старше 50 лет из-за опасений, что возникнет необходимость выплачивать высокие штрафы. В итоге в стране сохраняется относительно высокий уровень открытой (см. табл. 2) и скрытой безработицы среди лиц старших возрастных групп, а доля занятых среди лиц и с высшим, и с неполным средним образованием существенно ниже, чем в Германии, США и Швейцарии [3, с. 12].

Франция – не единственная страна, которая ищет пути повышения заинтересованности работодателей в использовании трудового потенциала возрастных работников. В Норвегии с начала 2000-х годов применяется практика заключения коллективных трехсторонних договоров, содержащих положения по проведению «дружественной политики в отношении старших возрастных групп», включая использование гибких графиков работы и частичного выхода работников на пенсию. Но на основе полученных результатов был сделан вывод, что подобные инициативы должны быть дифференцированы по секторам и отраслям экономики.

Необходимыми условиями обеспечения длительной трудовой жизни считаются и повышение качества рабочих мест, и меры по поддержанию хорошего состояния здоровья работников всех возрастов. В последние годы страны ОЭСР предприняли значительные усилия по снижению психолого-социальной нагрузки на рабочих местах, по использованию финансовых инструментов, стимулирующих работодателей улучшать условия труда. Хотя каждое четвертое рабочее место связано с дополнительными нагрузками, например, ненормированным рабочим временем, сменной занятостью, в целом условия труда пожилых работников, как показывают результаты обследований

**Характеристика положения лиц в возрасте 55–64 лет на рынке труда
(2018 г., в % от занятых данной возрастной группы)**

Страна	Доля занятых неполное рабочее время	Срочные трудовые контракты	Самозанятые	Сохранение занятости в течение 5 лет	Участвующие в переподготовке	Безработные (% ЭАН данного возраста)
Австралия	29,0	3,5	19,6	31,0	32,2	4,3
Австрия	31,8	4,3	14,3	54,0	55,0	3,9
Бельгия	33,3	3,4	15,4	34,5	44,3	3,6
Великобритания	32,0	4,1	19,3	50,7	43,1	3,3
Германия	30,1	3,3	13,1	58,6	47,7	2,9
Дания	15,0	4,0	9,9	50,0	44,3	3,6
Испания	11,2	12,8	19,2	52,3	36,8	13,8
Италия	14,4	7,2	25,9	52,5	45,1	5,7
Канада	17,2	3,4	21,7	52,6	47,4	5,4
Нидерланды	47,8	7,6	21,6	60,0	65,3	4,5
Норвегия	23,5	2,2	8,4	69,7	54,6	1,6
США	20,6	2,9	14,1	60,0	56,8	2,9
Финляндия	15,8	8,9	16,6	50,7	40,3	6,9
Франция	22,9	8,6	17,3	33,0	39,2	6,7
Швеция	20,7	7,0	13,6	63,8	57,4	4,5
Швейцария	41,2	3,9	21,4	53,2	57,7	4,0
Япония	24,2	...	14,3	53,2	30,6	2,3
ЕС (28)	22,0	6,6	18,9	44,7	39,6	5,2
ОЭСР	19,5	7,4	21,1	47,1	41,5	4,8

Источник: OECD Employment Database (www.oecd.org/els/emp/employmentdatabase-employment.htm); OECD Earning Distribution Database (www.oecd.org/social/income-distribution-database.htm); OECD Survey of Adult Skills (PIAAC) ([www.oecd.org/skills/piaac/publications/PIAAC/ Technical Report 2019.pdf](http://www.oecd.org/skills/piaac/publications/PIAAC/Technical_Report_2019.pdf)).

(OECD Job Quality Framework), лучше, чем у молодых. При этом многие страны ОЭСР рассматривают пожилых работников в качестве особой группы, нуждающейся в специальных мерах по улучшению рабочей среды и созданию более благоприятных условий работы. Но надо отметить, что такой подход может вступать в противоречие с задачей

сохранения конкурентоспособности пожилых работников. Поэтому более перспективным представляется подход, предполагающий улучшение условий труда всех работников. Он позволяет избегать негативного отношения к возрастным работникам и обеспечивает более широкий спектр возможностей их профессиональной реализации.

* * *

Рост численности и доли пожилого населения, а также увеличение продолжительности жизни на пенсии ставит перед современными государствами ряд серьезных вопросов по кардинальному изменению институтов рынка труда и социального страхования. На начальном этапе основной акцент при проведении данных реформ делался на административном принуждении и финансовом стимулировании продления трудовой жизни, прежде всего изменении правил государственного пенсионного страхования. Изменения и во многих случаях автоматическая корректировка параметров пенсионных систем призваны способствовать снижению финансового давления на эти системы и требуют дополнительных мер по поддержке занятости пожилых, преодолению устойчивых негативных стереотипов в обществе и среди работодателей в отношении пожилых работников.

Несмотря на наличие законодательных мер по защите от увольнений и дискриминации, пожилые работники и у нас в стране, и за рубежом сталкиваются с высоким риском латентного нарушения своих прав и стремлением работодателей заранее избавиться от таких сотрудников. Многие эксперименты в западных странах по снижению трудовой нагрузки на старшие возраста (введение гибких форм занятости, специальных условий труда) оказались спорными с точки зрения повышения конкурентоспособности пожилых работников на рынке труда. Более действенными являются меры по улучшению условий труда для работников всех возрастов и особенно поддержке профессионального обучения в течение всей трудовой жизни, расширяющие профессиональные возможности пожилых и не приводящие к их косвенной дискриминации. Общим трендом становится отказ от использования возраста как критерия защиты занятости.

Для российской практики особенно важными представляются выводы, что для укрепления финансовой устойчивости пенсионных систем значительно большую роль играет рост численности работающего населения и сокращение льгот и привилегий по государственным пенсионным обязательствам, а не снижение количества пенсионеров. Важную роль в продлении официальной (а не теневой) занятости работников сверх пенсионного возраста могут сыграть меры финансового стимулирования, в том числе возобновление индексации пенсий для работающих пенсионеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Raleigh V.S.* Trends in the life expectancy in EU and other OECD countries: why are improvements slowing? // OECD Health working papers. 2019. No. 108. dx.doi.org/10.1787/223159ab-en.
2. OECD (2019) Working better with age, aging and employment policies. OECD Publishing, Paris. dx.doi.org/10.1787/c4d4f66a-en.
3. *Rouzet G. et al.* Fiscal challenges and inclusive growth in ageing societies // OECD economic policy paper. 2019. No. 27.
4. *Coile C. et al.* Social security programs and retirement around the world: working longer-introduction and summary // NBER Working paper 24584. National Bureau of economic research, Cambridge, MA 02138. 2018. www.nber.org/papers/w24584.
5. OECD (2019) Pensions at a glance 2019. OECD Publishing, Paris. doi.org/10.1787/b6d3dcfc-en.
6. *Geppart Ch. et al.* Labour supply of older people in advanced economies: the impact of changes to statutory retirement ages // Economic Department Working papers. 2019. No. 1554. OECD Publishing, Paris. dx.doi.org/10.1787/b9f8d292-en.
7. OECD (2017) Pensions at a glance 2017: OECD and G20 indicators. OECD Publishing, Paris. dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2017-en.
8. *Natall D., Spasova S., Vanhercke B.* Retirement regimes for workers in arduous or hazardous jobs in Europe. A study of national policies. European Commissions, Brussels, 2016.
9. OECD (2018) Ageing and employment policies. United States 2018: Working better with age and fighting unequal ageing. OECD Publishing, Paris. dx.doi.org/10.1787/9789264190115-en.
10. Local economic strategies for ageing labour markets. Management practices for productivity gains of older workers. // OECD Employment policy paper. 2015. № 11.
11. OECD (2019) Going for growth 2019-reform action taken in 2017-18. OECD Publishing, Paris. dx.doi.org/10.1787/aec5b059-en.

ABOUT THE AUTHOR

Shestakova Elena Evgenevna – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, (the RAS), Moscow, Russia
eeshestakowa@gmail.com

EXTENSION OF WORKING LIFE: NEW APPROACHES AND INCENTIVE MECHANISMS (FROM THE EXPERIENCE OF OECD COUNTRIES)

The article is devoted to issues of increasing the employment of persons of older age groups. The analysis of the results of the introduction of new pension technologies, aimed at optimizing the size of state pensions and the long-term retention of workers in the labor market, as well as national experiments on the use of flexible schedules and special employment conditions for age workers in OECD countries, was carried out. It was concluded that a further increase in working life will depend on changes in negative stereotypes and attitudes towards workers of older age groups, and the use of an active personnel policy by the business, that takes into account the aging of the population.

Key words: *population aging, pension reforms, employment, qualifications, labor potential.*

JEL: E24, H51, H55, J11, J26.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.С. ДМИТРИЕВ

экономист территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области (Волгоградстат)

А.А. НАЗАРОВА

студентка 4 курса факультета экономики и управления
Волгоградского государственного технического университета

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СТРАХОВОГО РЫНКА В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В работе рассматривается процесс развития российского рынка страховых услуг по нескольким направлениям, включающим анализ конкуренции, институциональной среды и особенностей осуществления предпринимательской деятельности в России. Методология исследования включает в себя структурный и статистический анализ и синтез полученных результатов с целью объективной оценки состояния рынка. Оценка уровня рыночной концентрации осуществлялась при помощи трех основных показателей: абсолютного уровня концентрации (K), индекса рыночной концентрации ($CR5$) и индекса Херфиндаля-Хиршмана (HHI). Результаты исследования свидетельствуют о тенденции к укреплению рыночных позиций компаний-лидеров вкупе со сжатием рынка, выражающемся в снижении количества действующих на нем субъектов.

Ключевые слова: страхование, рынок, рыночная концентрация, конкуренция, страховые премии, финансовый сектор, трансплантация институтов.

JEL: L13, G22.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10009

Обеспечение устойчивого развития финансового сектора отечественной экономики на сегодняшний день является одной из приоритетных задач национального развития. Это обуславливается наличием выраженной взаимосвязи между состоянием финансового и реального секторов. Страховые компании, наряду с кредитными организациями являются важнейшими субъектами финансового сектора. Одной из наиболее важных задач в области стимулирования их развития является обеспечение добросовестной конкуренции на рынке страховых услуг и дальнейшее совершенствование конкурентоспособной сферы. Набирающая обороты конкурентная борьба побуждает организации

к диверсификации направлений осуществляемой деятельности, расширению номенклатуры предоставляемых услуг и повышению качества оказания последних, выработке уникальных предложений, не имеющих аналогов на рынке.

Целью настоящей работы является обзор состояния конкурентной среды на российском рынке страховых услуг, как в статике, так и в динамике, а также выявление основных тенденций развития отечественного страхового рынка, в том числе с помощью структурного и статистического анализа. Исследование рынка в период 2015–2019 гг. осуществляется с использованием трех основных показателей: абсолютного уровня концентрации (K), индекса концентрации ($CR5$) и индекса Херфиндаля-Хиршмана (НИИ).

Исследованиями проблем конкуренции на страховом рынке страны в разное время занимались такие ученые, как А.В. Румянцева [8], М.С. Оборин [6], Д.Б. Гасанова [2], Е.Ю. Агешина [1], И.А. Сударинова [9], О.В. Чернова [13] и другие [5; 7; 21]. Однако динамичное развитие этого рынка приводит к необходимости постоянного обновления инструментария его анализа и учета быстро устаревающих сведений как на страховом рынке в целом, так и на его региональных сегментах.

Институт страхования в современном виде был фактически трансплантирован из западной практики в 90-е годы XX в. в ходе российских реформ. В советское время страхования как вида экономической деятельности, способной приносить доход предпринимателю (как и самого предпринимательства), в России не существовало – вся страховая деятельность (не отличавшаяся многообразием предоставляемых услуг) осуществлялась централизованно – силами Госстраха. Перестроечный период принес с собой полное преобразование институциональной среды, в рамках которого институты заимствовались и трансплантировались из практики более развитых стран. Процесс перехода к рыночной экономике в России, по мнению В.М. Полтеровича, был излишне стремительным: не создавались промежуточные институты (как это было, например, в Китае), в связи с чем у значительной части населения не было ни времени, ни возможности разобрататься в происходящем [19, с. 28]. Отголоски столь быстрого перехода по сей день не позволяют отдельным отраслям национальной экономики развиваться в полную силу, и страхование является одной из таких проблемных отраслей.

Стремительная трансплантация в страну-реципиент «чистых» институтов, выращенных в иной институциональной среде, очень редко оказывается эффективной: это обуславливается т. н. эффектом сопряженности, который выражается во взаимосвязанности каждого отдельного института с множеством смежных институтов (этот механизм, вкупе с эффектами координации, обучения и культурной

инерции, обеспечивает «удержание» акторов в рамках норм, лежащих в основе института). Отсутствие стабильной институциональной среды обусловило низкую эффективность института страхования на первых этапах его адаптации – институту страхования попросту некуда было «встроиться», поскольку финансовая система в своем современном виде только начинала зарождаться (или, скорее, трансплантироваться, поскольку отечественные финансовые инициативы того периода были откровенно неудачными: чековые инвестиционные фонды [19, с. 29], ваучерная система приватизации и др.).

Искусственное вовлечение акторов в сформированные институты (в первую очередь за счет безальтернативности) не дало желаемых результатов, что выразилось, в частности, в снижении интереса граждан к деятельности разного рода структур, возникших в российской экономике. Это обусловило низкий спрос на услуги страховых компаний в тот период, и последствия данного явления до сих пор полностью не устранены. Вместе с тем современный страховой рынок активно развивается – об этом свидетельствует положительная динамика объемов собранных страховых премий (см. табл. 1).

В табл. 1 отражены данные по объемам страховых премий, собранных ведущими российскими компаниями, которые в 2015–2018 гг. входили в пятерку наиболее крупных по данному показателю.

В 2015 г. крупнейшей компанией на рынке было ПАО СК «Росгосстрах», объем собранных страховых премий которой составил 14,5% от общего количества премий по рынку. На втором месте было АО «СОГАЗ» с 12% от совокупного объема. СПАО «РЕСО-Гарантия» оказалось на третьем месте рейтинга (7,6% их общего объема), далее следовали СПАО «Ингосстрах» и группа «АльфаСтрахование» (7,2% и 5,3% соответственно). В 2015 г. на рынке действовало 288 компаний, а совокупный объем собранных страховых премий составлял 1023819,3 млн руб.

В 2016 г. лидером рынка стало АО «СОГАЗ», поднявшееся на одну строку рейтинга по сравнению с прошлым годом. Доля собранных страховых премий компании составила около 12,1% от общего количества премий. На второй строчке оказалось ПАО СК «Росгосстрах» (9,6% общего объема рынка). Третье место снова оказалось за СПАО «РЕСО-Гарантия» (с долей рынка в 6,9%). СПАО «Ингосстрах» и СК «Сбербанк страхование жизни» собрали 6,8% и 5,1% совокупного объема страховых премий соответственно. Количество действующих на рынке компаний снизилось до 229 (79,5% от показателя 2015 г.), а совокупный объем собранных премий, напротив, увеличился до 1180631,6 млн руб. (прирост составил 15,3%).

АО «СОГАЗ» сохранил лидерские позиции на рынке и в 2017 г. (12,4%), а на второе место вышла СК «Сбербанк страхование жизни»,

Таблица 1

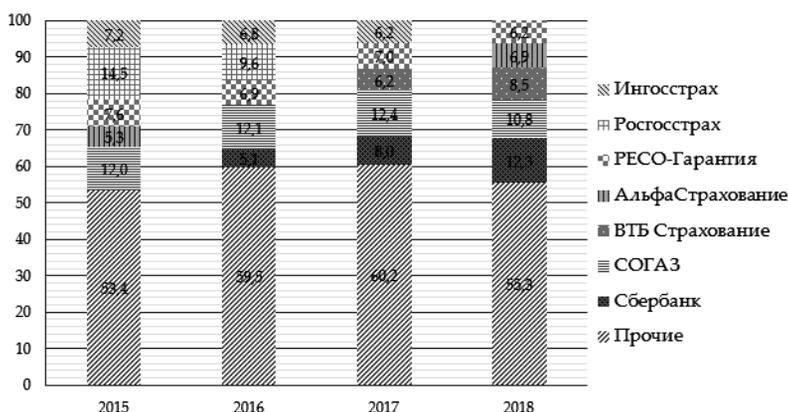
Объем страховых премий, собранных ведущими страховщиками, 2015–2018 гг.

№ п/п	Компания	2015		2016		2017		2018	
		Объем премий, млн руб.	Доля рынка, %	Объем премий, млн руб.	Доля рынка, %	Объем премий, млн руб.	Доля рынка, %	Объем премий, млн руб.	Доля рынка, %
1	Ростосстрах	148 862,00	14,5	123 121,50	9,6	78 842	6,2%	60 806,77	3,9%
2	СОГАЗ	123 217,00	12	142 818,60	12,1	158 075,40	12,4	160 525,40	10,8
3	РЕСО-Гарантия	77 875,30	7,6	88 347,70	6,9	89 328,50	7	91 493,80	6,2
4	Ингосстрах	73 573,00	7,2	86 629,30	6,8	79 014,00	6,2	79 014,00	6,2
5	Альфа Страхование	54 008,10	5,3	62 769	5,2%	72 523	5,7%	101 480,20	6,9
6	Сбербанк страхование жизни	44 042	4,3%	86 629,30	5,1	102 075,50	8	181 515,90	12,3
7	ВТБ Страхование	47 505	4,6%	62 096	5,2%	79 773,80	6,2	125 108,90	8,5
8	Другие	546 283,90	53,31	674 221,10	59,40	770 574,79	60,08	819 402,50	49,06

Источник: составлено авторами по: [16].

собравшая 8% от общего объема страховых премий по рынку. СПАО «РЕСО-Гарантия» сохранил третью позицию в рейтинге, собрав 7% от общего объема страховых премий. Финансовое положение ПАО СК «Ростгосстрах», в предыдущие периоды занимавшего первые позиции рейтинга, сильно ухудшилось, что привело к тому, что в топ лидеров рынка вошла компания «ВТБ Страхование», вместе с «Ингосстрахом» собравшая в 2017 г. 6,2% премий от их общего количества. Количество субъектов рынка сократилось на 9,2% по сравнению с 2016 г. и составило 208. Объем страховых премий, собранных всеми действующими компаниями, составил 1180631,6 млн руб. (прирост по сравнению с показателем 2016 г. составил 8,3%).

СК «Сбербанк страхование жизни» по итогам 2018 г. занял лидирующую позицию на рынке с 12,3% доли рынка. АО «СОГАЗ» сместилось на одну позицию, собрав 160,5 млрд руб. страховых премий (10,8% от общего объема). «ВТБ-Страхование» поднялось на одну строку рейтинга по сравнению с предыдущим периодом (собрано 8,5% совокупного объема). «АльфаСтрахование» впервые с 2015 г. появилось в топе компаний-лидеров с 6,9% собранных страховых премий. Пятерку лидеров замкнуло СПАО «РЕСО-Гарантия» с долей рынка в 6,2%. По состоянию на конец 2018 г. страховой рынок был представлен 188 компаниями (90,4% от уровня 2017 г. или 65,3% от уровня 2015 г.). В то же время совокупный объем собранных страховых премий составил 1479526,8 млн руб. (прирост к 2017 г. составил 15,7%, а к 2015 – 44,5%). Структура российского страхового рынка в период 2015–2018 гг. представлена на рис. 1.

Источник: составлено авторами по: [16].

Рис. 1. Структура российского рынка страховых услуг, 2015–2018 гг.

Период 2015–2017 гг. характеризовался снижением совокупной доли рынка, контролируемой ведущими компаниями. Однако

в 2018 г. (во многом за счет продолжающегося сжатия рынка) компании-лидеры несколько расширили сферу своего влияния. Это привело к некоторому повышению рыночной концентрации. Ниже приведены расчеты по различным показателям, отражающим динамику уровня концентрации на российском рынке страховых услуг в течении рассматриваемого периода.

Абсолютный уровень концентрации (К) (определяется как отношение единицы к количеству действующих на рынке организаций) демонстрирует среднюю рыночную долю каждой компании на рынке, при условии наличия на нем совершенной конкуренции.

$$K_{15} = \frac{1}{288} = 0,00347, \quad (1.1)$$

$$K_{16} = \frac{1}{229} = 0,00437, \quad (1.2)$$

$$K_{17} = \frac{1}{208} = 0,00481, \quad (1.3)$$

$$K_{18} = \frac{1}{188} = 0,00532. \quad (1.4)$$

В целом количество действующих на рынке компаний свидетельствует о потенциальной возможности наличия на нем совершенной конкуренции, однако при этом просматривается выраженная нисходящая тенденция – число субъектов страхового рынка сокращается.

Индекс концентрации (CR5) отражает сумму рыночных долей пяти ведущих компаний, а его критическим значением считается превышение 70. Данный показатель, несмотря на простоту в расчете и наглядность, обладает рядом недостатков, главным из которых является игнорирование весов показателей. Тем не менее индекс концентрации активно используется в практике консалтинговых компаний и маркетинговых агентств для быстрой оценки состояния рынка и составления его общей характеристики. Для отечественного страхового рынка данный показатель по годам составлял:

$$CR5_{15} = 14,5 + 12 + 7,6 + 7,2 + 5,3 = 46,6, \quad (1.5)$$

$$CR5_{16} = 12,1 + 9,6 + 6,9 + 6,8 + 5,1 = 40,5, \quad (1.6)$$

$$CR5_{17} = 12,4 + 8 + 7 + 6,2 + 6,2 = 39,8, \quad (1.7)$$

$$CR5_{18} = 12,3 + 10,8 + 8,5 + 6,9 + 6,2 = 44,7. \quad (1.8)$$

Динамика значений индекса концентрации свидетельствует, как упоминалось ранее, о снижении уровня концентрации в период 2014–2017 гг. и о последующим его некоторым увеличением в 2018 г. Ни одно из значений индекса не выходит за пределы критического значения,

свидетельствующего о наличии на рынке олигополии. Согласно общепринятой шкале, все значения интервала соответствуют монополистической конкуренции.

Определенный интерес представляют оценки рыночной ситуации с помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана (ННН). Первоначальный вариант данного индекса был предложен в 1945 г. А. Хиршманом в [18, с. 98]. В 1950 г. формула была приведена к современному виду О. Херфиндалем. На сегодняшний день индекс Херфиндаля-Хиршмана используется антимонопольными органами США с целью выявления возможностей осуществления на рынках сделок слияния и поглощения. Банком России данный индекс также используется для определения уровня концентрации рынка. В рамках рассматриваемого временного интервала концентрация отечественного страхового рынка была довольно высока, но не критична:

$$\text{ННН}_{15} = \sum 14,5^2 + 12^2 + 7,6^2 + 7,2^2 + 5,3^2 = 493,6, \quad (1.9)$$

$$\text{ННН}_{16} = \sum 12,1^2 + 9,6^2 + 6,9^2 + 6,8^2 + 5,1^2 = 358,9, \quad (1.10)$$

$$\text{ННН}_{17} = \sum 12,4^2 + 8^2 + 7^2 + 6,2^2 + 6,2^2 = 342,4, \quad (1.11)$$

$$\text{ННН}_{18} = \sum 12,3^2 + 10,8^2 + 8,5^2 + 6,9^2 + 6,2^2 = 426,2. \quad (1.12)$$

Индекс Херфиндаля–Хиршмана является взвешенным показателем, а потому он более точно характеризует уровень рыночной концентрации. На российском страховом рынке имеет место монополистическая конкуренция, однако наличие нисходящей тенденции числа действующих на рынке субъектов позволяет предположить, что в перспективе уровень рыночной концентрации будет повышаться.

В этой связи представляется возможным сформулировать ряд рекомендаций, выполнение которых позволит поддержать существующую на рынке конкурентную модель с целью планомерного развития страховой деятельности и финансового сектора экономики в целом.

1. Необходима экспертная проверка допустимости сделок слияния и поглощения, осуществляемых на страховом рынке. Несмотря на то что показатели концентрации не соответствуют критическим значениям, общая тенденция к снижению числа действующих субъектов свидетельствует о необходимости государственного вмешательства в процессы осуществления сделок слияния и поглощения. Это позволит развиваться компаниям, не входящим в группу лидеров рынка. В условиях цифровизации экономики упор будет сделан на интенсивное развитие путем задействования в деятельности инновационных технологий и создания уникальных страховых продуктов.

2. Назрела реализация мероприятий по повышению финансовой грамотности населения. Особенности сложившейся институци-

ональной среды не способствуют стремительному развитию страхования в России – значительная часть населения имеет слабое представление об особенностях страховой деятельности и тех преимуществах, которые она способна предоставить. Личное страхование пользуется спросом исключительно среди обеспеченных категорий граждан, в то время как оставшаяся часть населения просто не видит необходимости в страховании (или не может себе его позволить). По данным опроса, проведенного Левада-Центром в августе 2019 г., всего 6% респондентов имели заключенные договоры добровольного медицинского страхования и 4% респондентов – договоры личного страхования [14]. Повышение финансовой грамотности позволит повысить спрос на услуги страхования, однако по-настоящему ощутимые результаты возможны только при глобальном перестроении экономической системы и сокращении разрыва между богатыми и бедными.

3. Необходимо стимулировать развитие региональных страховщиков с целью оздоровления конкурентной среды в отдельных рыночных сегментах. По данным ранее проведенных исследований на некоторых региональных сегментах страхового рынка складывается олигополистическая ситуация, препятствующая полноценному развитию местных страховых компаний. В этой связи необходимо предоставление льгот (в т. ч. и налоговых) для региональных страховщиков, начинающих свою деятельность. Помимо этого, объективной необходимостью является развитие институтов гражданского общества с целью установления общественного контроля [4, с. 75] и предупреждения возможных коррупционных связей между представителями отдельных компаний и региональными властями (в частности, в целях противодействия незаконному лоббированию).

Таким образом можно утверждать, что российский рынок страховых услуг, по-прежнему является развивающимся. При этом развитие, главным образом, состоит в постепенном повышении популярности страховых услуг среди населения. Приоритетной задачей государственной политики в этой области является устранение финансовой безграмотности населения путем проведения массовых мероприятий в финансовых учреждениях (дни открытых дверей), повышения прозрачности деятельности государственных финансовых органов и активного взаимодействия со СМИ в рамках данной темы. Очень важным моментом является обоснование необходимости страхования – это позволит значительно повысить уровень спроса на соответствующие продукты. Продолжающееся сжатие рынка может быть приостановлено путем государственного регулирования сделок слияния и поглощения, а также повышения степени проникновения инновационных технологий в деятельность страховщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агешина Е.Ю. Страховой рынок России: становление и тенденции развития // Вестник ДВО РАН. 2005. № 5.
2. Гасанова Д.Б., Ашурбекова З.Н., Магомедова П.А. Современное состояние страхового рынка России // РППЭ. 2019. № 2 (100).
3. Денисов С.Л. Демпинг в страховании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 4.
4. Дмитриев А.С., Евстратов А.В. Особенности финансирования программ в рамках стратегии развития муниципального образования (на примере Волгограда) // Экономист. 2019. № 12.
5. Лобанов С.Ю. Угрозы финансовой безопасности рынка страховых услуг и методы ее обеспечения // Вестник ГУУ. 2018. № 7.
6. Оборин М.С., Райнхардт Р.О. Системообразующая роль предприятий-монополистов российского страхового рынка // Управленец. 2018. № 3.
7. Ованесян Н.М., Сопельник Е.Ю. Рынки страхования жизни в РФ: особенности и перспективы // KANT. 2018. № 1 (26).
8. Румянцева А.В., Румянцев Е.И. Социально-экономические аспекты развития страхового рынка: современные инструменты продвижения // Дискуссия. 2019. № 2.
9. Сударикова И.А. Добровольное страхование в России: тенденции, проблемы, перспективы развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 5 (74).
10. Харламова Е.Е., Батюк Н.С. Анализ проблем и перспектив развития интернет-страхования в России и за рубежом // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9. С. 736–739.
11. Цыганов А.А., Кириллова Н.В. Страховой рынок Российской Федерации: региональный аспект // Экономика региона. 2018. № 4.
12. Чернова О.В. Концентрация рынка страхования жизни в России как один из факторов прогнозируемого замедления темпов роста отрасли // Вестник ВГУИТ. 2017. № 1 (71).
13. Большая российская энциклопедия: индекс Херфиндаля-Хиршмана. bigenc.ru/economics/text/4664610 (дата обращения: 28.01.2020).
14. Отношение россиян к страхованию недвижимости и страховые случаи. Левада-Центр. www.levada.ru/2019/08/02/otnoshenie-rossiyan-k-strahovaniyu-nedvizhimosti-i-strahovye-sluchai (дата обращения: 30.01.2020).
15. Официальный сайт Росстата. www.gks.ru (дата обращения: 28.01.2020).
16. Рейтинг российских страховых организаций. www.banki.ru/insurance/ratings (дата обращения: 28.01.2020).
17. Karavaev A.N. Insurance issues in Russia: development prospects / A.N. Karavaev // Contemporary problems of social work. 2015. № 4. P. 81–88.
18. Hirschman A. National Power and the Structure of Foreign Trade. University of California Press, 1945.
19. Polterovich V.M. Институциональные ловушки и экономические реформы // Economics and Mathematical Methods. 1999. Vol. 35. № 2.
20. Prokopjeva E.L. Life insurance in Russia: features of regional development // Экономика региона. 2015. № 1. С. 223–233.

ABOUT THE AUTHORS

Dmitriev Alexey Sergeevich – Economist of the Territorial Body of the Federal State Statistic Service for the Volgograd Region (Volgogradstat), Russia, Volgograd, Russia
basement.dmitriev@gmail.com

Nazarova Alena Aleksandrovna – 4th year Student of the Faculty of Economics and Management of Volgograd State Technical University, Russia, Volgograd, Russia
alyo.nazarowa2015@yandex.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE INSURANCE MARKET IN RUSSIA:
INSTITUTIONAL ASPECT

The paper considers the development process of the Russian market of insurance services in several areas, including analysis of competition, the institutional environment and the characteristics of entrepreneurial activities in Russia. The research methodology includes structural and statistical analysis and synthesis of the results, obtained with the aim of an objective assessment of the market condition. The assessment of the level of market concentration was carried out, using three main indicators: the absolute concentration level (K), the market concentration index (CR5) and the Herfindahl-Hirschman index (HHI). The results of the study indicate a trend towards strengthening the market positions of leading companies, coupled with a contraction in the market, expressed in a decrease in the number of entities, operating on it.

Keywords: *insurance, market, market concentration, competition, insurance premiums, financial sector, transplantation of institutions.*

JEL: L13, G22.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.С. НЕШИТОЙ

кандидат экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

М.Ю. ИВАНОВ

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ТВОРЧЕСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (к итогам XIII Международного Пуштинского симпозиума по эволюционной экономике)

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10010

В г. Пушкино Московской области уже в течение двадцати пяти лет традиционно проходят международные симпозиумы по актуальным проблемам эволюционной экономики. Организатором таких форумов выступает учрежденная Институтом экономики РАН и ЦЭМИ РАН в 1996 г. Московская региональная общественная организация «Центр эволюционной экономики» (МРОО ЦЭЭ). На форумах обсуждаются, как правило, результаты научных исследований ученых академической и вузовской экономической науки по актуальным проблемам теории и практики экономического развития.

6–7 сентября 2019 г., в год 25-летия МРОО ЦЭЭ состоялся очередной, XIII Международный Пуштинский симпозиум по эволюционной экономике. Он был посвящен обсуждению результатов исследований, проводившихся в течение последних лет по проблеме «Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост», в соответствии с теми направлениями, которые были обозначены по результатам научных дискуссий на симпозиуме в Институте экономики РАН в марте 2018 г.¹

---

¹ По результатам данного симпозиума была опубликована монография «Мезоэкономика: состояние и перспективы». Подробнее см.: [1; 2].

Известно, что мировая экономика, в том числе российская, находится в сложной ситуации, для выхода из которой необходимы безотлагательные перемены. Дальнейшее развитие мировой социально-экономической системы и становление новой экономики на высоких технологиях, столкнулось с несоответствием действующих до сих пор методов управления экономическими процессами и сложившегося мирохозяйственного устройства в целом, целям, задачам и механизмам эффективного, научно обоснованного использования движущих сил развития, внедрения в производство научно-технических достижений. В научно-экономическом сообществе и в правительственных кругах идет активный поиск новых институтов управления экономикой и новых взаимосвязей между странами в меняющемся геополитическом пространстве.

Действующие условия экономической глобализации, усложнение структур экономики и хозяйственных отношений выдвигают на первый план нахождение новых подходов к экономическому анализу и управлению. Один из таких подходов предложен научными сотрудниками Центра эволюционной экономики ИЭ РАН совместно с учеными других НИИ и вузов, результаты исследований которых были опубликованы в указанной выше коллективной монографии. Сущность данного подхода заключается в том, что экономика рассматривается как сложная функционирующая система, имеющая иерархический характер, при котором мезоуровень, изучающий не поняла, что изучает мезоуровень структурированные процессы, выступает инструментом взаимосвязи микроуровня и макроуровня в форме параметров порядка и координирует хозяйственную деятельность участников.

В форуме в г. Пущино, соорганизаторами которого, наряду с Институтом экономики РАН и ЦЭМИ РАН выступили Китайское общество истории марксистской философии (Пекин, Китайская Народная Республика) и Научный фонд Захира (Нью-Дели, Индия), участвовало более ста человек. В составе участников были ученые академических институтов и ведущих ВУЗов страны (экономисты, философы, социологи, политологи, математики, физики, биологи и др.). Тезисы представленных ими докладов были заранее опубликованы [3]. Впервые в практике Пущинских симпозиумов приняли участие студенты ведущих ВУЗов страны (МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшей школы экономики, Государственного университета управления, Финансового университета при Правительстве РФ, Академии народного хозяйства и Госслужбы при Президенте РФ и др.).

На форуме было заслушано тридцать восемь развернутых докладов по следующим основным направлениям:

- теоретико-методологические проблемы изучения современной экономики;

- архитектура современной экономики;
- феномен мезоуровня в экономическом анализе и практическое приложение мезоуровневого подхода к анализу влияния денежно-кредитной и финансовой политики на экономический рост.

По проблеме теоретико-методологических подходов к изучению современной экономики были проведены сессии, на которых выступили девять участников. Среди них: **Г.Б. Клейнер** (д.э.н., профессор, член-корр РАН, ЦЭМИ РАН), **В.С. Автономов** (д.э.н., профессор, член-корр. РАН, НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова), **Р.М. Нуреев** (д.э.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, ИЭ РАН), **П.А. Ореховский** (д.э.н., профессор, ИЭ РАН), **О.Б. Кошовец** (к.ф.н., с.н.с, ИЭ РАН, ИНП РАН), **Н.А. Макашева** (д.э.н., профессор ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ), **Д.П. Фролов** (д.э.н., проф., Волгоградский государственный университет, г. Волгоград), **А.Н. Неверов** (д.э.н., доцент, Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Саратов), **А.Ю. Маркелов** (д.э.н, профессор, Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Саратов).

Г.Б. Клейнер в своем докладе отметил, что «иерархия» является одним из базовых отношений для множества экономических систем. Понятия «подсистемы» и «надсистемы» являются ключевыми понятиями теории систем, отражающих иерархию вложенности одних систем в другие в пространственно-временном континууме. В указанных понятиях также отражается принцип двойственности в системной экономической теории, ориентирующий исследователя на поиск отношений двойственности (дуальности, сопряженности, зеркальности и т. п.) между экономическими системами разного размера, качества и назначения. Иерархия и двойственность образуют основу «алгебры отношений» на множестве систем. Анализ двойственности позволяет не только раскрыть природу многих социально-экономических явлений, найти закономерные устойчивые связи между ними, но и разработать подходы к эффективному управлению экономическими процессами. Предложен новый подход к моделированию структуры и функционирования экономической системы в виде двух взаимосвязанных тетрад: 1) отражающей внутрисистемные процессы, и 2) взаимодействие системы с внешним окружением.

Переосмысление роли двойственности в сопоставлении с иерархичностью систем позволяет реструктурировать взаимосвязи между такими дисциплинами, как экономика и управление, менеджмент и маркетинг, анализ и синтез, анализ и прогноз и т. п.

В выступлении **В.С. Автономова** проблема возникновения, признания и отвержения экономических теорий была рассмотрена в историческом контексте. Отмечено, что обычно возникающие теории признаются и отвергаются получившими признание экономическими сооб-

ществами. Обычно, по мнению автора, теории отвергаются двумя принципиально различными способами: полемикой, доходящей иногда до революций и споров о методах, или замалчиванием. Дан ответ на вопрос: «Почему они отвергаются?». Причины этого явления автор объясняет идеологией, соображениями философской моды, устройством научного сообщества (школы, нации, мировое сообщество и т. д.).

Р.М. Нуреев свой доклад посвятил анализу эволюции теорий экономического развития за период, с начала XIX в. и до современного этапа. Отмечалось, что в начале XXI в. были предприняты попытки развития предмета экономической теории во времени и пространстве.

В частности, в 2007 г. в Оксфорде вышла книга Э. Мэддисона «Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории», которая докладчиком подробно анализируется, а также появившийся в 2017 г. учебник нового типа этого же автора «Экономика (Экономика для меняющегося мира)», вышедшего в Оксфорде в 2017 г. Докладчиком справедливо отмечено, что в настоящее время ограничиваться лишь американским или европейским опытом экономического развития становится уже явно недостаточно. Новая глобальная социально-экономическая ситуация требует новых подходов.

В докладе **П.А. Ореховского** анализируется влияние целого ряда факторов, влияющих на ослабление и разрушение прежних иерархических структур и замену их сетевыми взаимодействиями. Отмечено, что диффузия власти меняет возможности контроля над объектами и происходящими процессами. В этих условиях меняется смысл понятия «революция». В настоящее время они (революции), как отмечает автор, начинают выполнять роль, которая раньше связывалась с оккупацией, обеспечивавшей прямой контроль над территорией.

В выступлении **О.Б. Кошовец** отмечалась взаимосвязь экономики и политики, а точнее, экономической науки как эффективной теории и практики.

Доклад **Н.А. Макашевой** посвящен истокам проблемы сложности в экономической науке на примере развития учений Ф.А. Хайека и Дж.М. Кейнса. В контексте проблемы сложности затрагивается вопрос о принципах экономической политики: ориентация на результат или на правило.

В докладе **Д.П. Фролова** изложена авторская программа перспективных постинституциональных исследований, затрагивающая широкий круг дискуссионных вопросов за рамками Стандартной модели – от изучения экзитивных и транзакционной ценности до внедрения парадигмы автора в эволюционный анализ институтов. Показано, что в фокусе постинституционализма находятся сверхсложные институциональные системы и процессы. Особое внимание в докладе сфоку-

сировано на парадигмальных изменениях, вызываемых постинституционализмом.

В совместном докладе **А.Н. Неверова** и **А.Ю. Маркелова** в трансдисциплинарном подходе рассматривается поведение экономических агентов как фундамент сложной структуры современной экономики. Развивается положение о методологическом восприятии домохозяйства, фирмы, государства как метафоры индивидуального агента. Опираясь на постулаты «школы русского космизма», авторы развивают новый, поведенческий подход к анализу иерархии и эволюции экономических систем. При этом базовым методологическим постулатом выступает принцип нередуцируемой сложности экономического агента, преодолевающий ограничения принципов методологического индивидуализма при анализе экономических процессов. Этот подход, по мнению авторов, способен дополнить теорию экономических механизмов, теорию институциональных матриц и другие подходы к пониманию структуры и динамики экономических систем за счет включения в поле анализа совокупности разноуровневых, сложно соподчиненных экономических агентов.

Следующим направлением рассматриваемой данным симпозиумом проблематики является «Архитектоника современной экономики». По этому направлению проведено три сессии, на которых выступило с докладами двадцать участников. По проблеме иерархической структуры современной экономики выступили 8 докладчиков. Среди них: **М.К. Ценжарик** (к.э.н., доцент СПбГУ); **Е.В. Устюжанина** (д.э.н., профессор, ЦЭМИ РАН) и **С.Г. Евсюков** (к.э.н., с.н.с., ЦЭМИ РАН); **С.Л. Сазанова** (к.э.н., доцент, ГУУ, Финуниверситет при Правительстве РФ.) и **Г.Н. Рязанова** (к.э.н., ГУУ); **А.И. Волынский** (ИЭ РАН), **М.С. Круглова** (ИЭ РАН); **И.Л. Кириллюк** (ИЭ РАН).

По проблеме иерархии и институтов выступили 6 человек. Среди них: **О.В. Гавриленко** (к.соц.н., доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова); **А.В. Маркеева** (к.соц.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова); **Е.В. Попов** (д.э.н., профессор, член-корр. РАН, ИЭ УрО РАН, Екатеринбург); **И.Э. Фролов** (д.э.н., профессор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН); **Т.Р. Гареев** (к.э.н., Сколтех); **Р.М. Качалов** (д.э.н., профессор, ЦЭМИ РАН).

По проблеме эволюции иерархических структур в цифровой экономике выступили 6 человек. Среди них: **В.М. Полтерович** (академик РАН, ЦЭМИ РАН); **У. Витт** (Институт истории человечества Макса Планка (ранее Институт экономики Макса Планка), Йена, Германия); **В.Е. Дементьев** (д.э.н., профессор, член-корр. РАН, ЦЭМИ РАН); **А.К. Ляско** (д.э.н., профессор РАНХиГС); **А.В. Олескин** (д.э.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор МГМСУ) и **В.Г. Буданов** (д.э.н., профессор РАНХиГС, Институт философии РАН).

Доклад **М.К. Ценжарик** был посвящен месту и роли цифровых платформ в иерархии структур экономики. Платформа рассматривается как модель ведения бизнеса, создающая среду для взаимодействия двух и более групп участников рынка, которые не смогли бы взаимодействовать без этой структуры. Платформы, как отмечает автор, образуют вокруг себя сети участников, или т.н. экосистемы. В то же время, они осуществляют нерыночную координацию деятельности участников экосистемы. Такая координация, в силу использования алгоритмов, является координацией нового типа и требует новых подходов к исследованию.

В совместном докладе **Е.В. Устюжаниной** и **С.Г. Евсюкова** были представлены результаты исследования факторов, которые оказывают влияние на распределение добавленной стоимости между участниками сетевых структур. На фактических данных были проверены гипотезы о перераспределении образующейся в сети экономической ренты между ее участниками. Были также опровергнуты расхожие рекомендации о предпочтительных стратегиях участия российских компаний в мировом разделении труда.

В совместном докладе **С.Л. Сазановой** и **Г.Н. Рязановой** были рассмотрены место и роль социально-экономических экосистем (на примере АПК России) в архитектонике современной экономики. Показано, что устойчивое развитие АПК России требует формирования социально-экономической экосистемы, включающей в качестве подсистем территориальные социально-экономические экосистемы (мезо-экосистемы). По мнению авторов, мезо-экосистемы АПК и взаимосвязи между ними составят социально-экономическую экосистему агропромышленного комплекса России, что обеспечит устойчивое развитие российского АПК и экономики в целом.

В докладе **А.И. Волынского** и **М.С. Кругловой** на основе мезоэкономического подхода были проанализированы некоторые результаты реформирования экономики Китайской Народной республики и приведены примеры самоорганизации.

И.Л. Кирилук посвятил свое выступление математическим подходам к исследованию иерархических систем в экономике. Удобным аппаратом, по мнению автора, для исследования иерархических взаимоотношений (и их оптимизации для увеличения общего блага) является теория игр. Автор отметил, что процесс разработки универсальной системы моделей для единого описания процессов возникновения иерархических систем в экономике еще далек от завершения.

В совместном докладе **О.В. Гавриленко** и **А.В. Маркеевой** были проанализированы происходящие в современных условиях изменения организационных структур организаций. Отмечено, что эффективность построения организационных структур находится не в противо-

поставлении, а в совмещении иерархии и самоуправления. В условиях социально-экономических изменений, сопровождающих переход к новому технологическому укладу, неизбежен поиск идей по совмещению иерархии и самоуправления, с тем чтобы адаптировать деятельность компаний к быстрым экономическим изменениям.

И.Э. Фролов в докладе была обоснована взаимосвязь иерархии власти, накопления богатства и экономической динамики. По его предположению, в настоящее время происходит становление нового типа богатства – на основе расширенного воспроизводства финансовых активов.

Т.Р. Гареев, исходя из авторского подхода, согласно которому институты имеют значение в стратегических ситуациях, и опираясь на работы ряда авторов, которые анализируют институты в рамках теоретико-игровых постановок, рассматривал на примере укрупненной игровой модели институциональной реформы проблемы моделирования реформ в целом, необходимость многошагового подхода к моделированию реформ, роль эволюционных подходов в понимании институциональных реформ.

Р.М. Качалов в своем выступлении остановился на применении искусственных объектов в научных исследованиях. К таким искусственным объектам в экономике автор относит и анализирует экономический риск, который благодаря операциональной теории управления приобрел статус «реально существующего». Исходя из этой теории, феномен риска можно, по мнению автора, представить реально существующим объектом, обладающим границами и операциональными характеристиками.

В.М. Полтерович в докладе, опираясь на проведенные им исследования, отметил, что повышение значимости инновационной деятельности и рост благосостояния привели к постепенному снижению роли власти и конкуренции в развитых странах и к повышению роли позитивного сотрудничества как во внешне- и внутривластных, так и в экономических взаимодействиях. Естественно ожидать продолжение этой тенденции в период цифровой революции, резко ускорившей темпы научно-технического развития. В докладе показано, что распространение интернета – важнейшего элемента цифровой революции – способствует подобной трансформации в развитых экономиках. Для развивающихся стран для этого необходима сбалансированная государственная политика.

У. Витт в докладе, анализируя влияние иерархических структур на интеграционные процессы в Европейском экономическом союзе, отмечал, что объединение европейских стран в Союз происходило при разном уровне их экономического развития. Введение общей валюты в 2002 г. не способствовало выравниванию экономического неравенства.

Внутри Европейского Союза наблюдается противодействие проведению внутриевропейских трансфертов доходов. В докладе этот вопрос рассматривался с эволюционной точки зрения. Основное внимание уделялось взаимосвязи между групповыми антагонизмами, групповой сплоченностью и внутригрупповой солидарностью, которые, как развитые человеческие универсалии, дают ответ и указывают на пути выхода из дилеммы ЕВРО.

В.Е. Дементьев в выступлении подчеркнул, что во многих публикациях предсказывается вытеснение иерархических организаций бизнеса сетевыми структурами. Среди основных доводов в пользу этого – адаптивность к изменениям условий деятельности.

Однако, как отметил докладчик, разные динамические качества среды предъявляют специфические требования к организации бизнеса. На примере фармацевтических и телекоммуникационных компаний было показано, что они не стремятся полностью перейти от иерархических к сетевым отношениям в ключевых для себя направлениях технологического развития. Даже при востребованности сетевых форм организации иерархически структурированный бизнес не просто выживает, но способен формировать траектории развития целых отраслей.

Е.В. Попов посвятил свое выступление результатам проведенного исследования функционирования «Умного города» на примере Екатеринбурга, демонстрирующего эффективную организацию социально-экономической деятельности на основе цифровых технологий.

А.К. Ляско в докладе рассмотрел эволюцию кооперативных взаимодействий в структуре стратегических альянсов в цифровой экономике. В докладе был предложен переход от модели межфирменного доверия между конкурирующими компаниями, основанного на расчетах ожидаемых потерь и выгод, к доверию, основанному на знании, при соблюдении условий, что интересы более широкого рыночного соперничества между игроками в составе стратегического альянса не должны доминировать над интересами кооперации, при отсутствии оппортунистических попыток присвоения совместно созданной ценности.

В совместном докладе **А.В. Олескина** и **В.Г. Буданова** обосновывался тезис, что распространение в бизнесе и за его пределами сетевых структур означает переход к новой сетевой социально-экономической формации, которая имеет в основе единство труда на базе информационно-технологических систем и ориентированного на производство информации.

Специальные сессии были посвящены феномену мезоуровня в экономическом анализе, а также и прикладным аспектам (анализу денежно-кредитной политики, финансовой стабильности, обеспечивающих экономический рост). По проблеме мезоэкономического анализа заслушаны доклады **О.Г. Голиченко** (д.э.н., профессор,

ЦЭМИ РАН); **С.Г. Кирдиной-Чэндлер** (д.с.н., профессор, зав. сектором ИЭ РАН); **А.Е. Шаститко** (д.э.н., профессор, зав. кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова); **М.Ю. Куссыго** (к.э.н., доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского).

По прикладным вопросам экономического анализа и денежно-кредитной системы с совместным докладом выступили: **В.И. Маевский** (академик РАН, ИЭ РАН), **Малков С.Ю.** (д.т.н., профессор, ИЭ РАН), **А.А. Рубинштейн** (к.э.н., с.н.с., ИЭ РАН), **Е.В. Красильникова** (н.с., ЦЭМИ РАН), а также были заслушаны доклад **А.В. Верникова** (д.э.н., профессор, ИЭ РАН) и доклад **О.С. Сухарева** (д.э.н., проф. ИЭ РАН).

Доклад **О.Г. Голиченко** был посвящен результатам исследований автора о воздействии факторообразующих популяций на имплементацию мезотраекторий и степень выполнения функций инновационной системы на разных ее фазах. В качестве таких популяций рассматривалась множества акторов из мезопопуляций, выступающих в роли носителей факторов, способных оказывать влияние на реализацию эволюционной траектории. Были установлены свойства характеристик факторов, позволяющих представить их совокупность в виде некоторой (иерархической) системы градаций. Анализировалась современная динамика некоторых фактообразующих популяций в России. Рассматривались вопросы регулирования функционирования факторообразующих популяций и смягчения рисков и неопределенностей, испытываемых мезопопуляциями на мезотраектории.

В докладе **С.Г. Кирдиной-Чэндлер** рассматривались причины и перспективы включения в сферу мезоэкономических исследований институтов и механизмов денежного обращения. Показано с позиций методологического институционализма, что институт денег представляет собой функционально-временную структуру. Предложен метод мезоэкономического подхода к анализу денежного обращения, связанный с особенностями трансмиссионных механизмов денежного обращения в современной усложняющейся воспроизводственной экономической структуре. Показаны перспективы мезоэкономического подхода к анализу механизма денежного обращения в контексте общих тенденций развития социальных наук и усиливающегося «онтологического поворота», при котором формирование механизмов социальных и экономических отношений становится основным объектом анализа.

Доклад **А.Е. Шаститко** был посвящен обоснованию места мезоуровневого подхода и мезоинститутов в экономических исследованиях. Показана необходимость корректировки сложившихся в рамках экономической теории транзакционных издержек – представлений о концептуальной оси «индивид – институциональные соглашения – институциональная среда». Одной из структурных альтернатив раз-

вития концептуального ядра нового институционализма, по мысли автора, может быть уточнение характеристик институциональной среды. В этом случае макро- и мезоинституты могут стать двумя ее уровнями. Кроме того, понимание роли мезоинститутов позволяет исследователям сосредоточить внимание вместо общих, рамочных норм на механизмах, которые непосредственно связаны с отношениями в формате микроинститутов, так и в части соблюдения ограничений, заложенных в макроинститутах.

В докладе **М.Ю. Куссыго** подчеркнуты методологические аспекты мезоуровня в экономике. Отмечено, что методологически именно мезоуровень позволяет агрегировать и актуализировать совокупность гетероморфных и гетерогенных текущих ожиданий и предпочтений акторов, формируемых на микроуровне. На макроуровне значение текущих индивидуальных ожиданий и предпочтений акторов нивелируется действующей институциональной системой. Именно на мезоуровне формируется актуальный доминирующий тип межсубъектных отношений в экономике. Кроме того, мезоуровень «сглаживает» хаотичность в ситуативных социально-экономических процессах, проходящих на микроуровне.

В совместном докладе **В.И. Маевского, С.Ю. Малкова, А.А. Рубинштейна, Е.В. Красильниковой** представлена модель переключающегося режима воспроизводства (ПРВ-4), учитывающая инфляцию как эндогенный феномен. Предложен новый подход к объяснению не-нейтральности денег в краткосрочном и долгосрочном периодах. Приведены результаты сценарных расчетов по модели. Основным теоретическим результатом явилось положение о том, что распространенное в мировой экономической литературе (особенно в среде монетаристов) положение о нейтральности денег в долгосрочной перспективе является частным случаем реакции экономики на денежную эмиссию. С помощью указанной модели показано, что сохранение в России на период до 2022 г. рестриктивной денежно-кредитной политики можно объяснить завышенным уровнем коэффициента индексации дохода. Данный коэффициент отражает состояние базовых институтов экономики: чем он выше, тем менее развиты последние. Предложены меры по изменению этой ситуации, в частности, по изменению кредитно-денежной политики, обеспечивающей экономический рост (подробнее о применении результатов моделирования с сообщением выступил **С.Ю. Малков**).

В своем докладе **А.В. Верников** провел сравнительный анализ структурного устройства банковских систем России и Китая. Автор показал, что устройство банковских систем как Китая, так и Западной Европы, свидетельствует о целесообразности сосуществования различных типов банковских учреждений (наряду с двухуровневой систе-

мой, существующей в России), например, банков развития и специализированных сберегательных учреждений. Попытка возложить часть задач по финансированию развития на коммерческие банки, принадлежащие государству, приводит к дуализму миссии данных банков. Опыт Китая по управлению крупными банками с участием государства помогает наметить пути улучшения корпоративного управления, в частности, в плане улучшения координации при проведении промышленной политики и при реализации стратегии пространственного развития, что важно для России.

В докладе **О.С. Сухарева** представлены результаты исследования экономического роста российской экономики на основе структурного анализа трех основных видов экономической деятельности – обрабатывающего производства, сырьевого и транзакционного. Оценен вклад секторов в макроэкономическую динамику и условия перелива ресурсов между секторами, а также влияние этого перелива на темп экономического роста. Даны прогнозные оценки динамики обрабатывающего сектора при изменении риска ведения хозяйственной деятельности и уровня технологичности. Показан эффект различной чувствительности технологичности секторов российской экономики к инвестициям в новые и старые технологии. Предложены рекомендации в части верификации и уточнения макроэкономической политики роста, структурно-промышленной политики, исходящей из управления межсекторальным переливом ресурсов, касающиеся изменения соотношения риска в секторах, стимулирующей политики инвестиций в новые технологии и введения «процентного портфеля», учитывающего неоднородность экономики на мезоуровне.

Представляется важным, что в рамках симпозиума проведена панельная дискуссия на тему «Теоретические основания экономических реформ в России, Китае и Индии: сравнительный мезоэкономический анализ», в ходе которой были показаны ограниченность неоклассической экономической теории и потенциал гетеродоксной экономики, включая марксистский, шumpетерианский подходы, идеи Карла Полаanyi и др. С докладами выступили **Вэй Сяопин** (Институт философии, Китайская академия общественных наук); **П. Банерджи** (Международный институт менеджмента, Нью-Дели); **Мохсин У. Хан** (Председатель Научного фонда Захира, Нью-Дели-110001); **В. Эльснер** (Бременский университет, Факультет бизнес-исследований и экономики); **Е.А. Капогузов** (д.э.н., доцент, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского); **А.В. Верников** (д.э.н., профессор, ИЭ РАН).

В докладе **Вэй Сяопина** анализировались распределительные отношения в условиях рыночной экономики, сделана попытка прояс-

нить существующий поныне в экономическом сообществе спор о том, рассматривал ли Карл Маркс справедливость распределения в условиях капитализма. Показаны важные ключевые моменты разрешения этого спора на основе анализа критических размышлений Маркса с точки зрения исторических и нормативно-правовых подходов, суждений о ценностях, аспектов теории и реальности.

В докладе **П. Банерджи** на материалах функционирования службы такси Uber и здравоохранения в Индии показано (в рамках теории Поланьи об иерархии сетей и учреждений), как крупные корпоративные структуры изменяют функционирование мелкого и среднего предпринимательства. Управление бизнесом все чаще осуществляется финансовыми структурами. Происходит финансиализация экономики. Она и цифровизация бросают вызов правилам социально-политического управления. Эти координирующие силы имеют национальное, географическое и социальное основания, роль индивида пересматривается.

Доклад **Мохсина У. Хана** был посвящен анализу опыта проведения научно-технической политики более чем за четверть века и ее влияния на рост индийской экономики в различных секторах, таких как лекарственные препараты и фармацевтика, авионавигация, научно-исследовательские работы, архитектурные и инженерные услуги, а также услуги связи.

В докладе **В. Эльснера** рассматривались не только созидательное влияние инноваций, но и нередко вносимые ими деструктивные изменения. Инновации рассматривались как сложный структурный процесс. Раскрыты условия турбулентности и даны рекомендации, касающиеся основных направлений инновационной политики, предложена принципиально новая политическая парадигма для инноваций.

Е.А. Капогузов в докладе анализировал возможности использования экспорта и импорта институтов при проведении экономических реформ на конкретных примерах реформирования российской экономики, показал их слабое или даже отрицательное социально-экономическое воздействие на реформирование, связанное как с отсутствием учета контекста проводимых преобразований, так и с недостаточностью стимулов и разнонаправленностью целевых функций агентов институциональных изменений.

С подведением итогов панельной дискуссии выступил д.э.н., профессор ИЭ РАН **А.В. Верников**.

Впервые в практике Пущинских симпозиумов для студентов – участников симпозиума проведены два мастер-класса, по исследованиям проблем организованной сложной экономики, осуществляемых на основе подходов и методов, выходящих за рамки университетских экономических курсов. В лекции, проведенной в режиме диалога,

С.Г. Кирдина-Чэндлер и **О.Б. Кошовец**, была показана важность экономического дискурса в процессе выяснения актуальных проблем экономики, раскрыты интересы, ценностные установки, терминология при проведении дискурса. Показана важность междисциплинарного научно обоснованного подхода при проведении дискурса.

Второй мастер-класс для студентов был проведен профессором **Р.М. Нуреевым**, который посвятил свою лекцию месту экономической теории в изменяющемся мире, рассказал о появлении новых концепций, новой научной литературы и учебников по экономической теории.

При подведении итогов работы симпозиума в заключительном слове **Г.Б. Клейнер** отметил важную особенность прошедшего симпозиума, на котором его участники исключительно заинтересованно обсуждали поднятые на настоящем симпозиуме проблемы, дискутировали и находили общие подходы к их решению. Цель симпозиума по обсуждению результатов исследований, посвященных развитию нового научного направления – мезоэкономической теории и ее практическому приложению в условиях усложняющихся структурных изменений современной экономики – в основном достигнута.

На симпозиуме главным образом обсуждались две группы научных проблем: феномен нарастающей структурной сложности современной экономики, а также факторы и инструменты взаимодействия государства, общества и бизнес-структур. В докладах, посвященных экономической теории, была сделана попытка сочетать понятие критики и ее содержания, отличие ее от анализа и разбора. Важно было определить, к каким координатам относятся те или иные исследования. Многое, о чем говорилось на симпозиуме в виде «мягких ростков», – как отметил Г.Б. Клейнер, – вырастет в «раскидистые деревья» экономической науки.

Председатель Программного комитета симпозиума **В.И. Маевский** поблагодарил участников симпозиума и сообщил, что по его материалам будет издана монография, в которой подробно будут представлены результаты исследований ученых, выступивших с докладами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов М.Ю., Нешиной А.С.* Феномен мезоуровня в экономическом анализе: теория и практика (По материалам симпозиума в Институте экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 4.
2. *Нешиной А.С., Иванов М.Ю.* О новом направлении в экономической теории (рецензия на коллективную монографию «Мезоэкономика: состояние и перспективы» / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. М.: ИЭ РАН, 2018) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3.

3. Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост: Сборник тезисов докладов участников XIII Международного симпозиума по эволюционной экономике / Отв. ред. В.И. Маевский. М.: ИЭ РАН, 2019.

ABOUT THE AUTHORS

Neshitoy Anatoly Semenovich – Candidate of Economic Sciences, Professor, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow
a-nesh@yandex.ru

Ivanov Mikhail Yurievich – Candidate of Economic Sciences,, Associate Professor, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) Moscow
vektr77@rambler.ru

CREATIVE INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE DEVELOPMENT
OF A NEW DIRECTION IN ECONOMIC THEORY

(to the Results of the XIII International Pushchino Symposium on Evolutionary Economics).

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НООНОМИКИ» – УЧЕБНИК ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНО- СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Рецензия на учебник С.Д. Бодрунова
«Общая теория ноономики».
М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10011

Начало XXI в. ознаменовалось активизацией дискуссий сразу по нескольким направлениям экономической теории, причем каждое из них очень жестко связано с проблемами практики. Эти проблемы можно охарактеризовать как вызовы не только для мировой экономической мысли, но и для мировой политики и мировой общественности.

Речь идет о качественных изменениях в технологиях, с одной стороны, и стагнации в социально-экономическом развитии – с другой. Эти противоречия вызвали самые разнообразные отклики, в том числе и целую серию публикаций в центральных международных изданиях, посвященных вопросам обострения неравенства, социальных конфликтов и глобальных угроз.

Кроме хорошо известных книг Т. Пиккети, о которых уже не раз говорилось в научной литературе, и работ Дж. Стиглица на эти темы, появились публикации в таких журналах, как «The Economist». В этом журнале,

в частности отмечалось, что поколение молодых граждан Великобритании и США предпочитают голосовать за представителей социал-демократического направления, (например, за Б. Корбина и Дж. Сандерса), выступавших за снижение социального неравенства и за социальный вектор решения фундаментальных проблем развития современного общества.

Складывающаяся на всем геополитическом пространстве ситуация отражает накопившиеся глубокие противоречия современных технико-экономической и социально-культурной систем. В этих условиях объективно необходимым становится теоретический поиск возможных направлений и путей решения этих проблем, учет как уже существующих тенденций, так и научное предвидение, основанное на реальных фактах.

В этом контексте особенно знаменательным становится серия работ президента Вольного экономического общества России, директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессора С.Д. Бодрунова, о которых уже немало писалось в научной литературе. В данной статье хотелось бы сосредоточить внимание на новом учебнике, который вышел в свет совсем недавно. Речь идет о книге «Общая теория ноономики», получившей положительные рецензии таких известных ученых, как академик С.Ю. Глазьев и профессор А.А. Пороховский.

Книга вышла под грифом Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и рекомендо-

вана для преподавания экономической теории для бакалавров, магистрантов и аспирантов этого известного российского вуза.

Сразу хотим оговориться, что работа стала предметом широких дискуссий среди международной общест­венности. Обсуждения работ С.Д. Бодрунова, в том числе и этого учебника, прошли в Кембридже, Берлине, Нью-Йорке, в Санкт-Петербурге. В октябре 2019 г. в Доме ученых состоялся семинар по проблемам, поднятым в учебнике. В его работе приняли участие такие известные ученые, как профессор В.Т. Рязанов (СПбГУ), профессор С.А. Толкачев (Финансовый университет при Правительстве РФ), профессор Л.А. Булавка-Бузгалина (МГУ им. М.В. Ломоносова) и ряд других известных ученых.

О чем же эта книга и какие ключевые проблемы в ней поднимаются?

Автор жестко позиционирует свою работу не как футурологическое произведение, ориентированное на размышления вслух о тех мечтах о прекрасном или ужасном будущем, которые мучают человечество, а как работу, в основу которой положено изучение объективных процессов, происходящих, прежде всего, в материальном производстве (и не только в нем), глубокий анализ изменений в технологиях, а также в самом процессе индустриализации.

В первой части этой книги С.Д. Бодрунов предлагает студентам адаптированное для учебного материала изложение своих ключевых идей, часть которых ранее уже публиковалась им, в том числе: анализ противоречий исторического развития индустриального производства, которое прошло через этапы активного прогресса, эпоху нового индустриального общества (адекватно отраженные в книгах Д.К. Гэлбрейта), период постиндустриальной мифологии, где наиболее известными стали работы Э. Тоффлера и ряда других авторов. Но

в дальнейшем, как показано в учебнике С.Д. Бодрунова (с ссылками на целую серию зарубежных и российских публикаций), эта постиндустриальная волна не продемонстрировала своего позитивного потенциала. Более того, она фактически оказалась теоретическим оправданием процессов финансовой и деиндустриализации, прокатившихся по всему миру, включая Российскую Федерацию.

На специфических проблемах деиндустриализации в России мы в данном случае останавливаться не будем, а вот мировые процессы деиндустриализации, связанные с приоритетным развитием финансового капитала, хотелось бы выделить, поскольку им уделяется специальное внимание в этом учебнике, в частности, в весьма интересных приложениях, включающих материалы коллоквиумов, бесед, состоявшихся в Институте нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Дальнейшая логика учебника построена в соответствии с логикой развертывания самого материального производства, его противоречий и объективных проблем, стоящих перед экономикой, технологическим базисом экономики и социально-политическими формами экономических процессов. К этим проблемам относятся не только вызовы деиндустриализации, но и изменения в социально-экономической системе. Что касается первой части вызовов деиндустриализации, то здесь учебник раскрывает альтернативу этому негативному процессу, и этой альтернативой является не отказ от индустриального производства как основы экономики, а переход к новому качеству индустриального развития, где главным фактором прогресса материального производства, технологий и экономики становится знание.

Профессор С.Д. Бодрунов целую серию своих текстов посвятил обоснованию тезиса, в соответствии с которым знание интенсивного материального производства есть базис новой

экономики, позволяющей выйти из тупиков так называемой «новой нормальности», из тупиков стагнации, которая характерна не только для российской, но и для мировой экономики.

Знаниеемкое производство и лежащие в его основе новые технологии раскрываются в учебнике в доступной, но от этого не менее содержательной манере. Здесь автор специально останавливается на особенностях новых технологий и, в частности, шестого технологического уклада, излагает теорию NBIC-конвергенции и особую роль в этой конвергенции информационных технологий. При этом следует подчеркнуть, что С.Д. Бодрунов вопросы цифровизации рассматривает без апологии – с конструктивно-критической точки зрения, не превращающей цифровизацию в абсолютный фетиш или панацею от всех бед, позволяющую решить проблемы современной экономики. Изменения в структуре и содержании материального производства приводят к тому, что соответствующие изменения происходят и в структуре продукта, и в структуре занятости. На место материальных ресурсов как главной составляющей издержек производства приходят знания, и главными затратами в современных высокотехнологичных производствах становятся затраты на создание, обработку и перформативное знание, а отнюдь не затраты на оборудование или сырье.

Отсюда возникла необходимость перехода к новому типу экономических отношений, ключом к чему является, как показывает автор учебника, формирование новой системы общественных потребностей. Это формирование может происходить при сознательном воздействии со стороны общества, государства, бизнеса, гражданского общества, но объективной основой для перформативного формирования потребностей выступает материальный процесс. Сами новые технологии, новый тип занятости, новое содержание труда, развитие знаниеемких

профессий приводят к тому, что, по мнению автора учебника, потребностями человека все более становятся потребности в получении, освоении и воплощении в материальных результатах знаний, а не потребностей в тех симулятивных благах, которые навязывает сегодня экономика, подчиненная стандартам рыночного фундаментализма. (Заметим попутно, что критике последнего тренда – тренда рыночного фундаментализма – была посвящена целая серия работ профессора С.Д. Бодрунова). Чрезмерному увлечению свободным рынком, который превращается сегодня далеко не в свободный, а в контролируемый крупными корпорациями, посвящено немало конструктивных и важных тезисов.

Вторая часть учебника раскрывает те качественные изменения, которые сейчас только начинаются, но уже обретают силу устойчивых трендов в меняющейся системе общественного устройства, которая уходит от собственно экономической системы как доминирующей.

Последнее вызывает немалые дискуссии. В этой рецензии хотелось бы специально подчеркнуть, что в выступлениях участников упомянутых выше обсуждений не раз акцентировалось внимание на необходимости дальнейшей аргументации и развитии тезиса о том, что будущее принадлежит постэкономическому обществу – обществу, которое не является экономическим, в строгом смысле этого слова. С конструктивными замечаниями по этому тезису автора выступали профессор Университета Массачусетса в Амхерсте Д. Котт, профессор Кембриджского университета Д. Лейн, ряд других известных ученых. Профессор С.Д. Бодрунов, отвечая на эту критику, предложил ряд серьезных аргументов в защиту данного тезиса, в том числе и изложенных в этом учебнике

Прежде всего, речь идет о том, что формирование новых способов удовлетворения потребностей как раз

и определяется развитием современных технологий, и сегодня это – объективный мировой процесс. Расширение возможностей удовлетворения потребностей за счет технологического развития создает, с одной стороны, угрозу безграничного роста потребления, но, с другой стороны, формирует возможности для удовлетворения базовых потребностей человека без социально-экономических ограничений.

До сих пор популярен тезис о том, что ключевые ресурсы человеческого развития, начиная от потребительских благ – еды, одежды, жилья, транспорта – и заканчивая техническими возможностями организации современного бытия человека в высокотехнологическом обществе, в условиях знаниеемого производства, основанного на шестом технологическом укладе, будут удовлетворяться практически без ограничений. Рост производительности труда в ближайшие десятилетия может обеспечить создание достаточных материальных предпосылок для решения этой проблемы. Несмотря на кажущуюся фантастичность этого тезиса, он имеет серьезные основания. Приведем только один пример. Хорошо известно, что количества еще вполне доброкачественных продуктов питания, выбрасываемых на свалки в современном мире, достаточно, чтобы решить проблемы голода для всего человечества без дополнительных материальных затрат. Этот маленький пример показывает, что отказ от фиктивных потребностей и уход от безграничного, с точки зрения экономических лимитов, потребления, ограничиваемого самим человеком как мыслящим существом, вполне возможны.

Это общество, где разум, новое содержание деятельности и знания становятся доминантой, С.Д. Бодрунов назвал «нообществом», а систему общественного производства, которая складывается в этом обществе, – «ноономикой». При этом он подчеркивает и в основном тексте учебника,

и в дополнительных приложениях к нему, что ноономика не является формальным синтезом и, тем более, формальным соединением идей ноосферы известного российского ученого, академика В.И. Вернадского, с одной стороны, и стандартной, существующей сейчас модели рыночной экономики – с другой.

Это – совершенно новое качественное состояние общества, в котором, как уже было сказано, собственно материальное производство превращается в автоматизированную, самовоспроизводящуюся технологическую систему, по отношению к которой человек выступает как «контролер и регулировщик».

Последний тезис профессор С.Д. Бодрунов справедливо связывает с теоретической гипотезой, прозвучавшей еще в работах К. Маркса более ста пятидесяти лет назад. Этот тезис Бодрунов развивает теоретически, предполагая основополагающие характеристики нового общества и ноономики.

На базе прогресса технологий, основанных в свою очередь на развитии познания, происходит формирование приоритета культуры и культурных ценностей как главного вектора человеческого развития. Прогресс в сфере культуры и знаний приведет к росту доверия в общественных отношениях и на этой основе – к формированию новых потребностей.

Эта диалектика, эта связка – прогресс технологий, новые культурные ценности, познание, рост доверия и новые «ноопотребности», по мнению профессора С.Д. Бодрунова, аргументированно раскрываемому в учебнике, приведут к формированию нового общества, где социальные и экономические препятствия к овладению знаниями и культурой будут сниматься. Эта система становится не обществом абсолютного равенства, а системой, в которой формируются глубокие внутренние противоречия и различия, но

они будут основаны на более высоком уровне знаний и на способности к их использованию, на овладении принципиально новым культурным уровнем.

Базами для развития такого общества становятся безлюдное производство и превращение техносферы в относительно автономную сферу. Такой процесс создает возможность нового типа общественного развития, которое называется в книге ноономикой.

Замечание, что сейчас такие тезисы представляют собой скорее прогноз будущего, чем анализ настоящего, высказывалось не раз. Следует заметить, что мы также неоднократно задавались вопросом о том, насколько возможным является этот тренд общественного развития.

И действительно, современная общественная и экономическая жизнь не внушает особого оптимизма: замедляющиеся темпы роста при обострении глобальных противоречий, роботизация, которая является для большинства стран мира скорее мифом, чем реальностью, – факт не только для стран периферии, но и для такой страны с богатым научно-технологическим багажом прошлого, как Россия. Все это вызывает немалые сомнения в правомерности оптимистического предвидения, предложенного в работах профессора С.Д. Бодрунова, в частности, в учебнике «Общая теория ноономики», о котором мы сейчас говорим. Однако следует подчеркнуть, что автор видит существующие препятствия и подчеркивает, что человечество стоит на перекрестке, где одна из дорог ведет в тупик и глубокий кризис, который может в конечном итоге оказаться кризисом не только экономическим, но и общественно-политическим и даже военным. Вот этот негативный сценарий упоминается в работах С.Д. Бодрунова, хотя в учебнике он прописан очень кратко – возможно для того, чтобы не внушать излишнего пессимизма молодому поколению, хотя, по нашему мнению, именно этот

негативный сценарий является весьма вероятным для сегодняшнего мира.

Еще важно отметить, что в заключении книги коротко написано о возможных шагах к ноономике в России. Именно этот раздел хотелось бы посоветовать автору развить как можно полнее, потому что большая часть читателей книги будет все-таки ориентирована на поиск ответа на вопрос о том, насколько приложимы эти положения к реалиям сегодняшней экономики нашей страны. И здесь, по нашему мнению, принципиально важным было бы рассмотреть специфику социокультурной исторической эволюции России и выделить ключевые моменты, характеризующие позитивный потенциал этого социокультурного развития, в частности, традиционно активную ориентацию российской интеллигенции на духовные ценности, которые сохраняются на протяжении столетий. Этот потенциал, на наш взгляд, может сыграть большую роль в поддержке в общественном мнении, в гражданском сообществе, возможно, и в политических исследованиях элитарного тренда, который профессор С.Д. Бодрунов определяет как первостепенное развитие науки, образования, высоких технологий в их единстве, как главный приоритет социокультурного развития.

Однако последние полтора столетия эволюции российского общества наполнены глубокими противоречиями. С одной стороны, это попытки активного экономического прогресса на базе эффективного использования рынка в сочетании с традициями России как в эпоху С.Ю. Витте, именем которого не случайно назван институт, которым руководит С.Д. Бодрунов, а, с другой – глубокие противоречия феодально-бюрократической экономической системы и политического абсолютизма. Точно так же и советский период характеризовался мощными противоречиями между приоритетным развитием образования, науки

и высоких технологий в одних сферах и неудовлетворенными нуждами граждан, которые пытались достичь стандартов общества потребления в условиях экономики дефицита. Учет этих противоречий, этих негативных и позитивных традиций нашей отечественной экономики и общества, как нам представляется, был бы очень важным дополнением к работе, которая, несомненно, в скором времени обретет свое новое издание.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что учебник уже востребован. На его базе подготовлены, читаются и будут читаться курсы в ряде университетов России, включая вузы Москвы, Санкт-Петербурга, Урала и др. городов.

Е.С. Зотова
к.э.н., ведущий научный сотрудник,
экономический факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова
eszotova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zotova Elena Serafimovna – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Faculty of Economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
eszotova@mail.ru

“THE GENERAL THEORY OF NOONOMY” – A TEXTBOOK FOR STUDENTS OF MODERN PROBLEMS OF TECHNO-SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS

Review of the Textbook, Written by S.D. Bodrunov "The General Theory of Noonomy." M.: Cultural Revolution, 2019.